

ВЕСТНИК

**ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО № 8 (108)
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2008**

ISSN 1991-9778

СЕРИЯ

«ПРАВО»

Выпуск 14

*ПОСВЯЩАЕТСЯ
65- ЛЕТИЮ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА*

Редакционная коллегия:

д.ю.н., проф. Кудрявцева А.В. (*отв. редактор*),
к.ю.н., доц. Дмитриева А.А. (*отв. секретарь*),
д.ю.н., проф. Майоров В.И., д.ю.н., проф. Кванина В.В.,
д.ю.н., проф. Макарова З.В., к.ю.н., доц. Шафикова Г.Х.,
к.ю.н., доц. Петров А.В., к.ю.н., доц. Демидова Г.С.,
д.ю.н., проф. Нижник Н.С.

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

БАБЕНКО А.Н., ЗАРУБИНА О.А. Трансформация правовых ценностей граждан современной России	4
ГУСАК В.А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	9
ДОБРЫНИН Е.Ю. Категория интереса как источника формирования социальной функции государства	17
КАМАЛОВА Г.Т. Документы и материалы РКП (б) – ВКП (б) как источник для изучения истории правоохранительных органов периода НЭПа	22

Содержание

СОЛОВЬЕВА А.А. Идеальное государство Платона и раннехристианская община: опыт сравнительного анализа	31
ХАРЛАНОВ В.Л. К вопросу о развитии историографии церковно-пенитенциарной системы Российской империи (XIX – нач. XX вв.)	36
Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики	
ГОРОДОКИН В.А. О компетенции эксперта-автотехника при определении причинных связей	41
ДАРОВСКИХ С.М. О необходимости расширения возможности суда в состязательном уголовном судопроизводстве	49
ЗИГУРА Н.А. Разграничение компьютерной информации и «иных» документов ...	53
КЛАССЕН А.Н., МАКСИМОВА В.Г. Правовая природа института помилования в современной российской уголовно-правовой науке	57
КОРНЕЕВ О.А. К вопросу о праве на реабилитацию после декриминализации	60
КРАСУЦКИХ Л.В., РУСЯЕВ И.В. Проблемы реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания	64
ЛИТОВЧЕНКО Е.Б. Соотношение пределов доказывания на стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства	68
ОЛЕФИРЕНКО С.П. История развития института компенсации морального вреда в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации	71
ПЕТРОВ П.К. Похищение человека и незаконное лишение свободы: вопросы квалификации	77
ТКАЧЕВА Н.В. Некоторые проблемы применения меры пресечения «заключение под стражу»	83
Проблемы и вопросы гражданского права	
НОВОСЕЛОВА А.А., ПОДШИВАЛОВ Т.П. Виндикационный иск: проблемы элементного состава	89
ФИЛАТОВА Д.В. Об имущественной природе денег и их видов	93
Проблемы и вопросы конституционного и административного права	
ГАЛКИН А.Н. Укрупнение регионов как условие и средство оптимизации управления, более эффективной социально-экономической политики РФ	95
КАРЯН Н.А. Конституционно-правовой аспект сохранения единства современного российского государства	97
МАКОСЕЙЧУК Т.М. Государственная гражданская служба как подсистема (вид) государственной службы Российской Федерации	100
МАЛЯВИНА Н.Б. Административные процедуры как средство борьбы с коррупцией	105
САГИРОВ Р.З. О транспортной деятельности и административной ответственности за управление автотранспортом в состоянии опьянения	107

Содержание

СТАРИКОВ И.Ю. Регистрация в органах внутренних дел как средство обеспечения безопасности в Российской Федерации 109

ЦАРАКОВА А.П. Развитие российского законодательства в сфере обеспечения безопасности дорожного движения 112

Рецензии, отзывы

ТАРАСОВ А.А. Отзыв официального оппонента на диссертацию Н.А. Поляковой «Правосознание присяжных заседателей как основание вынесения вердикта» 115

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ЦЕННОСТЕЙ ГРАЖДАН СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.Н. Бабенко,

доктор юридических наук, профессор, директор Института законодательства и правовой информации

О.А. Зарубина,

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ЮУрГУ

Не существует объективных знаний о мире без представлений, пропитанных образами. Знаниями для нас являются упорядоченные, связанные, систематизированные представления. В свою очередь комбинация представлений, порожденных образами, которыми они продолжают питаться, позволяет сформировать установки, т.е. устойчивые диспозиции субъекта относительно объектов внешнего мира.

«Примером такого рода установки является то, что императивный, в частности, уголовный закон, соблюдение которого контролируют власти, становится символом стабильности и безопасности в обществе. Он кажется индивидам более способствующим их безопасности, чем закон, который дает им права и возможности для действия, хотя последний регулирует большее число ситуаций повседневной жизни»¹.

Индивидуальная психология спонтанно использует образ закона, вытекающий из образа отцовского авторитета «закона-отца», который разграничивает то, что разрешено, от того, что запрещено. Это разграничение содействует структурированию индивидуальной психологии с детства. Разрешения и запреты помогают выйти из слитного образа мира, обозначить свои собственные пределы. Это разграничение служит охранительным барьером.

Вместе с углубляющейся дифференциацией в современной России выросло внимание к особенностям менталитета и системам ценности. В социологической литературе имеются социальные «портреты» основных групп и общностей российского общества. Это интеллигенция, имеющая во главе иерархии ценностей свободу, причем скорее не «свободу для», а «свободу от» администра-

тивно-бюрократического аппарата, от цензуры, от идеологии и т.д. Кроме того, различием порой обуревают зависть – зависть к элите, к тем, кто обладает положением, властью, богатством. Но при этом они, как привилегия, не приучены нести за свои действия серьезную ответственность.

Если говорить о формирующемся заново облике рабочих, то для них реально осуществимая ценность справедливости – наличие у всех равных прав и равных юридических возможностей, а также увлеченность правдой свободы, реальных прав, личной ответственности.

Таким образом, для рабочих ключевыми ценностями являются власть, справедливость, солидарность, равенство, для интеллигенции – власть, свобода, ответственность. При этом можно согласиться с мнением А. Береловича, Н. Лапина и Н. Тихоновой о «неидеологизированном» характере ценностей, опирающихся на «большую русскую» культуру и общечеловеческие ценности.

Происходит «правовая аккультурация субъекта», в ходе которой он приобретает общие знания правовой культуры, доминирующей в его обществе. «Приобретение этих знаний, существование общих социальных представлений о законах и институтах, об отношениях между государством и гражданином, об их формировании в ходе истории народа, об общих ценностях права, на которые они опираются, обеспечивают всех членов культуры «единым языком», позволяя им общаться, понимать друг друга»².

Правовые ценности возникают как результат деятельности многих людей. Каждая личность в отдельности преследует свои собственные интересы. Но в процессе жизнедеятельности обнаруживается некоторый мини-

мум общих интересов, ценностей, коллективных целей или норм. Такое ценностное правовое согласие может оказаться результатом обсуждения, диалога.

В условиях административно-командной системы главное внимание сосредоточивалось не на гарантиях прав личности, а на выполнении ими обязанностей. Поэтому в системе правовых ценностей личность отодвигалась на второй план, оставалась в тени, защищенность личности от произвола государства фактически сводилась к минимуму.

Такие взгляды широко распространены в России и в настоящее время. Ныне форма и содержание юридической регламентации оказываются творением государственной власти. Регулирование большинства общественных и личных прецедентов продолжает базироваться не на правовых, а на властно-приказных принципах. И рядовые граждане, и государственные органы предпочитают регулировать возникающие конфликты в административном порядке, а не посредством судебной (т.е. собственно правовой) процедуры. Поэтому и демократические завоевания в различных сферах пока основываются в большей степени не на праве, а на дозволении властей. К сожалению, еще не осознана абсолютная необходимость выполнения в любых обстоятельствах так называемых формальных требований права, которые на самом деле и составляют его существенные характеристики.

На современном этапе сторонники синергетики рассматривают развитие мира как самоорганизующееся, закономерно повторяющееся чередование социального порядка и социального хаоса (детерминированный хаос). Наиболее распространенное понимание порядка включает два компонента: 1) многообразие элементов гомогенной или гетерогенной природы; 2) наличие устойчивых отношений, повторяющихся в пространстве и во времени. Различают статический порядок – повторение устойчивых отношений между элементами в пространстве – и порядок динамический – повторение устойчивых отношений между элементами во времени.

Понимание хаоса подчеркивает отсутствие устойчивых (повторяющихся) отношений. В этой связи различают хаос статический – беспорядок в пространстве – и хаос динамический – беспорядок во времени.

В основном разделяя изложенную точку зрения, мы хотим внести небольшие уточнения. Эмпирические наблюдения и теоретиче-

ские размышления убеждают в том, что в чистом виде ни порядок, ни хаос не существуют. На любом этапе развития правомернее говорить о преобладании того или другого элемента процесса развития и функционирования. А это значит, что рождение нового порядка (а, следовательно, и новых правовых ценностей) происходит спонтанно в условиях господствующего старого (по внешней видимости прочного) порядка (господствующих старых правовых ценностей) и вопреки им. Именно поэтому, с синергетической точки зрения, хаос ассоциируется с деструктивной и вместе с тем творческой силой, способностью рождать новый порядок. Он рассматривается в качестве такого же закономерного этапа развития, как и порядок.

Известно, что хаос играет значительную роль (как разрушительную, так и созидательную). На разных этапах образования структур порядка хаос не исчезает, а присутствует в них необходимым компонентом для их существования и дальнейшего развития. Такая структура представляет собой синтез упорядоченности на макроуровне и разупорядоченности на микроуровне. Надо понимать созидательную роль хаоса в микроорганизации и принимать как неизбежный и необходимый элемент в обычной картине мироздания.

Синергетика обосновывает, что все новое, в том числе и правовые ценности, могут возникнуть только благодаря хаосу. Новое в системе не может сформироваться без хаоса. В обыденном представлении с хаосом ассоциируют беспорядок, развал некоего целого, некое деструктивное начало.

На основании изложенного можно взять в качестве общего основания деления правовых ценностей соотношение порядка и беспорядка (хаоса). Поэтому в качестве объекта исследования необходимо выделить два типа правовых ценностей:

- 1) правовые ценности в условиях преобладания беспорядка (хаоса);
- 2) правовые ценности в условиях преобладания порядка.

Освоение новых правовых ценностей носит черты индивидуально-личностного познавательного акта. Поэтому ему присущи черты познания так называемого идеографического типа, постигающего индивидуальное в его однократности, уникальности, неповторимости. А это значит, что первый этап внутреннего «строительства» правовых ценностей помимо специфических черт обладает и чертами

общими, свойственными и историческому, и социальному видам этого типа познания.

Наиболее ярко проявилось осознание необходимости придания общезначимости результатам индивидуально-личностного познания.

«Лишь в государстве, в котором развилось сознание о законах, – писал Г.В.Ф. Гегель, – совершаются обдуманые действия, сопровождаемые ясным сознанием о них, которое развивает способность и потребность сохранять их в таком виде»³. Ясное сознание о законах – это понимание законов. Именно оно выступает основой обдуманных действий. Оно развивает способность и потребность сохранять указанную основу. К. Маркс в осмыслении аналогичной ситуации идет еще дальше: «Законы ... являются внутренними жизненными законами самих его (человека) действий, сознательным отображением его жизни»⁴.

Однако само по себе логическое исследование не приводит к представлению об общезначимости и существенности индивидуального исследуемого объекта и к указанию, что именно из присущих индивидуальности свойств должно быть принято во внимание исследователем. Такое представление и указание может дать только отнесение к ценности. Индивидуальное может стать существенным и обрести определенный смысл «лишь под углом зрения какой-нибудь ценности». Уничтожение же связи с ценностями означало бы невозможность результативного индивидуально-личностного познания. Г. Рикерт пишет: «Если мы понимаем какой-либо объект индивидуализирующим способом, то особенность его должна быть связана каким-нибудь образом с ценностями, которые ни с каким другим объектом не могут находиться в такой же связи...»⁵. Другим приемом раскрытия существенности индивидуального он считает обоснование внутренней необходимости исследуемого объекта как неповторимого, уникального целого. Делает он это, раскрывая причинные связи целого и его частей.

Трансформация правовых ценностей включает в себя элементы творческого процесса. Проблема творчества на современном этапе не рассматривается уже в общем виде, с помощью всеобщих категорий субъекта и объекта, свободы и необходимости и т.д. Она исследуется как проблема существования конкретного человека в мире, его личностного опыта, конкретных противоречий. Другими

словами, субъектом творчества становится, как уже отмечалось, сам человек, личность, конкретный индивид в единстве с предметными условиями, формами общения и самореализации, которые ему необходимо создать, воспроизводить или изменять, сохранять или обновлять. Поэтому «проблема творчества не замыкается на индивидуальном субъекте, так как бытие предзадано ему. Но это не значит, что эта проблема имеет общий план решения, так как открытие бытия достигается человеком через акты самоизменения, через прогресс личностного саморазвития»⁶.

У человека-творца есть «аппарат», обеспечивающий генерацию ценной информации, позволяющей (благодаря этому) решать в повседневной жизни нерешенные задачи, осмысливать случайности, ориентироваться на свой опыт, свою интуицию. Оценивать вероятность своевременности и эффективности осознающейся новой правовой ценности личность сможет только при наличии в жизненном мире, в психике своего рода «островков» хаоса. Если хаоса нет, то ее поведение строго предопределено, как это представляют сторонники позитивного права (в частности, она не может поставить под сомнение действующую норму).

Исходным моментом этих действий являются жизненные противоречия в том смысле, что они возникают в процессе повседневной жизни и затрагивают коренные интересы личности. Их с известной долей условности можно назвать проблемными ситуациями, так как они порождены несоответствием между возможностями жизненного мира и его действительностью (фактическим течением дел в жизненном мире), между потребностями личности и отсутствием условий для их удовлетворения. Возникает проблема выбора. В процессе его существенную роль играют общепсихологические моменты: необходимость выделения доминантной потребности и многократного анализа представлений о последствиях той или иной ценности; обязательность подключения воли как потребности преодоления препятствий на пути к цели.

По мере торжества укрепления порядка правовые ценности возникают как результат двустороннего процесса встречной активности, диалога личности и представителей государства. Такие ценности могут оказаться некоей культурно-духовной перспективой и на этой основе внутренними связями обновления жизни народа, созидания нового ядра общест-

ва. Важнейшими нравственно-правовыми условиями достижения такой цели являются отказ от претензий на монопольное владение знаниями об оптимальных ценностях и вместе с тем принципиальное отстаивание признаваемых правовых ценностей, реализация сочетания прав личности с правами законопослушной социальной группы. Осуществление такого подхода приводит, как показывает опыт высокоразвитых стран, к согласию и гармонии в отношениях между личностью, социальными группами и государством. Реализация противоположного подхода приводит к росту противоречий между личностью и государством. Новые поколения людей, вступая в жизнь, должны адаптироваться к действующим законам и правовым ценностям, что приводит к преобладанию порядка.

В литературе имеется описание двух форм правового освоения процедур власти. Классическая форма освоения правовой действительности в европейской культуре определяется владением как принципом построения правовой материи. Имущественное по своей сути отношение связано с собственностью. Последняя представляет индивида не только в имущественных, но и в межличностных и в правовых отношениях. Насколько индивид представлен в них, настолько он владеет собственностью и может осваивать мир при помощи права.

«Освоение правовых ценностей в русской традиции по многим параметрам отличается от европейской: в ней отражается неотъемлемое качество субъекта освоения, его главная ценность – Свобода. Насколько субъект обладает Свободой, настолько он обозначает свое место в правовой материи через такую конструкцию правового освоения. В освоении ценностей в русской культуре свобода является основой»⁷.

Такое понимание свободы, определяемой как «воля», отнюдь не является тождественным произволу. Произвол – действие вопреки закону, ущемляющее интересы окружающих. Воля – возможность действовать помимо закона, как бы вне его поля. При этом интересы окружающих, их право на «свободу воли» стихийно подразумеваются. Противоположность «произволу» – «законопослушание». Противоположность «воли» – «неволя», т.е. зависимость судьбы и жизни от чужой воли (желания, приказа). Понятие «воля», так же как и «неволя», сформировалось на Руси еще во времена крепостного права. Отмена крепо-

стного права не стала реальным освобождением большинства населения от подневольного состояния, хотя формы зависимости рядовых россиян от властей значительно изменились. Не случайно в среде российской интеллигенции получили распространение разнообразные анархические идеи и учения. Это закономерная реакция народа, стремящегося к свободе и не видящего реальных путей ее достижения.

Становятся понятными появление своеобразного культа свободы у сегодняшних россиян и их понимание свободы как возможности быть самим себе хозяевами, свободы как воли. Это реакция человека на зависимость от бюрократического аппарата, произвола чиновников, правовой нигилизм власть имущих. В таких условиях свобода не понимается ни как реализация своих интересов в рамках заданных правил игры (их никто не соблюдает, да и четких рамок как таковых нет), ни как достаточный уровень политических прав, так как они не обеспечивают защиты от произвола властей.

Проблема правовых ценностей является не до конца разработанной, поэтому должна быть предпринята комплексная попытка анализа системы (иерархии) правовых ценностей. Иерархии ценностей различных социальных групп сильно отличаются друг от друга. На это влияют особенности национальной психологии. Важным вопросом является то, как влияют внешние факторы, в том числе духовные – либерализм, социализм, консерватизм, на систему ценностей.

На процесс формирования ценностных приоритетов в праве оказывают влияние: а) политическая организация государства; б) средства массовой информации; в) личный жизненный опыт; г) участие в общественных движениях; д) профессиональная принадлежность; е) район проживания.

Ценности представляют собой онтологическую основу личности. Они, кроме того, определяют нормативную основу, которая обеспечивает возможность существования того или иного общества. Тип общества поэтому зависит в значительной степени от преобладающей в нем системы ценностей.

В современном российском обществе, с его кризисной реформируемостью, изменяется роль ценностей в эволюции общества. Ценностные системы приобретают функции аттрактора, своего рода магнита, либо удерживающего общество в хаосе, либо вытяги-

вающего из хаотической области и влекущего к новому социокультурному состоянию.

Ученые (социологи и философы) говорят о наличии глобального социокультурного кризиса в современной России. Этот общесистемный кризис охватывает все пространство социальности, в том числе сферу отношений между людьми, а также способы и результаты их деятельности. На уровне индивидов кризис выступает как кризис идентичностей – этнической, политической, правовой. Российское общество эволюционирует между областями социальной реформации и социальной реставрации. Схематически траекторию этой эволюции можно представить как два сопряженных круга или «восьмерку блужданий», которая построена на двух осях («демократия – тоталитаризм», «законность – вседозволенность»), на пересечении которых в центре «восьмерки» находится хаотическая область. Не один раз Россия прошла через эту область, изменения характеризовались неустойчивостью и обострением в точках бифуркаций.

Цивилизационный смысл глубинного выбора, перед которым находится Россия, заключается в следующем: используется или упускается возможность социокультурной реформации, когда индивид становится равноправным субъектом во взаимоотношениях с властями. Эта возможность определяется выбором, делаемым нашими согражданами, который имеет два варианта: один – традиционный, когда определяющими становятся внеш-

ние по отношению к индивиду политические и социально-экономические факторы, другой – когда глубинными регуляторами человеческих действий являются ценности самих индивидов и социальных групп как субъектов общественных процессов. В условиях социокультурного кризиса возрастает вероятность того, что именно ценности принимают на себя функцию агентов, удерживающих общество в хаосе или выводящих из него.

Согласно исследованиям отечественных социологов имеется определенная устойчивость базовых ценностей граждан России. Интегрирующее ядро ценностной системы образуют две терминальные или самодостаточные целевые ценности: общение и семья, а также две инструментальные – законность и социальный порядок.

¹ Fridman L.M. The Idea of Rights as Social and Legal Concept 1977 // Tapp J.I. & Levine F.J. Law justice and the Individual in Society, New York, Holt, Rinehart & Winston. pp. 69–75.

² Kourilsky Chantal Socialisation juridique et identité du sujet, Droit et Société, n 19, pp. 275.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. – М., 1994. – С. 81.

⁴ Маркс К. Дебаты о свободе печати и опубликовании протоколов сословного собрания // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 1. – С. 63.

⁵ Риккерт Г. Философия истории. – СПб., 1908. – С. 49–52.

⁶ Кемеров В.Е. Творчество // Современный философский словарь. – М., 1998. – С. 900.

⁷ Дражина И.В., Пономаренко Е.В. Правовое освоение действительности в системе юридических категорий. – Тюмень, 1995. – С. 140.

ДЕЗЕРТИРСТВО ИЗ КРАСНОЙ АРМИИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ОСНОВА ПРЕСТУПНОСТИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 гг.)

В.А. Гусак,

кандидат юридических наук, начальник УУР ГУВД Челябинской области

Серьезным испытанием для правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны стала борьба с дезертирством из Красной Армии и уклонением граждан от воинской службы, рассматривавшихся в качестве тяжких государственных преступлений. Закон трактовал дезертирство военнослужащих как умышленное самовольное оставление воинской части или места службы либо неявку на военную службу с целью уклонения от нее. Ответственность за это преступление предусматривалась п. 7–10 ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР, которые на военное время устанавливали абсолютно определенную санкцию – высшую меру социальной защиты, т.е. расстрел с конфискацией имущества¹.

Следует отметить, что розыском дезертиров из Красной Армии органы милиции занимались и до войны, т.е. данное направление их деятельности не являлось новым. Так, в докладе о работе милиции Кировской области за 1-й квартал 1941 года отмечалось, что к началу указанного квартала находилось в розыске 246 дезертиров из РККА, в течение квартала было получено 49 агентурно-розыскных дел на дезертиров из РККА. Разыскано за квартал 158 человек или 64,2 %, из них 102 – на территории Кировской области, 56 – на территории других областей².

С началом войны дезертирство из Красной Армии приобрело значительные масштабы. Только за период с 22 июня и до конца 1941 года органы НКВД СССР задержали свыше 710 тысяч дезертиров-военнослужащих, более 71 тысячи уклонистов от мобилизации³. На Оренбургской железной дороге, например, первый случай дезертирства был отмечен уже 1 июля 1941 г., когда с военного эшелона спрыгнул на ходу новобранец РККА. Через две недели на станции Бузулук задержали восьмерых дезертиров с оружием, 21 июля – 16 дезертиров и т.д. Всего к 1942 году на Оренбургской железной дороге их было задержано 299 человек⁴.

Опасность дезертирства была очевидной, поскольку затрагивала коренные, стратегиче-

ские интересы государства, связанные с укреплением Красной Армии и устойчивым функционированием советского тыла. Находясь на нелегальном положении, дезертиры занимались бандитизмом, грабежами и хищениями государственной и общественной собственности, поддерживали и распространяли повстанческие и террористические настроения. Например, в мае 1942 года в селе Мухраново Илекского района Чкаловской области были задержаны дезертиры – местный уроженец (лейтенант Красной Армии) и уроженец Полтавы (помощник командира взвода). Оба дезертировали с Калининского фронта, при задержании у них были изъяты две винтовки, 175 боевых патронов и антисоветские листовки⁵.

Неслучайно поэтому важной особенностью борьбы с дезертирством являлось ее включение в качестве составной части борьбы органов госбезопасности с антисоветскими и повстанческими элементами. Так, в октябре 1942 года, когда сложилась критическая обстановка под Сталинградом, Нарком внутренних дел Л.П. Берия разослал директиву № 115 в адрес руководства НКВД-УНКВД по Башкирской и Удмуртской АССР, Алтайскому и Красноярскому краям, Молотовской, Новосибирской, Омской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областям, а также территориальных органов госбезопасности Казахстана и Дальнего Востока, в которой указывалось на значительную активизацию враждебной деятельности антисоветских элементов в ряде городов и районов глубокого советского тыла и на необходимость их ликвидации. В ходе выполнения данной директивы на территории 23 областей, краев и автономных республик с 1 ноября по 20 декабря 1942 г. было арестовано свыше 9 тысяч уголовных преступников, дезертиров из Красной Армии, с военного производства, беспризорников и хулиганов. Информация об оперативной обстановке в советском тылу докладывалась лично И.В. Сталину и В.М. Молотову⁶. В докладной записке НКГБ СССР о ликвидированных в

стране на 1 мая 1943 г. антисоветских элементах в числе их активистов было отмечено 20 дезертиров из рядов Красной Армии⁷.

Поиск и задержание дезертиров представляло собой сложную задачу из-за целого ряда причин. Во-первых, через территорию важнейших тыловых областей страны – Челябинской, Молотовской, Кировской, Свердловской, Чкаловской и др. – проходили на фронт тысячи эшелонов военного назначения, шли в обратном направлении огромные потоки эвакуированных. Резкое увеличение численности населения в тыловых регионах способствовало развитию дезертирства и преступности. Например, в Чувашии дезертиры и уголовники, объединившись в бандитские шайки, терроризировали местное население, занимались насилием, грабежами и разбоем⁸. Сходная ситуация наблюдалась в других регионах. Во-вторых, в борьбе с организованными преступными группировками сотрудники милиции испытывали серьезные трудности, которые были связаны как с уменьшением их общей численности после мобилизаций на фронт, так, в частности, и резким сокращением количества опытных работников, постоянной текучестью кадров и недостатком их профессионализма. В-третьих, несмотря на то, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» все дела о преступлениях военнослужащих передавались на рассмотрение военных трибуналов, приговоры которых кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора, в критической ситуации начала войны, когда под натиском противника войска Красной Армии в большинстве своем беспорядочно отступали, объективно определить, кто из военнослужащих являлся дезертиром, а кто отстал от своей части и неорганизованно уходил в тыл, было практически невозможно. В этой связи Ставка Верховного Главнокомандования в директиве от 27 июля 1941 г. обращала внимание военных советов на то, что «через линию заградительных отрядов тыла⁹ просачивается в глубокий тыл очень большое количество командиров и красноармейцев. Проникая в глубокий тыл, они своим появлением и преувеличенными сообщениями дезорганизуют население и распространяют панику ...»¹⁰.

Следует отметить, что в тех случаях, когда дезертирство не носило злостного характера (например, в виде самовольной отлучки

свыше суток с целью повидаться с близкими по дороге на фронт без намерения скрыться от военной службы), Верховный Суд в надзорном и кассационном порядке в первые месяцы войны принимал решение о смягчении наказания и направлении осужденных на фронт, полагая, что применение высшей меры в данном случае противоречило бы интересам обороны страны. Итогом обобщения судебной практики первого периода войны явилось руководящее постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г. и указавшее судам на их право карать дезертиров при наличии смягчающих обстоятельств (раскаяние, явка с повинной, самовольная отлучка хотя и свыше суток, но в течение сравнительно небольшого периода времени и т.п.) длительным сроком тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговоров до окончания военных действий и направлением осужденных в действующую армию¹¹.

Разумеется, не все дезертиры могли надеяться на такое решение. Для тех из них, кто встал на путь вооруженных преступлений, постановлением ГКО от 11 октября 1942 г. «О мерах наказания дезертиров, занимающихся бандитизмом, вооруженными грабежами и контрреволюционной повстанческой работой» устанавливалась уголовная ответственность по ст. 58-16 УК РСФСР (измена Родине, каравшаяся расстрелом с конфискацией всего имущества)¹².

Суровая ответственность по данной статье распространялась и на родственников дезертиров. Совершеннолетние члены его семьи карались лишением свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества, если они чем-либо способствовали измене или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей. Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, проживавшие совместно с ним или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, наказывались лишением избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. Такое наказание они несли даже в том случае, если ничем измене не способствовали или даже не знали о ней¹³. Применение сурового наказания для родственников дезертиров было обусловлено стремлением ГКО всеми мерами снизить масштабы дезертирства в чрезвычайно тяжелой обстановке на фронтах, сложившейся для Красной Армии летом и осенью 1942 года.

Организация мер борьбы с дезертирством военнослужащих и военнообязанных в тылу была возложена на органы НКВД. Директива НКВД СССР от 6 декабря 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с дезертирством» приказывала наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей лично наладить работу в данном направлении, организовать в населенных пунктах дозоры и патрулирование, взять под агентурный контроль вокзалы, пристани и железнодорожные станции, рестораны и столовые, систематически проверять документы у всех сомнительных лиц, еженедельно информировать НКВД СССР, крайкомы и обкомы ВКП (б) о результатах проделанной работы¹⁴.

Решая задачу борьбы с дезертирством, в конце 1941 года Главное Управление милиции НКВД СССР разослало на места конкретные указания: выловить дезертиров в зимних условиях и не допустить организации из них преступных формирований; активизировать агентурно-оперативную работу по выявлению и ликвидации дезертиров, для чего применительно к местным условиям разработать планы мероприятий на зимний период; развернуть вербовку новой агентуры из числа лесников, лесообъездчиков, пасечников, охотников, рыбаков и других лиц, связанных по роду своей работы с пребыванием в лесах и знающих лесные и таежные условия; взять на оперативный учет семьи дезертиров с установлением за ними агентурных наблюдений и детальной проверки получаемых сведений, а также семьи призванных в РККА из числа ранее судимых, кулаков, служителей культа и подвергшихся репрессиям со стороны советской власти; вербовать квалифицированную агентуру из самих дезертиров, используя для этого различные компрометирующие материалы на их близких родственников, активно склонять дезертиров к добровольной явке с повинной. Кроме того, завербованных среди дезертиров агентов с санкции соответствующих органов НКВД и без привлечения к ответственности за дезертирство направлять в Красную Армию, тщательно готовить операции по задержанию дезертиров, избегая жертв со стороны милиционеров¹⁵.

Выполняя указания ГУМ НКВД СССР, органы милиции активизировали свою работу. Так, в Чувашской АССР с начала войны и до 25 декабря 1942 г. были задержаны 1532 дезертира и 962 уклониста от мобилизации.

Среди дезертиров органы милиции выявили и арестовали 14 человек, завербованных немецкой разведкой и переброшенных в тыл для шпионской работы¹⁶. В Ташкенте в 1942 году была обезврежена руководимая дезертиром банда, состоявшая из 48 человек и совершившая более 100 тяжких преступлений. В операции по ее ликвидации, наряду с сотрудниками милиции, участвовали военнослужащие воинской части НКВД¹⁷.

С учетом расширения масштабов дезертирства и преступности в условиях затяжного характера войны и неудач Красной Армии на фронтах Главное управление милиции НКВД СССР 9 мая 1942 г. издало директиву «Об организации активных мер по борьбе с уголовными проявлениями, совершаемыми дезертирами и другими уголовными преступниками»¹⁸. Необходимость данного и других дополнительных предписаний обуславливалась активизацией криминальных проявлений со стороны дезертиров и других уголовных элементов с наступлением теплого времени года. В связи с этим органы милиции выявляли и брали на учет места обитания беглых преступников, проводили прочесывание лесных массивов, организовывали за ними наблюдение силами участковых уполномоченных и общественников, создавали специальные оперативные группы по ликвидации дезертиров. Например, в 1942 году на территории Тавдинского и Тобольского районов Омской области в течение нескольких месяцев действовала группа дезертиров из семи человек, грабившая и терроризировавшая местное население. Для ее ликвидации областным управлением милиции была создана специальная группа. Сотрудники милиции с помощью колхозников долго выслеживали преступников, а затем внезапно настигли их и обезвредили¹⁹.

Занимаясь бандитизмом, грабежами и хищениями, многие дезертиры были хорошо вооружены, а потому при задержании нередко оказывали вооруженное сопротивление. Характерным примером является случай, произошедший в Катав-Ивановском районе Челябинской области летом 1942 года, где в лесной чаще на горе был обнаружен блиндаж, замаскированный хворостом. Разведка милиции установила, что в нем скрываются два вооруженных человека. Когда группа оперативных работников окружила блиндаж и потребовала от находившихся там людей выйти и сдаться, в ответ через бойницы раздались выстрелы. Завязавшаяся перестрелка продол-

жалась в течение нескольких часов. С наступлением темноты один из бандитов, прикрытый огнем своего напарника, выполз из блиндажа и попытался скрыться в гуще леса, однако был ранен и сдался. После этого прекратил сопротивление и другой преступник. Задержанные оказались дезертирами Красной Армии, местными уроженцами. Вооружены они были винтовкой и охотничьим ружьем с большим количеством патронов²⁰.

Борьба с вооруженными дезертирами была чрезвычайно опасной. Только за первые два года войны в борьбе с ними погибло 112 сотрудников милиции²¹. С учетом недостаточного уровня профессионализма и в целях уменьшения потерь среди личного состава работников милиции при выполнении служебных обязанностей в апреле 1942 года Главное управление милиции НКВД СССР направило на места циркуляр, в котором особое внимание обращалось на необходимость умелой организации и тщательной подготовки всех операций по задержанию вооруженных дезертиров и других опасных преступников²². На низкое качество операций при задержании дезертиров обращал внимание в своем учебном пособии, изданном в 1943 году, начальник ГУМ НКВД СССР, комиссар милиции III ранга А.И. Галкин.

Анализ документов показывает, что отношение к мероприятиям, проводимым органами НКВД по выявлению и задержанию дезертиров, со стороны населения было неоднозначным и в ряде мест характеризовалось прямой поддержкой арестованных. В первую очередь это относилось к сельскохозяйственным регионам, таким, например, как Кировская область, где допущенные перегибы в период проведения коллективизации вызвали массовое недовольство среди большей части населения и где сосредоточились «кулацкие» спецпоселки с населением, враждебно относящимся к советской власти. Население указанных районов не только не осуждало дезертиров и уклонявшихся от мобилизации, но в ряде случаев целыми деревнями помогало их укрывать. Так, в деревне Соколовской Санчурского района за период войны было задержано 18 дезертиров. По сводкам НКВД, в деревне существовала круговая порука, большинство жителей знали, что дезертиры скрываются в устроенных землянках и подвалах своих домов, но об этом соответствующие органы не информировали. При аресте одного из дезертиров в марте 1943 года они прямо

выразили свое сочувствие, открыто заявив: «Всех не пересадыт, кончится война – все дезертиры вернутся в деревню». В деревне Агеево того же района летом 1942 года в ходе операции РО НКВД по изъятию дезертиров некоторые из них были укрыты в колхозном амбаре. Подобного рода факты наблюдались и в других местах²³.

Сотрудники милиции нередко выявляли факты пособничества и укрывательства дезертиров также со стороны должностных лиц. Причины этого крылись прежде всего в острой нехватке рабочей силы в колхозах. Важно отметить и то, что в значительной степени сочувствие населения к дезертирам и призывникам являлось следствием бездушного, бюрократического отношения местных руководителей к семьям фронтовиков, а порой – открытого произвола и издевательства над ними.

Между тем большинство жалоб нуждающихся в помощи семей фронтовиков имело под собой реальные основания²⁴. Несмотря на непрерывный рост затрат из госбюджета на социальные нужды, бюрократизм чиновников и воровство денежных средств, срыв снабжения и т.д. наблюдались повсеместно в течение всех лет войны, что никак не увязывалось с провозглашенной политикой чуткого отношения к нуждам семей военнослужащих. Так, по данным отдела «В» НКГБ Башкирской АССР, только за период с 20 января по 20 февраля 1945 г. было зарегистрировано 330 жалоб семей военнослужащих-фронтовиков из девяти районов республики, в которых указывалось на отсутствие одежды, обуви и топлива, на недостаточное питание, на отказы в выдаче хлебного пайка и дров, на случаи бюрократического отношения руководителей сельсоветов и райвоенкоматов к обращающимся к ним за помощью людям. В одном из проверенных органами госбезопасности писем на фронт мать сообщала сыну: «... Дорогой сынок, хлеба не дают уже месяц, помощи не оказывают, дров не дают. Не обращают внимания, что ты трижды орденносец. А мы, красноармейские семьи, дрова таскаем на себе и без хлеба сидим. За что вы воюете?»²⁵ Без сомнения, бюрократический произвол негативно отражался не только на конкретных людях, но и наносил серьезный вред государству, создавая почву для антисоветских настроений и дезертирства и, в конечном счете, ослабляя боеспособность тыла и фронта.

Борьба с дезертирством из Красной Армии в течение всего военного времени имела

наступательный характер, однако количество дезертиров в первые годы войны не уменьшалось. Так, в Челябинской области за девять месяцев 1942 года органами милиции было задержано 1879 дезертиров из Красной Армии и стройбатальонов, 1368 человек, уклоняющихся от военной мобилизации, изъято у них 12 винтовок, 1 пулемет, 1 автомат «ППШ», 41 револьвер и 24 гранаты. За это же время были привлечены к уголовной ответственности за бандитизм, разбой и грабежи 72 человека, из них 49 человек или 67,1 % составляли дезертиры из Красной армии, строительных колонн и скрывающиеся от мобилизации²⁶.

В ряде мест борьбу с дезертирством осложняло активное сопротивление нелегальных церковно-монархических и сектантских религиозных организаций, которые не признавали советскую власть, проводили агитацию за склонение военнообязанных к дезертирству, уклонению от мобилизации в РККА и от работ в оборонной промышленности. Так, в Кировской области, опасаясь принудительной отправки на фронт и репрессий, активисты наиболее многочисленной сектантской группы – «Истинно-православной церкви» – перешли на нелегальное положение, устроили в лесах землянки и шалаши для укрытия в них членов ИПЦ, уклонявшихся от мобилизации и дезертировавших из Красной Армии. Только за февраль-сентябрь 1942 года оперативным составом милиции и НКВД в трех из 11 южных районов было ликвидировано 25 землянок, в которых скрывалось свыше 70 человек²⁷.

Наряду с вышеуказанным среди причин массового дезертирства и уклонения от воинской обязанности следует назвать тяжелую обстановку на фронте в первый период войны и одновременно ее замалчивание в средствах массовой информации, что приводило к распространению различных слухов, рождающих сомнения в победе над сильным врагом и пораженческие настроения. Так, преподаватель Полтавского ТПС Оренбургской области Кириллов высказал следующую точку зрения насчет доклада И. Сталина, посвященного 25-й годовщине Октября: «В докладе Сталина чувствуется понижение тона. Когда он выступал в прошлом году, то ясно указал – возможно, годик или полгодика пройдет и будет час расплаты, а в этом году о приближении конца войны не указано. Вероятно, затянется война»²⁸.

Руководствуясь постановлением ГКО от

11 октября 1942 г., о котором выше уже говорилось, НКВД СССР и Прокуратура СССР издали совместную директиву, в соответствии с которой дезертиров, занимавшихся бандитизмом, вооруженными грабежами, заочно предавали суду военных трибуналов как изменников Родине. Вместе с тем им предоставлялась возможность искупить свою вину перед Родиной. Директивой Главного военного прокурора от 18 октября 1943 г. все лица, дезертировавшие из рядов Красной Армии и добровольно явившиеся в органы местной власти или находившиеся в бандах, но не совершившие тяжких преступлений, направлялись в штрафные части в порядке приказа Наркомата обороны СССР без привлечения к уголовной ответственности²⁹.

С целью усиления борьбы с дезертирством предпринимались и организационные меры. Приказом НКВД СССР от 14 октября 1942 г. руководство и контроль за деятельностью органов НКВД по борьбе с дезертирством и уклонением от мобилизации были возложены на Отдел борьбы с бандитизмом /ОББ/ НКВД СССР и его органы на местах³⁰. В июне 1943 года в ОББ НКВД СССР было организовано специальное отделение по борьбе с дезертирством, что дало возможность сделать эту работу более целенаправленной и эффективной.

Повышению уровня профессионализма органов внутренних дел способствовала специальная директива НКВД СССР «О мерах борьбы с бандитизмом и дезертирством», разосланная в декабре 1942 года в периферийные подразделения. В ней требовалось перестроить оперативную работу и сделать ее более результативной, в частности, вместо преследования бандитско-дезертирских групп силами войск и милиции давалась установка обеспечить внедрение в банды агентов, способных подвести криминальные группировки под оперативный удар. В местах их дислокации предписывалось создавать специальную агентурно-осведомительную сеть из лесных объездчиков, охотников и чабанов, способных организовать необходимое наблюдение, а чекистско-войсковые операции по ликвидации банд осуществлять в сочетании с агентурно-оперативными мероприятиями³¹.

Выполняя указания центра, местные органы НКВД накопили определенный опыт борьбы с бандами дезертиров. Соблюдение строгой конспирации, обеспечение проведения операций маршрутной и внутренней аген-

турой, тщательное изучение оперативными работниками внутренней структуры преступных группировок, их численного и персонального состава, связей с населением, средств передвижения, наличия оружия и боеприпасов, характера личностных взаимоотношений в бандах и т.д. – все это стало необходимым условием успешной агентурно-оперативной работы, поскольку представляло собой чрезвычайно важную информационную базу данных при составлении конкретных планов ликвидации вооруженных бандитско-дезертирских формирований.

Так, в Омской области, в банду, действовавшую на территории Викуловского района, были внедрены в конце 1942 года два агента НКВД, выяснившие, что бандитская группа из четырех человек дислоцировалась в районе ряда деревень, имела на вооружении охотничьи ружья, ножи и пистолет и занималась грабежами колхозников, кражами крупного и мелкого скота. Группа имела свой отличный «почерк», выражавшийся в том, что при совершении преступлений бандиты угрожали потерпевшим убийством, наклеивая на двери домов колхозников листки с надписью «Не болтай или получишь нож в бок». Кроме того, они готовили террористические акты над партийно-советским активом. Участники банды ранее были судимы за воровство, вооруженный разбой и попытку убийства председателя сельсовета, а после призыва в Красную Армию сбежали со сборного пункта и перешли на нелегальное положение. Установив их точное местонахождение, агенты НКВД передали информацию оперативной группе. В ходе завязавшейся перестрелки трое бандитов были убиты, один тяжело ранен. Легкое ранение получил оперативный сотрудник³².

В начале 1943 года НКВД СССР подвел итоги борьбы с дезертирством, при этом обратив внимание на некоторые характерные особенности, присущие беглым военнослужащим. В ответ на усиление работы милиции они стали прибегать к более изощренным способам укрытия и маскировки, скрываясь в лесах и горах, в заброшенных полевых избушках и лесных землянках, в специально оборудованных убежищах и тайниках. Например, в одном из районов Омской области дезертир свыше полугода прятался в специально оборудованном укрытии, устроенном на глубине четырех метров под жилым домом. В отделении милиции этого же района

от соседней гражданки С. поступило сообщение о проживании у нее на квартире незнакомой женщины. В ходе проверки выяснилось, что это ее муж, дезертировавший из рядов Красной Армии и передевавшийся в женское платье³³. Арестованный сотрудниками УНКВД по Алтайскому краю один из военнопленных отстриг бороду и два года скрывался под видом старика. Там же скрывавшиеся от призыва узбеки прятались в мешках с хлопком и чаем³⁴.

В ряде областей РСФСР были выявлены многочисленные факты, когда дезертиры, переходя из сельской местности в города, рабочие поселки и устраиваясь на нелегальное положение, занимались грабежами и убийствами, самочинными обысками под видом работников НКВД и других государственных органов. Часто они выдавали себя как за военнослужащих, отставших от воинских частей, так и демобилизованных по ранению командиров и красноармейцев, инвалидов Отечественной войны, эвакуированных граждан. Большинство таких лиц находило прибежище в притонах, у проституток, иногда у инвалидов войны, либо у родственников или знакомых³⁵. Так, в 1943 году органами милиции Новосибирской области была ликвидирована вооруженная бандитская группа из 19 человек, возглавляемая дезертиром из Красной Армии. Преступники совершили ряд вооруженных ограблений, выдавая себя за военнослужащих и работников НКВД. При их задержании были изъяты три пистолета «ТТ», револьвер системы «Наган» с боеприпасами и большое количество изготовленных типографским способом бланков воинских документов³⁶.

Анализ дел, расследованных в 1943 году органами милиции, показал, что дезертирами из РККА и с предприятий оборонной промышленности, а также военнослужащими в целом по стране совершалось 56 % разбоев и грабежей³⁷. Тем не менее, начиная со второй половины 1943 года, волна военного дезертирства пошла на убыль, о чем свидетельствуют милицейские отчеты. В Кировской области, например, в третьем квартале 1943 года по сравнению с первым кварталом 1942 года количество дезертиров и уклоняющихся от призыва в Красную Армию сократилось более чем в два раза. Из общего количества задержанных 846 человек в третьем квартале 1943 года дезертиры и уклоняющиеся от военной мобилизации составили соответственно

731 и 115 человек. Одновременно проводилась работа по разложению дезертирских групп, в результате которой явились добровольно с повинной 74 человека³⁸.

В Челябинской области активная борьба органов милиции с дезертирами привела как к уменьшению их общей численности, так и к значительному сокращению количества совершаемых ими преступлений. За 1943 год в ходе проведения облав и обходов с массовой проверкой документов было выявлено 549 дезертиров из РККА и 1254 лица, уклонившихся от мобилизации. По сравнению с показателями за 10 месяцев 1942 года и без учета пойманных дезертиров в четвертом квартале указанного года, их число в 1943 году сократилось в 3,4 раза. По той же системе подсчета количество уклонившихся от воинского призыва в 1943 году сократилось на 114 человек³⁹. При изучении уголовного контингента, проведенном Челябинским ОУМ по итогам второго полугодия 1944 года, выяснилось, что за этот период дезертирами было совершено 235 преступлений, которые распределялись следующим образом: разбой с убийством и убийства – 8, разбой без убийства и грабежи – 6, квалифицированные кражи – 83, простые кражи – 65, карманные кражи – 2, скотокрадство – 70. В общем количестве данных видов преступлений за указанное время удельный вес преступлений, совершенных дезертирами, составил 6,1 %⁴⁰.

Достаточно результативно боролись с дезертирством органы милиции Чкаловской области. Например, в результате проведенных оперативных мероприятий (облав, оцеплений, периодической проверки мест, пораженных дезертирством и бандитизмом) только с июня по сентябрь 1943 года удалось выявить 869 дезертиров и 2240 лиц, уклоняющихся от службы в РККА, из них к уголовной ответственности было привлечено 1085 человек, передано в райвоенкоматы 1705 человек⁴¹. За этот же период органами УНКВД на территории области было ликвидировано 44 дезертирские группы⁴². Всего в годы войны за дезертирство и уклонение от мобилизации органами НКВД Чкаловской области было задержано 4964 человека, что составило 1,2 % от общего количества мобилизованных в РККА, возбуждено уголовных дел на 3997 человек. При этом за первое полугодие 1945 года количество задержанных преступников данной категории составило 90 человек⁴³.

Проводимая органами милиции работа по ликвидации дезертирства из РККА, а также реализация ряда других дополнительных мер карательного и организационного характера (приказ НКО от 27 декабря 1941 г. о ежедневной проверке документов военнослужащих на железнодорожных станциях, создание заградительных отрядов в соответствии с приказом НКО № 227 от 28 июля 1942 г., организация в апреле 1943 года Главного управления контрразведки НКО («Смерш»), одной из главных задач которого являлась борьба с дезертирством на фронте и др.) способствовала сокращению дезертирства военнослужащих, хотя и не обеспечила его полной ликвидации. Даже незадолго перед ее окончанием происходили побегі осужденных военнослужащих из эшелонов, следовавших на фронт, продолжалось дезертирство из воинских частей с целью уклонения от участия в боевых действиях⁴⁴.

Так, в докладе УНКВД Алтайского края «О работе Управления НКВД по АК за 1-й квартал 1945 года» отмечалось, что за отчетный период было выявлено и задержано дезертиров из армии 86 человек, уклоняющихся от призыва и мобилизации в армию – 152 человека, из них по агентурным данным было задержано соответственно 46 и 41 человек. В результате проведения мероприятий массового характера, облав и обходов было задержано 40 дезертиров и 11 человек, уклоняющихся от мобилизации⁴⁵.

Таким образом, органы милиции в годы войны были постоянно нацелены на борьбу с военным дезертирством, которое являлось не только самостоятельным тяжким преступлением, но и широкой базой для совершения других опасных преступлений, подрывавших оборонную мощь страны. Не случайно поэтому борьба военных и правоохранительных органов с дезертирами носила жестокий и бескомпромиссный характер, сопровождаясь жертвами с обеих сторон. При этом наиболее трудный период этой борьбы выпал на первые военные годы, когда в силу целого ряда причин дезертирство приняло массовые масштабы. Тем не менее общие положительные результаты проведенной работы по неуклонному сокращению дезертирства из РККА были очевидны. Этому способствовало не только победное наступление Красной Армии, но и разработанная нормативно-правовая база, накопившийся в процессе развертывания борьбы с военным дезертирством ценный опыт работы, а также совместные целенаправлен-

ные усилия государственных органов по его ликвидации.

¹ В редакции Постановления ВЦИК и СНК СССР от 9 января 1928 г. // Собрание узаконений. – 1928. – № 12. – Ст. 108.

² См.: Порфирьев Ю.Б. Органы внутренних дел Кировской области в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2000. – С. 115.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9478. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.

⁴ См.: История УВД Оренбургской области. – Оренбург, 2002. – С. 109–110.

⁵ См.: Блинова В.В. Борьба органов НКВД Чкаловской области с контрреволюционными преступлениями в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал – Великой Победе: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию Победы над гитлеровской Германией. – Оренбург, 2005. – С. 129.

⁶ См.: Вольхин А.И. Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 302–303.

⁷ Там же. – С. 316.

⁸ См.: Тимофеев В.В. Органы милиции Чувашии в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002. – С. 41.

⁹ Так в документах начального периода войны именовались пропускные пункты, засады и секреты войск НКВД по охране тыла действующей армии // См.: Лысенков С.Г. Организационно-правовые меры борьбы с дезертирством военнослужащих в период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: материалы международной научно-теоретической конференции. – СПб., 2004. – Ч. 2. – С. 226.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Советское право в период Великой Отечественной войны. – Ч. 2. – М., 1948. – С. 36–37.

¹² ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1 а. Д. 309. Л. 9–10; Уголовный кодекс РСФСР: комментарий. – М., 1941. – С. 64.

¹³ См.: Уголовный кодекс РСФСР: комментарий. – С. 64–65.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 327.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Тимофеев В.В. Указ. соч. – С. 46.

¹⁷ См.: История советской милиции: в 2 т. – Т. 2. – М., 1977. – С. 79.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 13. Л. 116–117.

¹⁹ См.: Шатилова О.А. Милиция Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – С. 87.

²⁰ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 223. Л. 82–83.

²¹ См.: История советской милиции. – С. 79.

²² См.: Галкин А.И. Особенности работы милиции в условиях Великой Отечественной войны. – М., 1943. – С. 12.

²³ См.: Порфирьев Ю.Б. Указ. соч. – С. 120–121.

²⁴ См.: Любецкий А.Е. Партийно-государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореферат дис. ... канд. ист. наук. – Челябинск, 2005. – С. 20.

²⁵ См.: Башкирия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945: документы и материалы. – Уфа, 1995. – С. 363.

²⁶ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 223. Л. 71, 85.

²⁷ См.: Порфирьев Ю.Б. Указ. соч. – С. 122.

²⁸ См.: Блинова В.В. Указ. соч. – С. 129–130.

²⁹ Там же.

³⁰ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 102.

³¹ См.: Вольхин А.И. Указ. соч. – С. 330–331.

³² Там же. – С. 332.

³³ См.: Шатилова О.А. Указ. соч. – С. 87.

³⁴ См.: Вольхин А.И. Указ. соч. – С. 332.

³⁵ ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 351. Л. 34.

³⁶ См.: Шатилова О.А. Указ. соч. – С. 89.

³⁷ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 29.

³⁸ См.: Порфирьев Ю.Б. Указ. соч. – С. 127.

³⁹ ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 6. Д. 223. Л. 85; Оп. 7. Д. 227. Л. 58.

⁴⁰ Там же. Оп. 8. Д. 227. Л. 36–37.

⁴¹ См.: История УВД Оренбургской области. – С. 111.

⁴² См.: Хисамутдинова Р.Р. Борьба органов внутренних дел Чкаловской области с дезертирством в годы Великой Отечественной войны // Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность: материалы научно-практической конференции. – Оренбург, 2000. – С. 164.

⁴³ См.: Хисамутдинова Р.Р., Блинова В.В. Деятельность органов НКВД Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности: четвертые военно-исторические чтения, посвященные 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Екатеринбург, 2005. – С. 355–356; История УВД Оренбургской области. – С. 113.

⁴⁴ См.: Лысенков С.Г. Указ. соч. – С. 226.

⁴⁵ См.: Шатилова О.А. Указ. соч. – С. 87.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРЕСА КАК ИСТОЧНИКА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Е.Ю. Добрынин,

аспирант кафедры теории и истории государства и права ЮУрГУ

Интерес как социальная составляющая многих правовых институтов исследуется уже несколько десятков лет, однако до сих пор ведутся дискуссии о его содержании и сущности. В любом случае сегодняшними учеными интерес уже не понимается с бытовой точки зрения, как «проявление внимания, заинтересованность», «потребность, выгода, польза для субъекта»¹. В зависимости от метода и целей исследования в определении этого понятия ставятся различные акценты, однако основой для каждого из них является связь интереса с потребностями и общественными отношениями².

Вообще интерес есть активная направленность человека на различные объекты, освоение которых оценивается им как благо³. Еще В.Е. Давидович отмечал, что одним из самых серьезных препятствий для поступательного развития является непринятие во внимание в политике и повседневных делах того факта, что интересы различных социальных образований, к которым относятся и государство, и общество, и личность, не только совпадают, но и различаются⁴.

Приемлемые взгляды на категорию интереса достаточно полно изложены в работах С.В. Михайлова. Из данных трудов, а также из справочной литературы можно понять, что в большинстве наук под интересом понимается ничто иное, как имеющее социальный характер отношение субъекта к объекту по поводу удовлетворения потребностей. В то же время принимая во внимание общественный характер интереса и в традициях советской юридической науки, правоведы трактовали интерес как «общественное отношение, опосредующее выгодное оптимальное удовлетворение потребности, определяющее общие условия и средства ее удовлетворения»⁵.

В данной работе категория «интерес» будет рассматриваться только с позиций социальных потребностей, возникающих вследствие определенных социальных отношений общества, государства, отдельных социальных образований и личности в процессе формирования, определения и реализации соци-

альной функции государства. Причем материальной основой интереса следует выделять потребность, а социальной – общественные отношения. Большинство исследователей категории «интерес» не отрицают связь интереса и общественных отношений, однако не определено еще конкретное место интереса в системе таких отношений. Некоторые считают, что интерес непосредственно является специфическим общественным отношением, другие реализацию интересов видят только через взаимоотношения людей, третьи утверждают, что интересы есть форма проявления общественных отношений. На наш взгляд, наиболее верна точка зрения Н.А. Шайкенова, который определяет потребность и интерес как общественные отношения по своей сущности, однако потребность выражает отношение между субъектом и предметом потребности, а социальный интерес есть отношение между субъектами по поводу предмета данной потребности⁶. По нашему мнению, социальная сфера жизни общества представляет собой совокупность динамически развивающихся социальных отношений, причем данные отношения складываются не просто в результате взаимодействия людей между собой, а именно в процессе накопления, траты населением прибыли и доходов, полученных в результате своей деятельности, что на практике является всей совокупностью проблем и вопросов заработной платы, социального страхования, поддержки малоимущих слоев населения и прочее.

При таком представлении в интересе можно обнаружить структуру, состоящую, как правило, из следующих элементов: субъект, предмет и содержание. Субъектами интереса являются не только граждане отдельно взятого государства, но также их объединения, организации, причем следует различать субъектов-носителей социального интереса, т.е. осознанного отношения данных субъектов ко всему множеству предметов и явлений, обусловленного специфическим базисом – социальными потребностями данных субъектов, а также путями и способами их удовле-

творения. Кроме того, процесс формирования социальных интересов может носить как индивидуальный, так и коллективный характер, поэтому социальные интересы по числу носителей подразделяются на индивидуальные, коллективные и общественные, причем последние представляют собой некое усредненное значение индивидуального и коллективного начал социального интереса, совмещающая в себе как единство базисов (потребностей) и собственно интересов, так и противоположности. Общественные интересы не следует понимать только как сумму всех выявленных и учтенных социальных интересов вследствие вышеупомянутой возможности совмещения единства и противоположностей целей субъектов социальных интересов. В данном случае общественные интересы представляют собой модульное значение всех интересов, определяемое государством для целей реализации своей социальной функции.

В современной юриспруденции существует деление всех интересов (социальные интересы представляют только часть всей системы интересов) на публичные и частные, что определяется влиянием общества на процесс формирования интересов. Публичным является интерес, чьим носителем выступает общество как целое, в котором есть общие интересы и цели ее членов, либо тождественные интересы значимой совокупности представителей общества. Публичные интересы могут включать в себя следующие интересы: а) государственные интересы; б) общественные интересы; в) национальные интересы; г) интересы социальных групп (крупных и средних).

Анализ понятий публичного и частного интереса дает основание сделать вывод о том, что любой публичный интерес складывается из суммы частных интересов. По этой причине каждый интерес единоличного субъекта, взятый в отдельности, является частным интересом. Частным интересом будет тогда, когда благо получает конкретное лицо. Если субъектом является народ в целом, то данный субъект будет обладать только публичным интересом. Если же рассматривать конкретное лицо отдельно от всей совокупности лиц, включенных в массовый субъект (народ), то удовлетворение интереса всегда будет частным.

Объекты интереса – это те блага, ради которых субъекты вступают в правоотношение и которые отражают его целевое назначе-

ние, результативность (которое в общем рассматривается как удовлетворение потребностей). Самостоятельным объектом интереса может быть правоотношение в целом (например, по осуществлению предпринимательской деятельности), субъективное право (на приобретение конкретного объекта приватизации), правовое поведение (своевременное исполнение обязательств), объекты правового поведения (товар) и его результаты (доставка товара) и т.д.⁷

Дискуссионным вопросом представляется понимание содержания интереса. Содержание составляет деятельность субъекта, проявляющаяся в социальных отношениях и направленная на реализацию его интересов. Причем когда речь идет о частном интересе, то он реализуется в деятельности субъекта-носителя. Когда же мы имеем в виду публичный интерес, то он может быть реализован и в деятельности субъектов частного интереса. Другими словами, потребность субъекта фактически является содержанием интереса. Понятие же «потребность» в свою очередь применяется для обозначения данного предмета как недостающего, социальных нужд и запросов людей, назревших задач общественного развития⁸.

Наибольшая часть социальных интересов (т.е. аккумулирующих в себе интересы общества в целом) находит свое отражение в сфере права и политики, поэтому важным представляется проследить связь между особенностями артикуляции интересов и методами и механизмами государственного реагирования на соответствующие требования и потребности отдельных социальных групп. Эта связь состоит в том, что государство – арена, где формулируются правила, актуализирующие субъектов взаимодействия, специфику их поведения. Все организованные группы обращаются к государству, поскольку создание и поддержание правил – важный фактор для структуры существующего социально-правового взаимодействия, находящего отражение в реализации государством своей социальной функции.

На наш взгляд, сложный механизм определения содержания социальной функции государства можно представить в виде совокупности следующих этапов: определение социальных интересов, учет социальных интересов, согласование социальных интересов, реализация и удовлетворение социальных интересов.

Этап определения социальных интересов является наиболее важным этапом, так как от того, насколько правильно и точно будет определены социальные интересы, настолько верно будут избраны способы и средства их удовлетворения.

Процесс определения социальных интересов включает в себя следующие стадии: 1) определение круга взаимодействующих в данной социо-нормативной ситуации участников социальных отношений – субъектов-носителей актуальных социальных интересов; 2) установление родовых и видовых социальных характеристик данных субъектов; 3) выяснение направленности интересов взаимодействующих социальных субъектов; 4) выявление целей, которые стремятся достичь данные субъекты; 5) выявление целей, преследуемых некоторыми социальными группами в ущерб общим интересам; 6) первичная оценка общего результата взаимодействия актуальных социальных интересов; 7) обнаружение наиболее общего (типичного) в содержании определенных социальных интересов.

В целом субъекты-носители актуальных социальных интересов можно разделить на две группы: первая, уже занимающая отдельную нишу в механизме определения содержания социальной функции государства, в той или иной степени удовлетворяется уровнем поддержки государством интересов данной группы, в частности, ее члены в большинстве своем считают, что государство в должной мере определяет их социальные интересы и обеспечивает их исполнение в достаточном объеме. Кроме того, участники этой группы осознают главенствующие правила процесса реализации и удовлетворения социальных интересов, находящие выражение в правовых нормах, в большей части принимают их и к тому же имеют возможность оказывать влияние на сохранение таких правил. Вторая же группа, заинтересованная в изменении правил функционирования механизма определения содержания социальной функции, ориентируется на государство с целью изменения правил, не позволяющих им утвердиться. Взаимодействие с политической сферой осуществляется через выяснение стратегических зон правовой среды, которые представляются социальным субъектам как значимый для них и актуализированный для всего множества политико-правовых субъектов срез социального окружения, дающий возможность

контролировать сферы влияния и распоряжаться ресурсами в обществе как для первых, так и для вторых.

После выявления и избрания необходимой стратегической политической зоны субъекты-носители социальных интересов иницируют взаимодействие. Данное взаимодействие происходит на взаимовыгодных условиях, т.е. для осуществления интересов социальных, экономических субъектов должны учитываться и интересы участников самой стратегической политической зоны. Взаимодействие со стратегической зоной политики происходит по следующим каналам: экономика, политика, право, коммуникация, дипломатия, в зависимости от особенностей социального поля. Эти особенности определяются спецификой интересов, ресурсным потенциалом группы, институциональными возможностями и избранной стратегией реализации интереса. Исходя из этого, можно говорить о существовании механизма встречной активности осуществления властных интересов, потенциалов контроля, регулятивного или регламентирующего вмешательства⁹.

Второй этап механизма содержания социальной функции государства заключается в учете выявленных социальных интересов. На практике данный этап выражается в отчетах, резолюциях, заключениях компетентных государственных и иных органов по вопросам реализации государством своих функций, перспективности тех или иных направлений государственной политики и прочее. Вообще наличествует три группы субъектов, занимающихся непосредственно учетом выявленных социальных интересов: государственные органы (что представляет собой так называемый «ведомственный учет», осуществляемый специализированными органами и структурными подразделениями государственных органов), общественный учет (осуществляемый как обществом в целом, так и индивидами в частности), наконец, выделяется «экспертный» учет, осуществляемый специализированными организациями, в том числе общественными, к числу таких организаций следует отнести некоммерческие фонды (к примеру, Фонд Горбачева, созданный в марте 1992 года, представляет собой международный фонд социально-экономических и политологических исследований; основная цель – способствовать продвижению общества к новой цивилизации, в том числе путем проведения исследований социальной сферы жизни

общества, накопления и систематизации полученного материала). С нашей точки зрения наибольший вклад в процедуру учета социальных интересов вносят именно некоммерческие фонды, так как именно здесь возможен учет даже самых радикальных выявленных гражданских позиций, потребностей, и, как итог, социальных интересов.

Этап согласования социальных интересов позволяет найти компромиссные решения, значимые для всех участников общественных отношений, чьи социальные интересы были надлежащим образом выявлены и учтены. На данном этапе государство, аккумулировав всю возможную полноту социальных интересов и определив изначальные потребности, которые послужили основой для формирования социальных интересов, вынуждено самостоятельно определять истинные цели и мотивы субъектов, явившихся источниками социальных интересов. Несомненным является тот факт, что данные цели не всегда будут осознаны непосредственно носителями социальных интересов, так как потребность, которая является базисом интереса, в некоторых случаях представляет собой комплексную систему желаний и мотиваций как самого субъекта, так и его окружения и не связана напрямую с сознанием субъекта, а объективизирована ситуацией.

Этап реализации и удовлетворения социальных интересов требует наибольших затрат со стороны государства, определенных необходимостью публичности и полного достоверного информационного сопровождения такой государственной деятельности.

Нередко реализация публичных интересов является условием реализации частных интересов. Так, условием реализации частного интереса по получению конкретным гражданином высшего профессионального образования является реализация публичного интереса по организации системы высшего профессионального образования. Возможна также и обратная ситуация, когда при реализации частного интереса реализуется публичный интерес. Так, признание Конституционным Судом РФ наличия частного интереса приведет к тому, что остальные лица, обладающие схожим интересом, будут иметь уже публичный интерес. Тем самым с помощью реализованного частного интереса будет реализовываться публичный интерес. В этой связи лицо, обратившееся в данный орган за защитой своего интереса, фактически одновременно явля-

ется не только носителем частного интереса, но и представителем интереса неопределенного круга лиц¹⁰.

В целом процесс формирования социальной функции государства на сегодняшний день малоизучен ввиду крупных социетальных трансформаций, произошедших с Российским государством и обществом в последние десятилетия.

Необходимо понимать социальную функцию государства не как интерес, чуждый по своей природе государству, но как совокупность соотношений реализации целей и задач публичной власти и интересов других областей социума, что позволит избежать односторонности в толковании социальной функции государства как способа реализации только общественного интереса. Д.А. Керимов для решения проблем реализации социальной функции государства в первую очередь предлагает исследовать различные социальные факторы, обуславливающие потребность в нормативно-правовом регулировании соответствующих правовых отношений, а также выявлять и тщательным образом учитывать многообразие интересов социальных образований, классов, общества и государства в целом¹¹.

По нашему мнению, идеальным источником определения содержания социальной функции государства в таком случае будет такая совокупность социальных интересов государства, общества и индивида, при которой вновь возникающие задачи и цели индивидов, общества и государства будут закреплены в области права, тем самым направляя деятельность индивидов на достижение общих целей, за счет чего при увеличивающейся дифференцированности общества будет сохраняться его устойчивость и интегрированность.

Социальные интересы (в том числе правильное их понимание государством) являются важной составляющей функции государства, так как только при условии правильного определения потребностей индивида, общества в целом можно определить содержание социального интереса и с его учетом реализовывать социальное назначение государства, являющееся в свою очередь базисом для социальной функции государства.

¹⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Г.В. Соболева. – Екатеринбург, 1994. – С. 216.

¹¹ Ханипов А.Т. Интересы как форма общественных от-

ношений. – Новосибирск, 1987. – С. 255.

³ Социологическая энциклопедия. – Т. 1. – М., 2003. – С. 382.

⁴ Давидович В.Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности. – М., 1989. – С. 91.

⁵ Шайкенов Н.А. Правовое обеспечение интересов личности. – Свердловск, 1990. – С. 20.

⁶ Там же. – С. 19, 59.

⁷ Бернацкий В.О. Интерес: познавательная и практическая функция. – Томск, 1984. – С. 27.

⁸ Шайкенов Н.А. Указ. соч. – С. 19.

⁹ См.: Нагайчук А.Ф. Технологические основы осуществления социальных интересов в политике // II Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения–2005». – М., 2005. – С. 58.

¹⁰ См.: Горбунов В.А. Соотношение частного и публичного интереса в конституционном законодательстве Российской Федерации // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». – М., 2007. – С. 43.

¹¹ Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. – М., 1991. – С. 23.

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ РКП (б) – ВКП (б) КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПЕРИОДА НЭПА

Г.Т. Камалова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ЮУрГУ

Важнейшим историческим источником для изучения советской правоохранительной системы периода новой экономической политики являются документы РКП (б) – ВКП (б). При анализе документов РКП (б) – ВКП (б) как источника для исследования избранной проблемы мы руководствовались следующими принципиальными положениями. Прежде всего мы исходили из современных оценок места коммунистической партии в механизме советской власти, ее роли в становлении тоталитаризма в СССР. В исследуемый период коммунистическая партия обладала монополией на власть, следовательно, ее документы имели характер директив, обязательных для исполнения и не только коммунистами. Далее мы учитывали, что документы и материалы съездов, конференций, Пленумов ЦК РКП (б) – ВКП (б) – это во многом результат коллективного разума партии. Они содержат поиски путей строительства социализма и определенные концептуальные теоретические положения, развивающие учение К. Маркса, В. Ленина по вопросам диктатуры пролетариата, руководящей роли коммунистической партии, проблемам строительства социализма.

Политические директивы руководящих партийных органов являлись обоснованием содержания, направлений и методов функционирования для государственных органов, в том числе правоохранительной системы. Влияние решений и постановлений РКП (б) – ВКП (б) на содержание и методы деятельности правоохранительных органов было сложным, многоуровневым: некоторые документы носили характер прямого действия, другие – через соответствующие наркоматы или через коммунистов, работавших в них. Характер воздействия, его глубина возрастали на протяжении 1920-х гг. и изменялись в зависимости от перемен в правящей партийной элите. К анализу документов мы подходили с позиций проблемно-хронологического метода.

Использование этого источника требует критического отношения, соотнесения поли-

тических деклараций, провозглашаемых в официальных партийных документах с практическими делами. По этому поводу еще К. Маркс писал: «В исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами, между их представлениями о себе и их реальной сущностью»¹.

Политические директивы партии имели различную форму: призывы, решения партийных съездов и Пленумов ЦК, постановления центральных органов и иные указания секретарей ЦК и др. В годы гражданской войны установки РКП (б) в области борьбы с противниками советской власти часто выражались в лозунгах, призывах и обращениях к массам (например, обращение «Берегитесь шпионов» от 31 мая 1919 г.). Интересно, что во второй половине 1920-х, особенно на рубеже 1920–30-х гг. партия также часто прибегала к прямому обращению к партийным и трудящимся массам, к организации различных партийно-государственных кампаний, которые, начиная с 1926 года, следовали одна за другой. Этим достигалось формирование в мирной обстановке атмосферы чрезвычайного положения и повышенной мобилизационной готовности населения. Например, обращения ЦК и ЦКК ВКП (б) «О борьбе за режим экономии (1926 г.)», «О развертывании самокритики (1928 г.)», «О поднятии трудовой дисциплины (1929 г.)» и др.²

Все многообразие документов и материалов правящей партии можно классифицировать по объему воздействия на организацию и функционирование правоохранительной системы страны и Урала.

Первую группу составили материалы, имевшие долговременное воздействие на жизнь всего общества, определявшие стратегические ориентиры развития советского государства. Сюда можно отнести документы X, XIV, XV съездов партии и некоторых конференций ВКП (б).

Вторая группа включает материалы, определявшие состав и внутреннюю жизнь самой партии, ее борьбу с внешней и внутренней оппозицией, генеральную линию партии.

Третья группа – это материалы, определявшие развитие государственности, понимание сущности диктатуры пролетариата, направления по совершенствованию госаппарата, в том числе и правоохранительной системы.

Четвертая группа содержит материалы, содержавшие практические указания для правоохранительных органов по усилению репрессий.

Среди материалов первой группы ведущую роль играют документы партийных съездов и конференций. Трудно переоценить значимость решений X съезда РКП (б) (8–16 марта 1921 г.) для советского государства и всех его органов, для общества и для самой партии. По докладу В. Ленина съездом было принято историческое решение о замене продразверстки натуральным налогом³, о переходе от политики военного коммунизма к новой экономической политике. НЭП – это не только экономическая политика, ее суть составляла политическая задача – укрепление союза рабочего класса с многомиллионной массой крестьянства. Реализация НЭПа потребовала перемен в нашем политическом строе, определила некоторую стабилизацию режима. Следствием стали кодификация и реформирование всей прежней правоохранительной системы. Решения съезда определили содержание и направление развития страны, общества и партии на весь период 1920-х гг. Обозначенные съездом направления получили развитие в решениях XI, XII съездов и в издаваемых советскими органами нормативных актах.

Надо иметь в виду, что партийные съезды разрабатывали концептуальные теоретические положения о сущности советской государственности, о строительстве социализма в условиях многоукладности. Так, XI съезд РКП (б), развивая положения X съезда, определил сущность НЭПа следующим образом: «...новая экономическая политика не изменяет существа рабочего государства, изменяя, однако существенно методы и формы социалистического строительства, ибо она допускает экономическое соревнование между строящимся социализмом и стремящимся к возвращению капитализмом на почве удовлетворения хозяйственных интересов через рынок

многомиллионного крестьянства»⁴. Кроме того, в резолюциях съезда нашли место такие концептуальные установки, которые позднее станут основой выводов, оправдывавших ужесточение репрессий, а именно: «Пока существуют классы, неизбежна классовая борьба»⁵; «Диктатура пролетариата есть самая ожесточенная, самая упорная, самая отчаянная война классов»⁶; «Пролетариат является классовой основой государства, совершающего переход от капитализма к социализму»; «Пролетариат может выполнить успешно эту задачу в стране с громадным преобладанием мелкого крестьянства лишь при условии чрезвычайно умелого, осторожного и постепенного осуществления союза с подавляющим большинством крестьянства»⁷.

В материалах XII съезда РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) подчеркивается роль коммунистической партии в механизме власти: «Диктатура рабочего класса не может быть обеспечена иначе как в форме диктатуры его передового авангарда, т.е. компартии»⁸. Теоретическое обоснование отрицания большевиками многопартийности и фракционности как проявления буржуазного парламентаризма содержат материалы Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) (14–23 июля 1926 г.). «Наличие политических партий (а также оформленных фракций единой партии) не совместимо с победоносной диктатурой пролетариата и по существу было бы ни чем иным, как тем или другим видом возрождения буржуазной демократии»⁹. Поэтому в условиях пролетарской диктатуры «мы не признаем самой почвы буржуазного парламентаризма, обычной буржуазной партийности»¹⁰.

Среди псевдотеоретических выводов, имевших непосредственное влияние на характер деятельности правоохранительных органов, выделяется положение «об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму»¹¹. Наиболее развернуто это положение формулирует Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) (16–26 апреля 1929 г.): «Рост социалистических форм хозяйства, вытеснение капиталистических элементов и связанный с этим рост сопротивления враждебных нам классовых сил неизбежно вызывают обострение классовой борьбы на этом переломном этапе социалистического строительства». «Пролетарская диктатура на данном этапе означает продолжение и усиление (а не затухание) классовой борьбы»¹². Этим выводом была подведена теоретическая база под

развертывание и оправдание массовых репрессий.

Решения партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК оформлялись нормативными актами советских органов. Так, резолюция XII съезда РКП (б) (17–25 апреля 1923 г.) «О районировании» подчеркнула, что съезд «поручает ЦК партии новый план административно-хозяйственного деления республики провести для начала ... в двух районах (промышленном и сельскохозяйственном) с организацией в них исполкомов»¹³. Это резолюция предопределила законодательство об образовании Уральской области.

Материалы партийных съездов содержат также статистические данные о безработице в СССР, о динамике количественных изменений рабочего класса, количественном и качественном составе партии, результатах чисток, итогах перевыборов советов, как показатель роста политической активности рабочего класса¹⁴ и др.

Хотя решения X съезда РКП (б) имели сквозное значение для всего периода 1920-х гг., но во второй половине 1920-х гг. постепенно снижается приверженность курсу НЭПа и революционной законности, что стало следствием вывода XIV партийной конференции РКП (б) (27–29 апреля 1925 г.) о возможности построения социализма в одной стране¹⁵. Это положение получило дальнейшее развитие в резолюции XIV съезда ВКП (б) (18–31 декабря 1925 г.) «По отчету ЦК», где было отмечено: «В области экономического строительства съезд исходит из того, что наша страна, страна диктатуры пролетариата, имеет «все необходимое для построения полного социалистического общества»¹⁶, «съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии»¹⁷. Этот вывод предопределил курс на индустриализацию, который был конкретизирован в материалах апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП (б)¹⁸.

Начиная с XII съезда РКП (б) (23–31 мая 1924 г.) в повестках съездов и конференций регулярным становится вопрос «О работе в деревне»¹⁹. При этом особое внимание обращалось на улучшение советского аппарата в деревне. XII съезд РКП (б) в качестве первоочередной задачи подчеркнул: «Необходимо неуклонно добиваться четкой и аккуратной работы низовых советских органов: неаккуратная, несвоевременная присылка распоря-

жений о налоге, волокита при производстве землеустроительной работы или при разборе земельной тяжбы, ... пьянство ведущих «борьбу» с самогоноварением, грубость, взятка и произвол в советском аппарате является оружием в руках наших классовых врагов. Обнаружение элементов, вносящих в наш советский аппарат навыки царистско-крепостнического режима и мешающих укреплению союза рабочего класса и крестьянства, изгнания их из советского аппарата, публичный суд над ними являются важнейшими задачами партии и советской власти, наряду с неустанной помощью партии лучшим элементам Советской власти в низовых аппаратах»²⁰. Это решение подтвердил и XIII съезд РКП (б)²¹.

Резолюция «О работе в деревне» Объединенного пленума ЦК и ЦК ВКП (б) от 21–23 октября 1927 г. являлась прямым указанием правоохранительным органам: «Всемерно укреплять основы национализации земли и карать как тяжкое уголовное преступление какие бы то ни было попытки подрыва национализации земли (купля-продажа, дарение и т.д.), решительно карать как уголовное преступление виновных в нарушении закона о всех и всяких видах субаренды»²². Это было связано с наступлением на кулачество и расширением социалистического строительства в деревне. При этом если в резолюции XV съезда ВКП (б) «О работе в деревне» в качестве важнейшей задачи ставилось «дальше развивать наступление на кулачество и развитие всех форм кооперации»²³, то XVI конференция ВКП (б) (23–29 апреля 1929 г.) говорила о необходимости не только ограничения роста капиталистических элементов в деревне, но и их вытеснения крупным общественным хозяйством (государственным и коллективным)²⁴.

В становлении государственной идеологии ведущую роль играли не только общие политические директивы партии, но и специальные постановления, посвященные «задаче воспитания масс в коммунистическом духе». Среди них – резолюция X съезда РКП (б) (1921 г.) «О Главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии»²⁵. Письмо ЦК РКП (б) «Всем комитетам партии Об усилении политпросветительной работы» от 16 ноября 1921 г.²⁶, Резолюции XI съезда «О печати и пропаганде», XII съезда «По вопросам пропаганды печати и агитации», XIII съезда «О культурной работе в деревне» и «Об агитпропаганде»²⁷, Постановление Орг-

Оргбюро ЦК ВКП (б) «О массовой работе на предприятиях»²⁸ и др.

Наряду с расширением задач по просвещению и воспитанию масс пропаганда и печать использовали различные методы дискредитации политических противников. Достигалось пропагандистское обеспечение репрессивной политики. Мобилизационный характер имело обращение XVI конференции ВКП (б) 1929 г. «Ко всем рабочим и трудящимся крестьянам Советского Союза»: «Мы должны в относительно короткий исторический срок догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны, осуществляя социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства». «Мы должны обеспечить быстрый рост индустрии и вместе с тем подъем сельского хозяйства, все больше развивая крупное обобщественное хозяйство в деревне (совхозы, колхозы) на основе высокого машинной техники»²⁹.

Регулярными в повестках руководящих партийных органов были вопросы, связанные с совершенствованием государственного аппарата. В своих решениях они руководствовались указаниями В. Ленина: «Мы должны свести наш госаппарат до максимальной экономии. Мы должны изгнать из него все следы излишеств, которых в нем осталось так много от царской России, от ее бюрократическо-капиталистического аппарата»³⁰. Партийные решения о госаппарате имели прямое отношение к правоохранительным органам (к содержанию, методам и направлениям деятельности либо к кадрам). XIII съезд РКП (б) считал необходимым уделить серьезное внимание «работе над сокращением и упрощением госаппарата». При этом меры по улучшению личного состава партийных ячеек достаточно откровенно увязывались с госаппаратом. Так, XIII съезд РКП (б) отмечал, что «предпринятая проверка некоторых ячеек является одной из сторон проверки советского аппарата»³¹. При этом партийные органы придавали огромное значение «правильному распределению партийных сил, усилению партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности, хозяйственных и других органов, что должно осуществляться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций». С этой целью ЦК по-

ручает «принять все меры к расширению и укреплению учетно-распределительных органов партии в центре и на местах»³².

Усиление работы учетно-распределительных органов сыграло ведущую роль в формировании номенклатуры, в том числе и в правоохранительной системе. Среди мер по совершенствованию госаппарата партия придавала большое значение «выдвиженчеству», рассматривая его как важнейшее средство борьбы с бюрократизмом, волокитой. Эти вопросы нашли отражение в материалах XV конференции ВКП (б) (26 октября – 3 ноября 1926 г.), XV съезда ВКП (б)³³. Данное направление широко представлено в работе с кадрами всех структур правоохранительной системы. Здесь партийные органы руководствовались указаниями В. Ленина: «Если мы хотим бороться с бюрократизмом, то мы должны привлечь к этому низы»³⁴. «Каким же иным способом можно прекратить бюрократизм как не привлечением рабочих и крестьян»³⁵.

В совершенствовании работы госаппарата определенный вклад внесла рабоче-крестьянская инспекция, отчеты которой были регулярными на партийных съездах. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) (29 июля–9 августа 1927 г.) отметил: «Работа Раборина над десятками учреждений центральных, местных, промышленных, торговых, транспортных, давшая сокращение их на 20–30–40 %, при одновременном сокращении изменений отчетности на 50–70 %, показывает, что задача сбережения 300–400 млн. руб. путем сокращения производственных расходов может быть решена в течение года целиком»³⁶. Среди большого количества госучреждений, обследованных РКИ, были и судебные органы Уральской области. Примечательно, что Уральская прокуратура широко использовала в своей работе материалы подразделений наркомата рабоче-крестьянской инспекции в регионе.

Значимыми для направлений и форм деятельности правоохранительных органов были партийные директивы об укреплении революционной законности. Так, XIV партийная конференция РКП (б) (27–29 апреля 1925 г.) в специальной резолюции «О революционной законности» отметила: «Признавая, что интересы укрепления пролетарского государства и дальнейшего роста доверия к нему со стороны широких масс крестьянства в связи с проводимой ныне политикой партии требуют мак-

симального упрочения революционной законности, в особенности в низовых органах власти...»³⁷. Подмена Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП (б) (6–11 апреля 1928 г.) лозунга революционной законности «коммунистической бдительностью и революционным чутьем в отношении классовых врагов» свидетельствовала о смене приоритетов в правящей партии. Пленум предлагал «беспощадно карать злостных саботажников и вредителей». Конкретизация карательных мер как руководство к действию милиции, ОГПУ, суда, прокуратуры содержится в материалах этого пленума: жесткая дисциплина в сроках взыскания платежей, закон о самообложении, применение ст. 107 УК «для удара по кулакам», обыски в целях выявления излишков и конфискация хлебных излишков, проверка и чистка госаппаратов при хлебозаготовительных работах от явно не желающих «ссориться» с кулаками т.п.³⁸

XVI конференция ВКП (б) (23–29 апреля 1929 г.) отметила: «Проведение ускоренного темпа индустриализации и приступ к делу социалистической перестройки сельского хозяйства предъявляют новые требования к качеству работы всего государственного аппарата». Среди мер по его улучшению предлагались жесткие меры в основном репрессивного характера, а именно: привлечение к ответственности виновных в бесхозяйственности бюрократизме и волоките РКИ и рабочими заседателями при бюро жалоб и судом. Для улучшения состава госаппарата конференция предложила организовать его чистку «от элементов разложившихся, извращающих советские законы, срачивающихся с кулаком и нэпманом, мешающих бороться с волокитой..., от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев». Причем вычищенные делились на три категории. В отношении вычищаемых без права работы в советском аппарате (на срок или особо злостных – навсегда) должен быть категорически воспрещен их прием на другую должность и в другое учреждение, и списки их должны опубликовываться ко всеобщему сведению в печати»³⁹, т.е. фактически они обрекались если не на физическую, то политическую смерть однозначно.

Партийные документы содержат материалы прямого действия на органы правоохраны. Так, в специальной резолюции IX съезда РКП (б) (29 марта – 5 апреля 1920 г.) «О милиционной системе»⁴⁰ нашло отражение

теоретическое положение марксизма об отрицании государства. Попытка реализовать концепцию о милиционной системе была предпринята в конце 1920-х гг., ибо трудности страны после гражданской войны не позволили осуществить эту утопическую идею и даже приступить к ее реализации в условиях жесточайшего кризиса и разгула преступности. В 1922 году 30 ноября ЦК РКП (б) принял постановление «Об усилении партработы в милиции», а 11 декабря 1922 г. – «О чистке в милиции»⁴¹.

Политические директивы по содержанию и направленности функционирования правоохранительной системы государства и развитию права в связи с переходом к НЭПу содержатся в документах XI Всероссийской конференции РКП (б) (19–22 декабря 1922 г.): «Водворение во всех областях начал революционной законности, строгая ответственность органов и агентов власти и граждан за нарушение созданных Советской властью законов и защищаемого ею порядка должны идти рядом с усилением гарантии личности и имущества граждан»; «новые формы отношений, созданные в процессе революции и на почве проводимой властью экономполитики, должны получить свое выражение в законе и защите в судебном порядке»; «для разрешения всякого рода конфликтов в области имущественных отношений должны быть установлены твердые гражданские нормы. Граждане и корпорации, вступившие в договорные отношения с государственными органами, должны получить уверенность, что их права будут сохранены»; «судебные учреждения советской республики должны быть подняты на соответствующую высоту»; «компетенция и круг деятельности ВЧК и ее органов должны быть соответственно сужены и сама она реорганизована»⁴².

XI съезд РКП (б) (27 марта – 2 апреля 1922 г.) в развитие действия революционной законности подчеркнул: «ВЦИК должен на деле стать органом, разрабатывающим основные вопросы законодательства ... и систематически контролирующим как деятельность отдельных наркоматов, так и деятельность народных Комиссаров»⁴³. XV съезд ВКП (б) 1927 г. указал на необходимость «обеспечить улучшение и расширение органов суда»⁴⁴.

В материалах съездов и конференций РКП (б) – ВКП (б) естественно содержится огромное количество документов, определявших структуру, развитие, состав, направ-

ления деятельности самой партии. Эти указания имели опосредованное воздействие на функционирование правоохранительной системы. Так, IX Всероссийская конференция РКП (б) (22–25 сентября 1920 г.) приняла решение о создании Контрольной комиссии, которая должна была «осуществлять строго партийный контроль». «При всех губкомах должны быть организованы из наиболее беспристрастных и пользующихся доверием организации товарищей специальные контрольные комиссии, в которые должны поступать жалобы»⁴⁵. Органы партийного контроля в исследуемый период оказывали существенное влияние на личный состав, методы работы партийных организаций, а через них на правоохранительные органы. Дальнейшее развитие компетенция органов партийного контроля получила в резолюции X съезда «О контрольных комиссиях»⁴⁶.

Резолюция X съезда «По вопросам партийного строительства» была направлена на развитие внутрипартийной демократии, на отказ от методов работы времен гражданской войны, которые «тяготели к системе боевых приказов, которые давались руководящими партийными учреждениями и которые беспрекословно без обсуждения выполнялись рядовыми членами партии»⁴⁷. Вместе с тем анализ документов показывает, что характер партийных решений конца 1920-х гг., их тональность вполне соответствует периоду гражданской войны. Во многом этому способствовала резолюция «О единстве», принятая тем же X съездом РКП (б), которая поручала всем организациям «строжайше следить за недопущением каких либо фракционных выступлений» и предполагала «полное уничтожение всякой фракционности». В этой резолюции содержался пункт 7 (первоначально не публиковался). «Он давал право совместному заседанию ЦК и ЦКК 2/3 голосов, перевести из членов в кандидаты или даже исключить из партии любого члена ЦК в случае нарушения партийной дисциплины или допущения фракционности»⁴⁸. Резолюция «О единстве» действовала почти весь советский период, но наиболее активно в 1920-е гг. Ее положения цитировались в решениях XI, XII, XIII, XIV, XV съездов партии в борьбе за лидерство в партии и единомыслие в руководстве⁴⁹. Жесткая партийная дисциплина определила подчинение прокуроров, судей, работников милиции и спецслужб партийным структурам на местах, а внутри правоохрани-

тельных органов все более увеличивавшаяся партийная прослойка была надежным проводником партийной линии.

В тесной связи с резолюцией «О единстве» находится резолюция «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии», которая признала «необходимой неуклонную и систематическую борьбу с этими идеями», а их пропаганду – «несовместимой с принадлежностью к РКП (б)»⁵⁰.

Противоречивость и колебания партийных органов периода НЭПа характерны для их решений по всем вопросам, в том числе и вопросам организации внутренней жизни, методам работы (между традиционными, жесткими методами предыдущего периода и потребностями реалий НЭПа). XI съезд РКП (б) 1922 г. подчеркнул, «что становится возможным и необходимым разгрузить партию от ряда вопросов чисто советского характера, которые ей пришлось брать на себя в предшествующий период»⁵¹. Однако новый Устав РКП (б), принятый XII Всероссийской конференцией РКП (б) (4–7 августа 1922 г.), несмотря на заявление предыдущих съездов о демократизме внутрипартийной жизни, закрепил явно дискриминационные правила приема в партию по трем категориям (рабочие, крестьяне и служащие). А § 51 Устава РКП (б) (вполне в духе методов гражданской войны) гласил: «Строжайшая партийная дисциплина является первейшей обязанностью всех членов партии и всех партийных организаций». «Постановления партийных центров должны исполняться быстро и точно»⁵². Ограничение начал внутрипартийной демократии содержат решения XI и XII съездов, устанавливавшие ограничения приема в члены партии непролетарских элементов, установление партстажа для известных категорий должностных лиц партии, утверждение секретарей вышестоящих инстанций⁵³.

XIII конференция РКП (б) (10–18 января 1924 г.), говоря о пределах демократии в партии, отметила: «Партия ни в коем случае не может быть рассмотрена как учреждение или ведомство; но она также не может быть рассматриваема как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений»⁵⁴. XIV съезд ВКП (б) (декабрь 1925 г.) внес изменения в Устав, где зафиксировал дискриминацию при приеме в партию новых членов. В зависимости от социального происхождения кандидатский стаж для рабочих ограничивался шестью месяцами, для крестьян – менее одного года,

для служащих и выходцев из других партий – не менее двух лет⁵⁵.

Одновременно принимались меры по расширению и укреплению классово-основы партии. В этом отношении показательны (еще до ленинских призывов в партию) решение XIII партконференции «О вовлечении в партию не менее 100 тысяч промышленных рабочих от станка» и постановление январского Пленума 1924 г. «О приеме рабочих от станка в партию»⁵⁶. XIII съезд одобрил инициативу и работу ЦК и в связи с ленинским призывом подчеркнул, что РКП (б) была и остается партией рабочего класса. «После того как деклассирование пролетариата остановилось, после того как советская власть одержала первые значительные успехи на хозяйственном фронте, стало возможным привлечь в ряды партии сотни тысяч новых членов рабочих от станка»⁵⁷. Меры по приему в партию «рабочих от станка», «крестьян от сохи» кардинально изменили состав партии: за период с 1921 по 1929 годы ее численность выросла в восемь раз⁵⁸. Изменился и ее качественный состав. Современные исследователи оценивают эти изменения в правящей партии как одну из причин установления единоличной власти И.В. Сталина в партии и стране.

Партия следила за качественным составом своих рядов, особенно активно освобождалась от явных и мнимых фракционеров. Первая генеральная чистка партии стала непосредственной практической реализацией решений X съезда РКП (б) «О единстве» и «О синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии». Она была организована по письму ЦК РКП (б) от 27 июля 1921 г.⁵⁹ Результаты генеральной чистки в партии рассмотрели XI Всероссийская конференция и XI съезд РКП (б), которые подчеркнули, что «с того времени, как партия стала правительственной партией, к ней с неизбежностью стали примазываться чуждые, карьеристские элементы, преимущественно из городского мещанства, которые теперь составляет главную массу изгнанных в результате Всероссийской партийной чистки элементов»⁶⁰.

На протяжении 1920-х гг. партия неоднократно принимала меры по очищению своих рядов: между XIII и XIV съездами была проведена проверка членов и кандидатов в члены партии. Она охватила 25 % всего состава партии, было исключено 6 % от общего количества проверенных. В 1926 году была проведена частичная проверка деревенских

ячеек, а в 1927 году – всесоюзная перепись (перепись членов и кандидатов)⁶¹.

Ноябрьский (1928 г.) Пленум ЦК ВКП (б) принял решение о самой решительной чистке «от социально чуждых, примазавшихся, бюрократившихся и разложившихся элементов» – «элементов, использующих пребывание в правящей партии для своих корыстных и карьеристских целей, элементов буржуазно-мещанского перерождения, сросшихся с кулачеством и т.п.». В материалах апрельского (1929 г.) Объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) и XVI конференции ВКП (б) 1929 г. она получила название генеральной чистки партии. По размаху (она шла одновременно с чисткой госаппарата), лексике, применяемым методам она стала одной из мер, определившей режим «чрезвычайщины» на рубеже 1920–1930 гг.

Материалы партийных съездов, конференций, Пленумов ЦК содержат богатый материал о борьбе РКП (б) – ВКП (б) как с оппозиционными партиями и группировками, так и с фракционностью внутри самой партии. Изучение характера, направлений, методов этой борьбы позволяет более обоснованно определить содержание этой части деятельности правоохранительных органов, практически выполнявших указания правящей партии по применению репрессивных мер к ее политическим противникам. Начиная с X съезда, в течение всего исследуемого периода вопросы борьбы с оппозицией были постоянными в повестках съездов, Пленумов ЦК. При этом методы борьбы с инакомыслием в партийных рядах, с оппозиционерами характеризуются нарастанием нетерпимости, переходом от теоретических дискуссий и оргвыводов к использованию всей мощи правоохранительного механизма. Уже в материалах XII Всероссийской конференции РКП (б) (4–7 августа 1922 г.) в отношении оппозиционных партий – меньшевиков и эсеров – появляется новая формулировка. Резолюцией «Об антисоветских партиях и течениях»⁶² они фактически ставились вне закона, ибо их деятельность квалифицировалась как антисоветская, антигосударственная. Отсюда вытекали прямые выводы для деятельности карательных органов.

Вопросы борьбы с фракционностью внутри РКП (б) рассматривались на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 парторганизаций (25–

27 октября 1923 г.), где обсуждалось письмо Троцкого против ЦК, письмо 46 участников оппозиции, которые трактовались как «шаг фракционно-раскольничьей политики»⁶³. Январский Пленум ЦК РКП (б) 1924 г. в резолюции «Об итогах дискуссии» осудил линию Троцкого, Радека, Пятакова и др.⁶⁴ Более глубоко эту проблему рассмотрела XIII конференция РКП (б) (10–18 января 1924 г.). В резолюции «Об итогах дискуссии и мелкобуржуазном уклоне в партии» давалась резко отрицательная оценка троцкистской оппозиции и было предложено «немедленно принять самые суровые меры для охраны железной большевистской дисциплины всюду, где ее пытаются колебать». В частности, рекомендовалось принять решительные меры «против распространения документов»⁶⁵, в чем обвинялись троцкисты. Эта резолюция послужила сигналом для репрессий в отношении троцкистов и их союзников.

Документы партии дают богатый материал о внутривнутрипартийной борьбе, в которой теоретические и политические разногласия тесно переплетались с борьбой за лидерство в партии, с борьбой за власть, чрезвычайно обострившейся в связи с болезнью и смертью В.И. Ленина. В январе 1925 г. Пленум ЦК ВКП (б) в связи с публикацией Л.Д. Троцкого «Уроков Октября» для его дискредитации дает историю разногласий Л. Троцкого с генеральной линией партии⁶⁶. Определенные итоги борьбы с Троцким, Зиновьевым и др. подвела XV конференция ВКП (б) (26 октября–3 ноября 1926 г.) в резолюции «Об оппозиционном блоке», принятой по докладу И.В. Сталина. Конференция дала политическую оценку троцкистско-зиновьевской оппозиции как «социал-демократического уклона в партии»⁶⁷. Такие формулировки подготавливали серьезные оргвыводы в отношении оппозиционеров. Они были сделаны Объединенным пленумом ЦК и ЦКК ВКП (б) (23 и 26 октября 1926 г.), который освободил Г. Зиновьева от работы в ИККИ, Л. Троцкого вывел из членов политбюро, Каменева освободил от обязанностей кандидата в члены политбюро ЦК ВКП (б)⁶⁸.

В письме «Ко всем организациям ВКП (б)» от 11 ноября 1927 г. ЦК постановил: «Принять решительные меры против попыток оппозиции перенести партийную дискуссию за пределы партии, не допускать нелегальных собраний, созываемых оппозиционерами, а в случае их созыва, несмотря на принятые ор-

ганизациями мерами, распускать их силами партийных организаций и рабочих»⁶⁹. И в данном случае партийное постановление было воспринято как прямое указание для арестов и осуждения тех, кто, как считалось, принадлежал или мог принадлежать к оппозиции. А 14 ноября 1927 г. ЦК и ЦКК исключили из партии Троцкого и Зиновьева, что развязывало руки спецслужбам в применении репрессий к ним и их сторонникам.

XV съезд ВКП (б) (2–19 октября 1927 г.) одобрил постановление ЦК и ЦКК ВКП (б) от 14 ноября 1927 г. об исключении из партии Троцкого и Зиновьева и исключил из партии еще 75 активных участников оппозиции и группу Сапронова (23 человека). Съезд подчеркнул: «Оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, превратилась объективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры»⁷⁰. В специальной резолюции съезда «Об оппозиции» дан анализ разногласий по идеологическим, тактическим и организационным вопросам⁷¹. Это решение съезда означало полное поражение противников Сталина, обеспечило ему победу в борьбе за власть и курс на форсированное строительство социализма необычайными методами. Все это не могло не сопровождаться конкретными мерами по повышению статуса карательных органов в механизме власти, расширению их полномочий.

Среди мер, обеспечивших небывалый рост репрессий против собственного народа, следует выделить политические выводы и указания ноябрьского 1929 г. Пленума ЦК ВКП (б) «О повороте основных масс крестьянства к колхозному движению»⁷², что послужило «дальнейшему форсированию процессов коллективизации», переходу к сплошной коллективизации и пересмотру контрольных цифр первого пятилетнего плана в сторону значительного их завышения⁷³. Прямым следствием этих политических директив стало свертывание НЭПа, применение насилия и произвола в отношении крестьянства, отсюда рост преступности и расширение внесудебной репрессии в отношении всех категорий населения (крестьян, рабочих, служащих).

Анализ опубликованных партийных документов, а также партийные и государственные материалы, ставшие доступными в 1990-е гг., с очевидностью говорят о том, что массовые репрессии были инициированы и

организованы высшими партийными инстанциями.

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – М., 1957. – Т. 8. – С. 145.
- ² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М., 1970. – Т. 3. – С. 322–327; Т. 4. – С. 94–98, 169–175.
- ³ Там же. – Т. 2. – С. 256–257.
- ⁴ Там же. – С. 318.
- ⁵ Там же. – С. 319.
- ⁶ Там же. – С. 325.
- ⁷ Там же. – С. 322.
- ⁸ Там же. – С. 406.
- ⁹ Там же. – Т. 3. – С. 335.
- ¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 385.
- ¹¹ КПСС в резолюциях... – Т. 3. – С. 382; Т. 4. – С. 136.
- ¹² Там же. – Т. 4. – С. 182–183.
- ¹³ Там же. – Т. 2. – С. 443.
- ¹⁴ Там же. – Т. 3. – С. 333, 395, 500–501; Т. 4. – С. 368.
- ¹⁵ Там же. – Т. 3. – С. 213.
- ¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 370.
- ¹⁷ Там же. – Т. 3. – С. 246, 312–321.
- ¹⁸ Там же. – Т. 3. – С. 242.
- ¹⁹ Там же. – Т. 2. – С. 472–481; Т. 3. – С. 75–86; 135–140; 524–540.
- ²⁰ Там же. – Т. 2. – С. 476–477.
- ²¹ Там же. – Т. 3. – С. 85.
- ²² Там же. – Т. 3. – С. 538.
- ²³ Там же. – Т. 4. – С. 58.
- ²⁴ Там же. – Т. 4. – С. 209.
- ²⁵ Там же. – Т. 2. – С. 242–246.
- ²⁶ Там же. – Т. 2. – С. 286–289.
- ²⁷ Там же. – Т. 2. – С. 366–365; 455–468; Т. 3. – С. 86–97; 99–108.
- ²⁸ Там же. – Т. 3. – С. 447–453.
- ²⁹ Там же. – Т. 4. – С. 248.
- ³⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 45. – С. 404–405.
- ³¹ КПСС в резолюциях ... – Т. 3. – С. 42.
- ³² См.: решение X Всероссийской конференции РКП (б) (1921 г.) // КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 270–271; резолюцию XII съезда РКП (б) «По организационному вопросу» // КПСС в резолюциях... – Т. 2. – С. 454.
- ³³ См.: КПСС в резолюциях ... – Т. 3. – С. 383; Т. 4. – С. 23, 394.

- ³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т. 42. – С. 37.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ КПСС в резолюциях ... – Т. 4. – С. 489.
- ³⁷ Там же. – Т. 3. – С. 206.
- ³⁸ Там же. – Т. 4. – С. 75–83, 88.
- ³⁹ Там же. – Т. 4. – С. 222, 227. Это решение XIV конференции законодательно оформлено положением ЦИК и СНК СССР от 1 июня 1929 г. // СЗ СССР. – 1929. – № 35. – Ст. 313.
- ⁴⁰ Там же. – Т. 2. – С. 176–178.
- ⁴¹ См.: Известия ЦК РКП (б). – 1921. – № 33. – С. 31.
- ⁴² КПСС в резолюциях ... – Т. 2. – С. 306.
- ⁴³ Там же. – Т. 2. – С. 315.
- ⁴⁴ Там же. – Т. 4. – С. 25.
- ⁴⁵ Там же. – Т. 2. – С. 194–195.
- ⁴⁶ Там же. – Т. 2. – С. 224–226.
- ⁴⁷ Там же. – Т. 2. – С. 207.
- ⁴⁸ Там же. – Т. 2. – С. 220–221.
- ⁴⁹ Там же. – Т. 2. – С. 368.
- ⁵⁰ Там же. – Т. 2. – С. 224.
- ⁵¹ Там же. – Т. 2. – С. 315.
- ⁵² Там же. – Т. 2. – С. 383..
- ⁵³ Там же. – Т. 2. – С. 502.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. – Т. 3. – С. 263, 297.
- ⁵⁶ Там же. – С. 13, 14.
- ⁵⁷ Там же. – С. 40.
- ⁵⁸ Там же. – Т. 4. – С. 239. См. также: Постановление ЦУ ВКП (б) «О регулировании роста партии в связи с итогами переписи» (13 октября 1927 г.) // КПСС в резолюциях ... – Т. 3. – С. 543.
- ⁵⁹ Там же. – Т. 2. – С. 272–277.
- ⁶⁰ Там же. – Т. 2. – С. 308, 312, 335.
- ⁶¹ Там же. – Т. 4. – С. 238–239, 247.
- ⁶² Там же. – Т. 2. – С. 390–396.
- ⁶³ Там же. – Т. 2. – С. 496.
- ⁶⁴ Там же. – Т. 2. – С. 497–498.
- ⁶⁵ Там же. – Т. 2. – С. 513–514.
- ⁶⁶ Там же. – Т. 3. – С. 142–150.
- ⁶⁷ Там же. – Т. 3. – С. 401–412.
- ⁶⁸ Там же. – Т. 3. – С. 360–361.
- ⁶⁹ Там же. – Т. 3. – С. 5; 546–547.
- ⁷⁰ Там же. – Т. 4. – С. 20–21.
- ⁷¹ Там же. – Т. 4. – С. 71.
- ⁷² Там же. – Т. 4. – С. 327.
- ⁷³ Там же. – Т. 4. – С. 326, 345.

ИДЕАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ПЛАТОНА И РАННЕХРИСТИАНСКАЯ ОБЩИНА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

А.А. Соловьева,

*кандидат юридических наук, ст. преподаватель кафедры
теории и истории государства и права ЮУрГУ*

Проблема отсутствия единства в современном обществе и проблема реализации идеи справедливости в социальных отношениях тесно связаны. В понятии справедливости отражаются отношения между людьми в связи с их принадлежностью к обществу как к целому¹. Именно общественное единство, стабильность, в сохранении которой заинтересованы все члены общества, наличие объединяющей цели обеспечивает критерий для оценки поступков как справедливых и несправедливых. В истории государства и права можно найти примеры, их немного, когда общество действительно находилось в состоянии относительного единства и приближалось к реализации идей справедливости в социальной действительности. Примерами с определенной долей условности могут служить классический античный полис и раннехристианская община. Идея единства полиса в концентрированном виде нашла отражение в труде Платона «Государства». Общие закономерности, которые могут быть выявлены при сопоставлении этих двух моделей общин, представляют научный интерес и нуждаются во внимательном социально-правовом исследовании.

Близость христианских идей философии Платона отмечали на самых ранних этапах христианской истории. Цельс в труде «Правдивое слово» (179 г.), направленном против христиан, утверждал что христианство – неверно понятая философия Платона². Аврелий Августин находил у Платона идеи, не просто близкие христианству, но жизненно важные, лежащие в основе христианского учения³. В трактате «О граде Божиим» он писал, что Платон и платоники «как никто другой близко подошли к нам (христианам)»⁴. Он отмечал также, что философия Платона «не есть философия этого мира, ... но философия другого мира, постигаемого умом»⁵. Трансцендентный характер учения, противопоставление идеального и реального, естественно-правовой метод регулирования поведения людей сближают христианство с платонизмом.

В связи с этим представляется возможным сравнивать некоторые выводы Платона, связанные с его концепцией справедливости, моделью идеального государства, с идеями, воплотившимися в создании общин первых христиан I–II вв. Раннехристианские общины существовали в течение короткого периода времени и выступали своеобразной переходной формой к возникновению церкви. Но в христианской традиции их организация стала рассматриваться в качестве своеобразного воплощения идеала. Константинопольский патриарх Иоанн Златоуст восхищался «ангельским строем» первых христианских общин⁶.

В общине идеального государства согласно представлениям Платона законы отсутствовали, а правители-философы управляли и разрешали споры на основе познания идей, т.е. естественное право действовало прямо без опосредования позитивным правом. То же можно сказать о нравственном законе в раннехристианских общинах. Наиболее авторитетные члены общины, глубоко постигшие идеи нового вероучения, выступали организаторами, проповедниками, наблюдали за порядком и нравами в общине. Членам общины запрещалось обращаться в официальные суды по возникавшим спорам. В общине существовала своя система наказаний вплоть до отлучения, способами воздействия выступали убеждение и предостережение⁷.

Для Платона единство является «величайшим благом» для государства, т.е. «той целью, ради которой законодатель и устанавливает законы», а отсутствие единства он считает «величайшим злом». Образцом единства государства для Платона, так же как впоследствии для первых христиан, является единство человеческого тела. Идеальное государство «более всего по своему состоянию напоминает отдельного человека».

По мысли Платона, как в живом теле «все совокупное телесное начало ... сострадает части, которой больно ...», так страдание каждого отдельного члена государства долж-

но восприниматься всеми гражданами, как их собственное. Поэтому, когда один из граждан идеального государства «испытывает какое-либо благо или зло, такое государство обязательно ... скажет, что это его собственное переживание, и все целиком будет вместе с этим гражданином либо радоваться, либо скорбеть». Наиболее прочной связью в государстве-общине Платона является общность удовольствия и скорби, при которой одни и те же события всех граждан одинаково радуют или огорчают. Впоследствии те же требования апостол Павел предъявлял к членам христианской общины: «страдает ли один член – страдают с ним все члены; славится ли один член – с ним радуются все члены».

Именно сходное понимание единства позволяет сравнивать организацию раннехристианских общин с устройством гражданской общины идеального государства Платона. В раннехристианской общине единство обеспечивали те же механизмы, что и в проекте идеального государства Платона. В первую очередь это отказ от частной собственности и обобществление имущества.

Для Платона отчуждение индивидов от государства – результат владения частной собственностью. Причина обособленности в том, что «невпопад раздаются возгласы: «Это – мое!» или «Это – не мое!». А где большинство говорит таким же образом и об одном и том же: «Это – мое!» или «Это – не мое!», там, значит, наилучший государственный строй». В идеальном государстве Платона государство перераспределяет материальные блага, созданные земледельцами и ремесленниками: философы-правители и воины-защитники государства «снабжаются пропитанием и всем прочим, что нужно для жизни...». Граждане государства дифференцированы в зависимости от выполнения этих трех основных функций.

Единство общины первых христиан также строилось на отказе от частной собственности и перераспределении материальных благ. Об этом свидетельствует следующий отрывок из «Деяний святых апостолов»: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее ... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями и домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»⁸. Иоанн Златоуст

писал об организации общин, используя те же термины, что и Платон: «Тогда был вырван корень всех зол ... деньги они отвергли ... не было холодных слов «мое» и «твое». Поэтому за столом было веселие. Имущие не стали бедными после раздачи имущества, ибо они получали из общего достояния все, в чем нуждались, бедные же перестали быть бедными»⁹. В шестой главе «Деяний апостолов» упоминается о ежедневных «раздаяниях потребностей». При этом Апостолы поручают семи избранным членам общины распределять материальные блага: «...нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, ... их поставим на эту службу». Платон выражал сходное стремление оградить философов и воинов от всего, что отвлекало бы их от высших задач¹⁰.

Для выполнения организационных функций по распределению средств в общинах христиан были образованы советы членов общины, которые вскоре были преобразованы в коллегии пресвитеров. Позднее из среды пресвитеров начали выбирать епископа, который выполнял функцию главного администратора¹¹. К концу II века епископат стал официальной формой организации церкви, и епископальная церковь утвердилась повсеместно¹².

У Платона различные социально-значимые функции граждан определялись природными качествами индивидов. Философы-правители, в душах которых преобладает разумное начало, вспоминали идеи благодаря классическому воспитанию и приложению усилий.

Первые христиане отвергали социальные и национальные границы между людьми. В этом проявляется сходство с идеями стоиков, воплощение идеала равенства. Между членами раннехристианских общин на рубеже I – II вв. устанавливалось равенство в духе: «Ибо все мы одним Духом крестились в одно тело, Иудеи или Еллины, рабы или свободные, и все напоены одним Духом». Но, как и в общине идеального государства Платона, обратной стороной этого равенства выступало неравенство с точки зрения естественного права – основа дифференциации.

Согласно христианскому вероучению, апостолы исполнились Святого Духа, и этот дар получали все новообращенные при крещении. Христианские источники подчеркивают: «Дары различны, но Дух один и тот

же ...». Наиболее авторитетными членами общины являлись харизматики, которыми, как утверждалось, движет божественный замысел. В «I послании к коринфянам» приводится широкая дифференциация – упоминаются апостолы, пророки, учителя, особо выделены чудотворцы. Как указывал А.Б. Ранович, вероятно, апостолы были прежде всего организаторами, а пророки – проповедниками¹³. Функции учителей в источниках ясно не обрисованы. Скорее всего, они разъясняли вопросы вероучения и обрядов по мере их возникновения¹⁴.

Дух, как полагали ранние христиане, определяет миссию, т.е. функцию: «Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно». Таким образом, разделение функций первых христиан имеет «естественно-правовой» характер. В свете этих замечаний можно констатировать в определенном отношении процесс перехода от представлений о равенстве людей в духе, которое берет начало в учении стоиков и наиболее полно воплощается в практике раннехристианских общин, к началу развития представлений о «дифференциации», которые достигнут своего полного выражения в государственной организации средневековья. Интересно, что аналогичный процесс перехода от идей равенства к «дифференциации» наблюдался и в полисной практике, и находил отражение в теоретических представлениях Платона о справедливости.

Таким образом, и в государстве Платона, и в общинах первых христиан происходит распределение функций между членами общины. Дифференциация как одна из составляющих концепции справедливости получает окончательное закрепление в средневековой государственной и общественной организации, в основе которой также лежит идея дифференциации функций, различного правового и социального положения многочисленных социальных групп и общностей. Эту особенность средневековой социальной и правовой структуры анализирует французский исследователь Ж. Дюби. В средневековом обществе и даже более того в представлении средневекового общества о самом себе идеальным считалось деление на три. Выделялось три вида деятельности, три функции, которые были необходимы для достижения основных целей средневекового общества: целей самосохранения и спасения общины верующих (в религиозном смысле): *orare* – молиться, *regere* –

сражаться, *agricolari* – *laborare* – возделывать землю, трудиться, и соответственно три социальные группы, обладающие различным правовым статусом, – духовенство, воины и крестьяне. Ж. Дюби рассматривает две фразы, принадлежащие епископам Адальберону и Герарду: «Здесь одни молятся, другие сражаются, третьи трудятся...»; «изначально род людской разделен на три, на людей молитвы, земледельцев и воинов»¹⁵. Такой подход иллюстрирует сочетание понятий цели и функции, имеющих определяющее значение для концепции справедливости, с проблемой дифференциации различных социальных групп.

Убеждение в различии духовного дара не нарушает единство раннехристианской общины, которое воспринималось как единство тела Христова. В «I послании к коринфянам» апостол говорит: «Тело же не из одного члена, но из многих. Если нога скажет: «Я не принадлежу к телу, потому что я не рука», то неужели она потому не принадлежит к телу?». Начиная с Аврелия Августина, как отмечал Е.Н. Трубецкой, религиозно-политическая литература видит в единстве форму царства Божия, печать божественного в строе вселенной, в человеческой душе и в особенности – в человеческом обществе¹⁶.

Сходства в организации общин первых христиан и общины идеального государства Платона во многом определялись целями их создания. В миросозерцании древних греков конечная цель человеческого существования подчинялась государству, и Платон придает ему функцию нравственного совершенствования индивида¹⁷. По словам Е.Н. Трубецкого, Платон изобразил «странное, двойственное состояние ...: это – государство с функциями церкви ...»¹⁸.

Цель идеального государства Платона – вести к нравственному совершенству всю единую гражданскую общину в целом. Соблюдение повелений мудрых правителей и законов обеспечивает приближение индивида к миру идей. Цель христиан – духовное самосовершенствование для приближения к миру божественного. Христианство обращается отдельно к душе каждой свободной личности, а община только обеспечивает наиболее благоприятные условия для духовного развития ее членов.

В труде «Государство» Платон прибегал к политическому мифу для объединения государства, в «Законах» он выдвигал нравствен-

ные требования стремиться обеспечивать общественные интересы в ущерб частным. Он понимал, что недостаточно сформулировать и принять закон, необходимо убедить людей в его справедливости и истинности¹⁹. В труде «Законы» он предлагал проводить беседы о Боге и законах перед переселением и образованием новых государств. Но в то время такие беседы не могли объединить людей для нравственных целей. Платон стоит у истоков долгого пути формирования у индивида качеств свободной личности. «Как бы удивился Платон, – писал Аврелий Августин, – если бы увидел такое число необразованных людей ... признающих и проповедующих истину божественной духовности. Ведь Платон не допускал, чтобы толпа могла когда-нибудь отрешиться от чувственных представлений о Боге»²⁰. Это объясняется в первую очередь тем, что единицей идеальной гражданской общины Платона является гражданин-индивид, а религиозной общины первых христиан – свободная личность.

Распространение христианства привело к формированию нового христианского мировоззрения, которое существенно отличается от всех предшествующих представлений. Различия дохристианской и христианской этики метко сформулировал К. Каутский в работе «Этика и материалистическое понимание истории (опыт исследования)»: «Нравственный закон был раньше творцом единого Бога; в христианстве же, напротив, Бог сделался творцом нравственного закона»²¹.

Перемены в духовной атмосфере общества привели к изменениям в правовом мышлении²². Первые христиане отвергали земные порядки и прежде всего государство и политическую власть²³. Гонения на христиан укрепили эту позицию. Отказ первых христиан от отправления официального римского культа и последующие за этим гонения стали основой для обвинения римской власти во вмешательстве в свободу религиозных убеждений со ссылкой на нарушение естественного права. В апологетических рассуждениях Тертуллиана прослеживается преемственность идей стоической философии и римского права. Значение такого положения, с точки зрения развития естественно-правового метода, очень точно сформулировал П.Ф. Преображенский: «С высоты естественного права эти законы [Римской империи] оказываются чем-то ничтожным для апологета. Эти законы, на которых в эту эпоху все-таки базировалась римская го-

сударственность, бледнеют перед принципом “*aequitas sola*”. Признание справедливости закона переносится с него самого на обязанности повиноваться ему. Подданные становятся как бы судьями закона, и, в конце концов, выставляется анархическая максима – “*Legis iniustae honor nullus est*”. Эта максима является логическим следствием из выводов апологета и вполне определяется преследуемыми им целями. Если закон, составляющий сущность имперского законодательства и якобы применяющийся специально к христианам, “*non captat obsequium*” от христианской общины, то тем самым он теряет всякую свою ценность. Только при помощи такого положения можно было потрясти “*arulam quandam*” языческих законов, которые посвоему охраняли целостность империи. Апологет прекрасно сознавал, что он добивался по существу не отмены каких-либо специфических, направленных против христиан законов, а отмены обязательных для всех требований римского права в пользу христиан, и потому ему пришлось удалиться на отвлеченные вершины естественного права»²⁴. Таким образом, представления о естественном праве входят в противоречие с нормами позитивного законодательства и на данном конкретном примере утверждается безусловный приоритет естественно-правовых требований.

В проекте идеального государства Платон в новой политической форме восстановил общинное единство классического греческого полиса. При этом он высказал идеи, которые на рубеже I–II вв. н. э. были воплощены в организации раннехристианских общин. Это связано в первую очередь с общим естественно-правовым методом философии и универсальными закономерностями понимания и реализации идеи справедливости.

¹ См.: Разин А.В. Этика: учебник для вузов. – М., 2003. – С. 486.

² Цит. по: Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. – М., 1990. – С. 305.

³ См.: Бычков В.В. Эстетика Аврелия Августина. – М., 1984. – С. 81–82.

⁴ Цит. по: Майоров Г.Г. Аврелий Августин // Августин: *pro et contra*. – СПб., 2002. – С. 525.

⁵ Цит. по: Майоров Г.Г. Указ. соч. – С. 531.

⁶ См.: Амосин И.Д. Кумранская община. – М., 1983. – С. 210.

⁷ См.: Раннее христианство: в 2 т. – М.; Харьков, 2001. – Т. 1. – С. 316.

⁸ Здесь и далее «Деяния святых Апостолов» цит. По: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета.

⁹ Цит. по: Амусин И.Д. Указ. соч. – С. 210.

¹⁰ См.: Виндельбанд В. Указ. соч. – С. 149.

¹¹ См.: Ранович А.Б. О раннем христианстве. – С. 277.

¹² См.: Там же. – С. 279–280.

¹³ См.: Там же. – С. 271.

¹⁴ См.: Там же. – С. 274.

¹⁵ Дюби Жорж. Трехчастная модель, или Представления средневекового общества о самом себе. – М., 2000. – С. 21.

¹⁶ См.: Трубецкой Е.Н. Указ. соч. – С. 454.

¹⁷ См.: Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. – СПб., 2001. – С. 451.

¹⁸ Там же. – С. 451–452.

¹⁹ См.: Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. – М., 1998. – С. 49.

²⁰ Цит. по: Майоров Г.Г. Указ. соч. – С. 553.

²¹ Каутский К. Этика и материалистическое понимание истории (опыт исследования). – М., 2003. – С. 13.

²² См.: Федорова М.М. Классическая политическая философия. – М., 2001. – С. 39.

²³ См.: История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В.С. Нерсесянц. – М., 1985. – С. 320.

²⁴ Преображенский П.Ф. Тертуллиан и Рим. – М., 2004. – С. 61–62.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ИСТОРИОГРАФИИ ЦЕРКОВНО-ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (XIX – НАЧ. XX ВВ.)

В.Л. Харланов,

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ЮУрГУ

Современный исторический период развития Российского государства характеризуется глубоким реформированием государственного аппарата управления, становлением новой системы государственных органов, в связи с чем возможна тенденция усиления роли силовых и уголовно-исполнительных структур в стране. Отражением карательной политики государства является организация и функционирование пенитенциарной системы. В последние годы принимаются разнообразные организационные и правовые инструменты для повышения эффективности функционирования уголовно-исполнительной системы, которая своими корнями уходит в глубь веков. Не все аспекты данной проблематики исследованы комплексно с применением научных методов познания. Кроме того, целые пласты пенитенциарной политики нашего государства остаются неисследованными, в частности, история развития церковно-пенитенциарной системы, а также системы церковного наказания.

В литературе по истории развития пенитенциарной и церковной системы наказания до сего времени не было исследования, посвященного рассмотрению всех сторон древнерусской системы церковных наказаний в историческом развитии каждой из них в отдельности и в их взаимоотношении в течение древнего периода Русской Церкви. В литературе встречаются лишь отдельные монографии, посвященные узким аспектам данной проблематики, или, наоборот, общие учебные пособия по пенитенциарной системе, не затрагивающие церковную тематику.

Дореволюционная пенитенциарная наука была представлена главным образом работами юристов – преподавателей ведущих университетов России: А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, С.П. Мокринский, Д.В. Краинский, С.К. Гогель и др.¹ Несомненную значимость для исследования поставленной темы представляют работы юристов-практиков тюрем-

ного дела: М.Н. Галкин-Врасский, П.К. Гран, А.П. Саломон, А.М. Стремоухов, С.С. Хрулев, М.М. Исаев, В.Д. Набоков, П.П. Почтарев, А.П. Сипягин и др.²

В классификации дореволюционной историографии пенитенциарной системы преобладает два подхода: первый подход – проблемный, исходящий из отношения к тюремному заключению как средству исправления преступников в условиях лишения свободы; в основе второго подхода лежит идеологическая установка, т.е. отношение к государству и его интересам.

В свою очередь в первом подходе в дореволюционной историографии следует выделить два основных вопроса: 1) о преимуществе тюремного заключения перед другими видами уголовных санкций; 2) о возможности исправления преступников в условиях лишения свободы. Актуальность этих вопросов обуславливалась тем, что в последней трети XIX века ссылка ввиду ее массовости начинает утрачивать свое значение. Вследствие этого тюремное заключение начинает рассматриваться как наиболее оптимальный и единственный вид уголовного наказания, с чем были согласны практически все российские пенитенциаристы. При этом юристы по-разному смотрели на исправляющую роль тюрьмы. Так, С.Г. Гогель, Д.В. Краинский и др. были убеждены, что тюрьма не может служить средством исправления преступников. Более того, в борьбе с преступностью она является средством «развращающим». Что касается иной точки зрения, которую представляли А.А. Пионтковский, С.В. Познышев и др., то они считали исправление преступников в условиях тюрьмы возможным и необходимым.

Что касается второго подхода, то здесь все работы по тюремоведению делятся на три направления: официально-охранительное, официально-либеральное и общественно-либеральное. При этом первое и второе направления возникли в связи с судебной реформой и проведением первых опытов по тю-

ремному реформированию и потому во многом связаны между собой.

Работы первого направления принадлежали перу чиновников, написанных главным образом на материалах инспекционных поездок чинов тюремного ведомства по тюрьмам Российской империи и Европы в связи с подготовкой тюремной реформы. Эти работы посвящены вопросам управления российской тюремной системы, организации жизни заключенных, опыту тюремных преобразований в странах Западной Европы и США. В некоторых работах содержались конкретные предложения относительно исправления существующих недостатков тюремного ведомства. Они отражали официальную точку зрения на проблему тюремной реформы. Среди работ указанного направления можно выделить историческое исследование Н.Н. Емельянова (Николаевского) по истории политической и религиозной ссылки, которое защищало российское тюремное ведомство. Автор в резкой форме критиковал работы американского журналиста Дж. Кеннана о сибирской ссылке и нелестно отзывался о политических заключенных.

В работах второго направления следует выделить исследования известных русских юристов и общественных деятелей И.Я. Фойницкого, Н.Д. Сергеевского, Г.С. Фельдштейна, В.Н. Никитина, Н.М. Ядринцева, которые наряду с правительственными чиновниками привлекались к разработке тюремной реформы. Авторы стремились осуществить глубокий анализ фактического материала, выявить основные недостатки тюремной системы и определить основные направления и мероприятия реформирования ведомства. Наряду с исследованием проблемы авторы предлагали смелые проекты по реформированию тюремной системы, вплоть до отмены ссылки в России как отжившего и несоответствующего интересам России в конце XIX века наказания³.

Все работы первого и второго направления были посвящены проблеме необходимости осуществления тюремной реформы, которая рассматривалась исключительно с точки зрения государственных интересов. При этом опускались негативные стороны деятельности тюремной администрации, а политические арестанты были представлены в негативном свете. Авторы исследований не касались причин, которые побудили политических высту-

пить против государственного и общественного строя.

В конце 60-х гг. XIX века начинает складываться общественно-либеральная историография карательных учреждений, где получили освещение некоторые аспекты тюремной реформы, которые выпали из поля зрения официальной историографии. Для этого направления свойственен обличительный акцент по отношению к карательной политике царизма и объективный подход по отношению к политическим заключенным. Авторы подробно описывают тяжелые условия жизни арестантов, приводят многочисленные факты произвола тюремной администрации. Начало общественно-политической историографии было положено в работах С.В. Максимова, который явно симпатизировал заключенным. Он до мельчайших подробностей описал быт арестантов и состояние русских тюрем. Впервые в российской историографии им были проведены исследования арестантского языка и тюремной азбуки⁴.

К числу наиболее интересных работ указанного направления относятся исследования князя П.А. Кропоткина, который в 60-е гг. XIX века находился на службе в Забайкальском казачьем войске и занимался сбором сведений о состоянии тюрем в Забайкалье. Кроме того, в 70-80-е гг. он имел возможность лично познакомиться с состоянием тюрем России и Франции в качестве заключенного⁵.

Обличительная сторона карательной политики самодержавия достаточно полно представлена в работах представителей социал-демократии и социалистов-революционеров. Однако в их публикациях основное внимание уделялось вопросам политической каторги и ссылки. Исследование пенитенциарной системы в этих работах отражения не получило.

Важное место в историографии тюремного реформирования занимала российская пресса: журналы «Тюремный вестник», «Правительственный вестник», «Юридический вестник», газета «Право» и др. В них значительное внимание отводилось тюремной реформе. Периодические издания давали оперативную информацию о наиболее острых проблемах тюремного ведомства.

Что касается истории развития церковной системы наказаний, то в литературе по истории русского церковного права до сего времени не было исследования, посвященного рассмотрению всех сторон древнерусской системы церковных наказаний в историче-

ском развитии каждой из них в отдельности и в их взаимоотношении в течение древнего периода Русской Церкви.

Основоположителем исследований по данной тематике стал дореволюционный ученый-канонист, профессор Санкт-Петербургского университета Н.С. Суворов.

Отсутствие работ по теме церковных наказаний в русской православной литературе по церковному праву вынудило Н.С. Суворова обратиться к западноевропейской науке канонического права, в которой эта тема разрабатывалась в течение нескольких веков. Материалы по истории права римско-католической церкви позволили русскому правоведам разработать такие теоретические вопросы церковного права, которые невозможно было в то время объяснить на материалах истории Русской православной церкви.

В 1876 году в Санкт-Петербурге вышла в свет книга Н.С. Суворова «О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву». 10 апреля 1877 г. данная работа была защищена им в качестве магистерской диссертации.

По мнению П.В. Гидулянова, сочинение «О церковных наказаниях» было по своей методологии исключительным явлением в области тогдашнего русского церковного права: «Беря в руки магистерскую диссертацию Н.С. Суворова, читатель чувствует, что имеет дело с правом, юриспруденцией, а не с нравоучительным богословием. В этом отношении первая работа Н.С. Суворова выгодно отличается от всех работ его современников. Здесь римский дух, здесь правом пахнет».

В 1884 году Н.С. Суворов защитил на юридическом факультете Императорского Московского университета диссертацию на соискание степени доктора церковного права. Ее название – «Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов» – свидетельствует, что он продолжал разрабатывать тему, которую начал исследовать в своей магистерской диссертации. Рассматривая церковную юрисдикцию в том виде, в каком она сложилась в период времени с 325 до 788 гг., Суворов обращался не только к церковным канонам, но и к светскому законодательству, а также к фактам из церковной истории. Главные выводы, к которым он пришел, изучая исторические документы и факты, заключались в следующем:

1) церковная дисциплина периода вселенских соборов имеет свои корни в первых трех веках христианства, когда на установление ее влияли, с одной стороны, отношения между христианством и языческим миром, а с другой стороны, – воззрения христианских религиозных партий, стремившихся к поддержанию путем дисциплины, идеальной святости церкви;

2) при христианских императорах требования особенной, духовной, дисциплины были возведены в государственный закон;

3) личное отношение христианских императоров к церковному дисциплинарному суду было таково, что, с одной стороны, римский принцип верховной императорской юрисдикции был распространяем и на церковь, а с другой стороны, сам император не был изъят от дисциплинарного церковного суда;

4) органы государственного управления обязаны были блюсти за исполнением узаконенных церковно-дисциплинарных требований и приводить в исполнение приговоры церковного дисциплинарного суда;

5) церковная юрисдикция, в отличие от церковного дисциплинарного суда, как совокупность судебных прав, выделенных государством из его государственно-судебной компетенции, с перенесением этих прав на церковь не могла возникнуть ранее христианских императоров;

6) исключительная подсудность духовенства в качестве ответствующей процессуальной стороны церковному суду по делам гражданским (исключительная, впрочем, только в первой инстанции) установилась со времен императора Юстиниана I. Напротив, по обвинениям духовных лиц в уголовных преступлениях и в законодательстве Юстиниана I общим правилом оставалась подсудность духовенства государственному суду.

Профессор А.С. Павлов (1832–1898), выступавший во время защиты Н.С. Суворовым докторской диссертации в качестве первого официального оппонента, высоко оценил это произведение, назвав его «весьма заметным вкладом» в мало разработанную науку русского канонического права.

Первое издание «Учебника церковного права» Н.С. Суворова вышло в свет в Ярославле в 1898 году. Второе издание названного учебника он выпустил в Москве в 1902 году. В предисловии к нему ученый писал: «Дать учащемуся юристу по возможности сжатое, избегающее многословия и в то же

время не опускающее ничего важного, опирающееся при том же на исторические основы, изложение системы науки церковного права – такова была моя цель».

Вышедшее в 1908 году третье издание «Учебника церковного права» отличалось от второго издания целым рядом исправлений. Некоторые части текста предыдущего издания были в нем опущены, но немало было сделано и добавлений.

В 1912 году было опубликовано четвертое издание рассматриваемого учебника. Оно ничем не отличалось от третьего. Разве только тем, что вышло в свет после смерти его автора.

Составители тогдашних учебников и руководств по церковному праву обыкновенно старались увязать систему изложения материала с природой церковной организации и поэтому описывали сначала внутреннее устройство церкви, затем структуру церковного управления и внешние отношения церкви. Заключительная часть учебного курса посвящалась при такой системе учению об источниках церковного права. Н.С. Суворов полагал, что его учебник церковного права должен строиться по следующей системе: «1) исторический очерк развития церковного устройства, 2) исторический очерк развития источников церковного права, 3) догматическое изложение церковного устройства, 4) церковное управление и 5) внешние отношения церкви»⁶.

В историю русской юриспруденции Н.С. Суворов вошел как человек, заложивший основы науки церковного права в России. «Современная русская наука церковного права, – отмечал П.В. Гидулянов, – создана трудами двух ученых: А.С. Павлова и Н.С. Суворова. Они в истинном смысле отцы и основатели этой науки у нас в России. Но если Павлов, расчистив дорогу и исследовав источники, обтесал камни, приготовил материал, то Суворов велик тем, что он своим творческим гением создал из них прочный, непоколебимый фундамент и наметил план для дальнейших работников, дав церковному праву научную конструкцию и систему. Благодаря Н.С. Суворову церковное право из свода благочестивых размышлений, каким оно было доселе, превратилось в стройную юридическую науку, ничем не уступающую своим собратьям на Западе»⁷.

Второй по значимости работой по данной тематике, стало исследование, принадлежа-

щее перу К.А. Неволина, напечатанное в Журнале министерства народного просвещения за 1847 год, в № 7–11, под заголовком «О пространстве церковного суда в России до Петра Великого». В полном собрании сочинений К.А. Неволина она помещена в т. VI (изд. 1859 г.).

Отдавая должное объективно-научному тону исследования автором ряда вопросов из области пространства церковного суда в России до Петра Великого, мы не можем не указать прежде всего на устарелость труда с точки зрения современных научных данных. Так, глава «Об узаконениях, служивших к определению пространства суда церковного», содержанием которой служит обзор некоторых русских церковно-судебных законодательных источников, как мы увидим далее в своем изложении, содержит ряд шатких заключений по вопросу о подлинности и степени распространенности русских законодательных актов, и многие из этих заключений К.А. Неволина интерпретировались и отвергались в позднейшей нашей исторической и канонической литературе. Вопросы, рассмотренные им в центральной главе о круге дел, подлежащих церковному суду, должны быть раскрыты шире и глубже благодаря изданным уже после Неволина актам – историко-правовой вообще и церковно-правовой в частности – жизни России.

Необходимо указать в труде К.А. Неволина и на недостаточную исчерпанность круга вопросов, связанных с раскрываемой им темой, и отсюда односторонность в решении некоторых вопросов.

В качестве иллюстрации мы укажем, например, на то, что К.А. Неволиным оставлен без всякого освещения круг «собственно церковных» преступлений, входивших в область церковно-судебной компетенции и в Древней Руси. Называя лиц, подсудных церковной юрисдикции, автор не решает вопроса о том, вызывалось ли исторической необходимостью расширение в Русской Церкви – в сопоставлении с Византийской – круга этих подсудных Церкви лиц; последний вопрос подсказывается самим ходом исследования, которое автор ведет по методу сопоставления византийского и русского церковных судов. При изложении истории подсудных Церкви преступлений автором ничего не сказано о природе и степенях церковных преступлений. К.А. Неволин далее называет не все, а лишь главнейшие из отечественных законодатель-

ных источников церковного суда (в главе об «узаконениях»): уставы святого Владимира и Ярослава I о церковных судах, грамоту великого князя Василия Дмитриевича и постановления Соборов 1551 и 1667 гг.; вовсе не указаны (вместе с тем, конечно, не уяснено значение) грамоты других великих князей, правила и послания предстоятелей Русской Церкви, постановления многочисленных Соборов, «несудимые», «тарханные» грамоты различных лиц, ханские ярлыки и пр., представляющие собой законодательные акты и данные судебной практики и характеризующие историю церковного суда в Древней Руси, и т.д.

Вплоть до 1995 года тема церковного права, церковно-пенитенциарной системы находилась в глубоком забвении. Как и в XIX веке, первые исследования церковно-правовой тематики в настоящее время носят обобщающий, учебно-методический характер. Так, в 1994 году вышел учебник «Церковное право»⁸ протоиерея В. Цыпина, который в настоящее время выдержал уже четыре переиздания. В четвертой части данного курса лекций содержится описание церковно-судебной системы нашей страны в рамках общей церковной власти и описываются виды и формы применяемых к клирикам и мирянам наказаний.

Подводя итог анализу исследованности церковно-пенитенциарной системы в отечественной литературе, следует отметить, что данная тематика так и осталась неразработанной, все работы носят описательный характер. Системно-статистические исследования практически полностью отсутствуют. В связи с актуализацией изучения истории церкви в це-

лом и церковно-пенитенциарной деятельности в частности остается надеяться, что данная лагуна также будет заполнена.

¹ Пионтковский А.А. Тюремное дело, его предмет, содержание, задачи и значение. – Одесса, 1892; Познышев С.В. Очерки тюремного дела. – М., 1913; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – СПб., 1902; Фойницкий И.Я. Курс тюремного дела (1874–1875). – СПб., 1875; Мокринский С.П. Наказание, его цели и предложения. – М., 1902; Краинский Д.В. Материалы к исследованию истории русских тюрем. – Чернигов, 1912; Гогель С.К. Значение тюремного заключения в прошлое и настоящее время. – СПб., 1899 и др.

² Записки начальника Главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского по командировке его в Сибирь и на о. Сахалин. – СПб., 1883; Саломон А.П. Доклад о современном положении ссылки и каторги в Сибири и на о. Сахалин. – СПб., 1899; Стрелюхов А.М. Краткий очерк тюремного устройства и мероприятий в области тюремного дела в России за 1900–1905 гг. – СПб., 1905; Хрулев С.С. Каторга в Сибири // Тюремный вестник. – 1910. – № 8–9; Почтарев П.П. К вопросу об организации арестантского труда // Тюремный вестник. – 1899; Набоков В. Судьба ссылки // Право. – 1909. – № 29; Исаев М.М. Предстоящее преобразование каторги // Право. – 1911. – № 6; Гран П.К. Каторга в Сибири. Извлечение из отчета о служебной поездке начальника Главного тюремного управления в Западную Сибирь. – СПб., 1913; Сипягин А.П. Несколько слов о настоящем и будущем уголовной ссылки и тюрьмы. – СПб., 1898, и др.

³ Забелин А. По вопросу об улучшении тюрем. – М., 1863; Кашкаров П.А. Общая разработка вопроса о необходимости коренного тюремного преобразования в России. – СПб., 1883; О развитии в Московском тюремном замке арестантского труда. – М., 1872, и др.

⁴ Максимов С.В. Ссылочные и тюрьмы. – СПб., 1862; Он же. Сибирь и каторга: в 3 ч. – СПб., 1871.

⁵ Кропоткин П.А. Тюрьмы, ссылка, каторга в России. – СПб., 1906; Он же. В русских и французских тюрьмах. – СПб., 1906.

⁶ Суворов Н.С. Учебник церковного права. – М., 1908. – С. 9.

⁷ Гидулянов П.В. Указ. соч. – С. 437.

⁸ Цыпин В. Церковное право. – М., 1994.

Проблемы и вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики

О КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-АВТОТЕХНИКА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРИЧИННЫХ СВЯЗЕЙ

В.А. Городокин,

*заместитель начальника криминалистического центра
ГУВД по Челябинской области*

В практике расследования автотранспортных преступлений для решения вопросов о наличии в действиях участников дорожного движения нарушений правил безопасности следователям и судьям зачастую приходится прибегать к использованию знаний технических сотрудников – экспертов-автотехников, обладающих познаниями в соответствующей отрасли. Вместе с тем среди юристов длительное время идут споры, и до настоящего времени нет единого понимания того, в каких пределах эксперт-автотехник может оценивать с точки зрения действующих Правил дорожного движения действия участников дорожно-транспортного происшествия.

По мнению автора, при установлении причинных связей в событии автотранспортного происшествия эксперт-автотехник вправе исследовать особенные, специфические причиннодействующие факторы.

Опыт показывает, что само выявление в конкретном нарушении правил движения этого специфического причинно-действующего фактора зачастую доступно лишь на основе специальных знаний (это относится как к различным техническим неисправностям транспортных средств, так и к требованиям Правил дорожного движения, несущим определенную техническую норму).

На наш взгляд, некоторые авторы правомерно выделяют в поведении водителя действие – техническую операцию и действие – поступок, мотивируя подобное расчленение «техническим характером» норм, содержащихся в правилах безопасности движения. Затем утверждается, что эти нормы в силу технического характера, безусловно, должны являться предметом исследования эксперта-автотехника, так как разрешение им вопроса о причинной связи включает установление не только необходимого, но также и «достаточ-

ного» условия наступления результата. Достаточность же необходимого условия определяется путем анализа «целевой направленности» норм правил безопасности движения, т.е. «при исследовании причинной связи между нарушением правил безопасности движения и наступившими последствиями нельзя игнорировать целевой момент социального нормативного регулирования...»¹. Более того, «установление причинной связи между нарушением правил движения и наступившими последствиями требует учета технической целевой сущности того или иного нарушенного правила. В связи с указанным для решения вопросов отмеченной причинности зачастую нужно привлекать специальные познания, т.е. назначать судебную автотехническую экспертизу»².

Противопоставляют этому выводу свое мнение Л.Г. Мачковский и В.П. Печерский, утверждающие, что предложения о необходимости анализа технической целевой сущности нормы вуалируют вторжение экспертов в область права и на деле приведут к коренному изменению характера и смысла заключения эксперта-автотехника, превращая его из источника доказательств в «научный приговор» по делу³. В данном случае этот вывод противоречит точке зрения автора.

В целом, как известно, экспертная деятельность строится на рекомендациях, в том числе методических, разработанных судебной экспертологией и основанных либо на законе либо в соответствии с его требованиями. Сама же судебная экспертология является специальной наукой, так как связана с естественными и техническими науками: физикой, химией, биологией, психологией, медициной, автотехникой, взрывоведением, криминалистической техникой и др.

Особое место в практике экспертных ис-

следований занимают методики судебной экспертизы.

В теории и практике судебной экспертизы имеется множество определений понятия «методики», нашедших отражение в трудах В.П. Колмакова, А.И. Винберга, А.Р. Шляхова, В.С. Митричева, Д.Я. Мирского и др.

Наиболее точные, по мнению автора, классификацию и определение экспертной методики предложила Т.В. Аверьянова – это система предписаний (категорических или альтернативных) по выбору и применению в определенной последовательности и в определенных существующих или создаваемых условиях методов и средств решения экспертных задач⁴.

По мнению Т.В. Аверьяновой, экспертные методики подразделяются на три вида: родовая (или видовая), типовая и конкретная (или частная)⁵.

Родовая (видовая) экспертная методика – это методика проведения экспертиз данного вида (рода). Она близка к описанию стадий процесса экспертного исследования в целом, но отличается от него указанием специфики содержания этих стадий, обусловленной спецификой предмета и объектов данной экспертизы, а также регламентирует применяемые при производстве экспертиз данного вида (рода) методы и средства.

Типовая экспертная методика разрабатывается в экспертных учреждениях и обеспечивает единообразие и последовательность при исследовании всех объектов.

Конкретная (частная) методика – это методическое руководство по проведению конкретной судебной экспертизы. Например, методика расчета момента возникновения опасности при встречных столкновениях транспортных средств или методика решения технического вопроса о соответствии или несоответствии действий водителя транспортного средства требованию, заложенному в Правилах дорожного движения, «Уступить дорогу».

В системе экспертной деятельности сначала Советского Союза, затем Российской Федерации долгое время ведущей организацией, осуществляющей методическое руководство в различных вопросах как экспертной деятельности в целом, так и экспертных исследований в области автотехники, занимал ВНИИ-СЭ, позднее переименованный в РФЦСЭ. Развитие экспертной деятельности в двух параллельных государственных структурах (МВД и МЮ), привело к тому, что в 1996 году руко-

водством МВД и Минюста России по согласованию с Верховным Судом РФ и Генеральной прокуратурой РФ было утверждено Положение о Федеральном координационно-методическом совете по проблемам экспертных исследований.

Несколько ранее в целях упорядочения экспертной деятельности в системе МВД в 1993 году был принят приказ № 261, регламентирующий деятельность экспертных подразделений министерства. Положения данного документа касались практически всех форм экспертной деятельности, включая участие как в уголовном судопроизводстве, так и в оперативно-розыскной деятельности.

Следующим этапом упорядочения экспертной деятельности должен был стать Приказ МВД РФ № 511 от 29 июня 2005 г., регламентирующий «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» и действующий по настоящее время, который тем не менее не до конца решил все накопившиеся организационные проблемы. Данным приказом были утверждены:

- 1) «Инструкция по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»;
- 2) «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации».

В Приказе перечислено около 50-ти видов экспертиз, среди которых и автотехническая, состоящая в свою очередь из самостоятельных четырех направлений:

- исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия;
- исследование технического состояния деталей и узлов транспортных средств;
- исследование следов столкновения на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия;
- исследование маркировочных обозначений транспортных средств.

Учитывая тот факт, что после принятия Приказа № 261 прошло более 12 лет, «Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», утвержденный Приказом МВД РФ № 511, имеет некоторые отли-

чия от перечня экспертиз, утвержденных предыдущим документом.

В частности, «Автотехническая экспертиза» согласно Приказу № 261 охватывала лишь такой вид экспертной деятельности, как анализ дорожно-транспортных происшествий, и решала вопросы, касающиеся установления исправности деталей, узлов и агрегатов транспортных средств. Другая же часть экспертных исследований, таких, как исследование следов, оставляемых транспортными средствами или на них самих, проводилась в рамках транспортно-трасологической экспертизы, входящей в качестве составной части в общекриминалистическую трасологию. Более того, исследование маркировочных обозначений решалось экспертизой «Уничтоженных номеров».

Следует отметить тот факт, что, несмотря на то что в рамках автотехнической экспертизы проводятся исследования следов столкновения на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия, транспортная трасология как часть общекриминалистической трасологии продолжает существовать. И этому есть объяснение. Разграничить исследование транспортных средств в рамках транспортной трасологии и в рамках автотехнической экспертизы не представляет особой сложности. Так, неоспоримым остается факт того, что транспортные средства в настоящее время продолжают оставаться как объектом преступных посягательств, так и могут в свою очередь использоваться в качестве орудия преступления. В первом случае это кражи, угоны, разбой и т.п. деяния, направленные на завладение транспортным средством. Ко вторым следует отнести и такие деяния, как кражи, разбой, а также посягательства на жизнь и здоровье людей, совершаемые с использованием транспортных средств с целью доставки к месту преступления или от него. Характер изучаемых следов, оставляемых транспортными средствами при совершении указанных видов преступлений, значительно отличается от следов, оставляемых транспортными средствами на месте дорожно-транспортного происшествия, а, следовательно, и методика поиска, обнаружения, фиксации и изъятия следов будет разной. Именно этот факт привел к указанному размежеванию между транспортно-трасологической экспертизой и экспертизой следов столкновения на транспортных средствах и месте дорожно-транспортного происшествия.

Говоря о размежевании, следует отметить, что оно достаточно условно и зыбко, так как в любом случае базируется на основах традиционной трасологии. Это видно на примере такого вида исследования, как составление целого по частям при необходимости установления принадлежности осколков фарного стекла, изъятых с места дорожно-транспортного происшествия, частям фар, подозреваемого в участии в ДТП, транспортного средства, и которое (исследование) соответственно может быть произведено в рамках как транспортно-трасологической, так и в рамках автотехнической экспертизы. Например, 23 октября 2007 г. в ЭКЦ ГУВД по Челябинской области была назначена комплексная судебная автотехническая экспертиза по уголовному делу № 514011, возбужденному по факту ДТП, произошедшему 20 сентября 2007 г. в г. Челябинске на ул. Кулибина, при котором неустановленным автомобилем, двигавшимся от ул. Хохрякова к ул. Танкистов в 21 час 40 минут был произведен наезд на пешехода К. с причинением последнему телесных повреждений, не совместимых с жизнью. Автомобиль с места происшествия скрылся. На месте происшествия в ходе осмотра следователем были изъяты осколки фарного стекла. В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий был задержан автомобиль ВАЗ-2106, с которого были изъяты осколки уцелевшей части стекла рассеивателя правой фары. Осколки стекла, изъятые с места происшествия, и осколки рассеивателя фары автомобиля ВАЗ-2106 были предоставлены эксперту, которому были поставлены следующие вопросы:

1) являются ли представленные объекты из пакета № 1 и № 2 стеклом?

2) если объекты из пакета № 1 являются стеклом, то могут ли они являться частью стекол, устанавливаемых на транспортные средства? Если да, то каких именно (фарных, ветровых)? Какой модели автомобиля они могут принадлежать?

3) однородны ли объекты из пакетов № 1 и № 2?

4) составляли ли ранее единое целое объекты из пакета № 1, обнаруженные на месте ДТП, с объектами из пакета № 2, изъятymi с автомобиля ВАЗ-2106 (государственный регистрационный знак О 363 КТ 74)?

Таким образом, характер назначенной экспертизы, вопросы, поставленные в ней перед экспертом, свидетельствуют о том, что

часть из них являются диагностическими, а часть – идентификационными. Причем, если эксперт-криминалист, владеющий знаниями в области трасологии, может решить идентификационный вопрос № 4, то решить диагностический вопрос № 2 ему будет затруднительно. Поэтому более целесообразно решение всех вопросов экспертизы поручить эксперту-автотехнику, имеющему познания в области транспортной трасологии.

Данный подход при назначении эксперта, выполняющего ту или иную экспертизу, с точки зрения руководителя экспертного учреждения тем более справедлив, так как необходимость владения экспертом-автотехником познаниями в области транспортной трасологии оговорена не только в должностной инструкции, но и в таком подзаконном акте, как Постановление Министерства труда и социального развития РФ от 21 января 2000 г. № 7 «О внесении дополнений в квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих». В указанном Постановлении в развернутом виде дан перечень профессиональных требований, которым должен удовлетворять эксперт-автотехник. Некоторые вопросы, решение которых входит в обязанность эксперта, вызывают споры, а именно:

– установление причинной связи между действиями либо бездействием водителя по управлению транспортным средством и последствиями дорожно-транспортного происшествия;

– исследование действий участников дорожно-транспортного происшествия в целях установления правил поведения водителей в сложившейся дорожной обстановке для обеспечения безопасности дорожного движения (какие действия водителя по управлению транспортным средством, начиная с момента возникновения опасности для движения, могли в соответствии с требованиями, предусмотренными Правилами дорожного движения РФ, предотвратить дорожно-транспортное происшествие).

Решение экспертом первого из указанных вопросов некоторыми юристами часто воспринимается как вмешательство в компетенцию следователя по установлению причинно-следственной связи между действиями участников дорожного движения и фактом дорожно-транспортного происшествия, а второй – как вмешательство в юридическую оценку действий водителей или пешеходов

следствием или судом. Данная проблема является предметом дискуссии и на сегодняшний день.

Именно поэтому вопрос о пределах компетенции эксперта-автотехника в установлении нарушений правил безопасности движения участником автотранспортного происшествия относится к числу наиболее спорных.

В литературе содержится ряд высказываний о том, что решение вопроса о нарушении правил безопасности движения относится к компетенции не автотехнической экспертизы, а органов расследования и суда⁶. Н.П. Яблоков в свою очередь считает, что постановка вопроса, в котором эксперту предлагается решить, были ли водителем нарушены правила движения, совершенно неправильна, поскольку для ответа на этот вопрос не требуется специальных знаний в области науки и техники. Решить его может «сам следователь на основе анализа всех собранных в ходе расследования материалов»⁷. Аналогичную позицию высказывает А.Е. Лебедев, обосновывая неправомерность обращения следователя, суда к судебной автотехнической экспертизе в целях решения вопроса о нарушении правил безопасности движения, отмечает, что факт установления экспертом нарушения правил движения является так или иначе вторжением в вопросы права, поэтому такое обращение не может иметь места⁸.

Вместе с тем ряд авторов совершенно обоснованно, по мнению автора, указывает на возможность и необходимость для следователя и суда в тех или иных случаях ставить на разрешение автотехнической экспертизы вопрос о нарушении правил безопасности движения.

Тем не менее определение компетенции автотехнической экспертизы в решении вопросов о нарушении правил безопасности движения имеет некоторую сложность.

Исследование данного вопроса необходимо начать с выяснения правомерности обращения следователя, суда к автотехнической экспертизе для установления в действиях водителя транспортного средства наличия отступлений от правил безопасности движения.

Правилам безопасности движения как совокупности технических норм придан правовой характер: установлена обязательность их соблюдения и исполнения соответствующими лицами. Но от этого правила движения не перестали быть правилами обращения с техникой в широком смысле слова и правила-

ми взаимоотношения людей в процессе использования техники. В самих Правилах можно выделить две группы норм:

1) требования, регламентирующие отношения «человек–техника»;

2) требования, регламентирующие отношения между участниками дорожного движения.

Например, к первой из указанных норм можно отнести требования п. 9.10 Правил дорожного движения, согласно которым водитель должен соблюдать необходимый боковой интервал, обеспечивающий безопасность; ко второй – п. 8.4 Правил, согласно которому при перестроении водитель должен уступить дорогу транспортным средствам, движущимся попутно без изменения направления движения. И немаловажно, что как требования первого порядка, так и второго, по мнению автора, не могут быть правильно оценены с использованием только юридических знаний. Так, в первом случае сможет ли следователь или судья решить, без обращения к эксперту, вопрос о достаточности с точки зрения безопасности движения выбранного водителем бокового интервала? Во втором – каким образом, не обращаясь к техническим знаниям предмета исследования, смогут ли они решить вопрос о разграничении таких терминов (внешне похожих действий), как перестроение и кратковременное изменение направления движения при объезде препятствия? Данный перечень можно продолжить.

Не вызывает сомнения то положение, что для установления факта правильности или неправильности обращения с техникой необходимо располагать в том или ином объеме знаниями о правилах этого обращения, знать особенности техники. Применительно к автотранспорту указанные знания по своему характеру не могут считаться общежитейскими знаниями (не относящимися к определенной отрасли науки и техники). Это не исключает однако того, что отдельные требования правил безопасности движения элементарны в общежитейском смысле.

Правильность этого вывода хотелось бы продемонстрировать на достаточно сложном для технического решения (не говоря о невозможности его решения юридическим путем) дорожно-транспортном происшествии, заключающемся в столкновении транспортных средств, двигавшихся во встречном направлении. Итак, согласно предоставленным на автотехническую экспертизу материалам

уголовного дела № 511935 28 сентября 2007 года на автодороге «Челябинск – Троицк» в светлое время суток произошло лобовое столкновение автомобилей Субару «Импреза» и автопоезда в составе автомобиля-тягача КамАЗ с полуприцепом. Столкновение произошло на правой по ходу движения автомобиля Субару обочине в момент нахождения автомобиля КамАЗ в процессе обгона попутного автомобиля ЗиЛ. Согласно протоколу допроса водителя автомобиля КамАЗ он приступил к обгону автомобиля ЗиЛ в момент, когда встречная полоса была свободна от встречных транспортных средств на достаточном для обгона расстоянии, составлявшим около одного километра. Водитель Субару погиб в ДТП, что не позволяет следствию подтвердить или опровергнуть показания о расстоянии между автомобилями КамАЗ и Субару в момент начала обгона. Итак, расстояние между транспортными средствами известно – около одного километра, скорость известна тоже: автомобиль КамАЗ двигался со скоростью около 90 км/ч, автомобиль Субару около 100 км/ч. Согласно требованиям п. 10.1 ч. 2 Правил дорожного движения при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства. Водитель Субару, двигаясь по своей стороне дороги, в данной дорожно-транспортной ситуации пользуясь преимущественным правом на движение, должен был руководствоваться требованиями указанного пункта Правил. Но как, используя только юридические познания, ответить на вопрос о том, гарантировали ли действия водителя автомобиля Субару, даже соответствовавшие требованиям п. 10.1 ч. 2 Правил, предотвращение дорожно-транспортного происшествия или эти действия в определенный момент уже не могли обеспечить безопасность и выход из аварийной ситуации? Следуя логике Л.Г. Мачковского и В.П. Печерского, «судебно-следственные работники, призванные разрешать уголовные дела о ДТП, должны обладать и, как правило, обладают необходимыми автотехническими знаниями, позволяющими им обоснованно и правильно применять правила дорожного движения, технической эксплуатации транспортных средств и другие нормативные акты по безопасности движения, оценивая действия участников ДТП с юридической точки зрения»⁹. Иными словами,

решение вопроса о том, как, какие технические приемы, связанные с выполнением требований указанного пункта Правил, и в какой момент должен был их применить водитель автомобиля Субару, вполне может решить сотрудник следствия и судья. Категорически нельзя согласиться с этой позицией. Безусловно, сделать вывод о том, что водитель Субару, действуя в рамках Правил дорожного движения, должен руководствоваться требованиями п. 10.1 ч. 2 может как следователь, так и судья, но... Это же не решение ни вопроса, ни проблемы, связанной с определением в конечном итоге степени виновности того или иного участника дорожного транспортного происшествия. В этом смысле как раз и расходятся компетенции эксперта-автотехника и юристов (следователей и судей), так как смысл заключается не в том, чтобы установить, требованиями каких пунктов Правил должны были руководствоваться участники ДТП (по большому счету всей совокупностью требований), а в том, чтобы установить выполнялись ли эти требования и, если выполнялись, то насколько своевременно и правильно. Для ответа на эти вопросы как раз и требуются специальные познания эксперта-автотехника.

Поэтому не следует видеть в решении экспертом вопроса о том, руководствовался водитель требованиями должных для данного дорожно-транспортного происшествия пунктами Правил, «работы по толкованию закона» и пугаться того, что «в правила поведения людей» привносится «некий особый, технический смысл»¹⁰. Безусловно, привносится и, по нашему мнению, этого не следует бояться.

В автотехнической экспертизе анализ и оценка деятельности водителя транспортного средства осуществляется с учетом действий – технических операций, поскольку для исследования этого аспекта деятельности водителя необходимо использование специальных технических познаний, технических критериев. Следовательно, суд, решая вопрос о нарушении водителем правил безопасности движения как противоправном деянии, оценивают деятельность водителя как действие–поступок, так как правовой анализ деятельности требует исследования ее социально-психологического содержания. Произведенный экспертом-автотехником на основе требований безопасности движения оценочный анализ действий – технических операций в этом случае будет играть роль необходимого, но все же вспомо-

гательного момента. В связи с этим в практике производства автотехнических экспертиз стали применять термины «соответствие или несоответствие действий того или иного участника движения требованиям Правил», а не термин «нарушение». Разумеется, что в этом случае решающее значение имеет не терминологическое различие близких по смыслу слов, а фактическое различие в объеме и характере судебно-следственного и экспертного анализа действий водителя.

Таким образом, процесс исследования и оценка действий участников автотранспортного происшествия под углом зрения соблюдения требований правил движения должен как бы разделяться на аналитическую и синтетическую части. Аналитическая часть исследования может быть представлена экспертом-автотехником в форме решения поставленных перед экспертизой частных вопросов. Суммирование же разрозненных в аналитическом исследовании данных по оценке действий участника происшествия (решение вопроса о нарушении правил движения) должно производиться органом расследования или судом, назначившим экспертизу.

Для решения вопроса о том, отклонялись ли действия водителя автотранспортного средства в рассматриваемом дорожном происшествии от «нормальных», необходимо установить два момента.

Следует прежде всего определить, каким требованиям правил движения должны были соответствовать действия водителя в конкретно сложившихся условиях дорожного происшествия. Учитывая то положение, что правило движения рассчитано не на какое-либо индивидуально-конкретное обстоятельство, а на определенный вид обстоятельств (фактов), необходимо признать правомерность и целесообразность постановки соответствующего вопроса на разрешение автотехнической экспертизы. Однако знание того, какими правилами движения должен был руководствоваться в конкретном случае дорожного происшествия водитель, составляет только исходный момент в решении вопроса о соответствии или несоответствии его действий упомянутым требованиям. Данный вопрос практически никогда не ставится в одиночку, т.е. без решения каких-либо других сопутствующих вопросов, например, таких, как «Располагал ли водитель технической возможностью предотвратить наезд или столкновение?» Вопросы по большому счету

неразрывны, поэтому эксперту-автотехнику для решения второго вопроса необходимо провести анализ наличия или отсутствия технической возможности у водителя транспортного средства предотвращения дорожно-транспортного происшествия применением торможения. При этом результатом решения поставленной задачи может быть ответ, как «располагал технической возможностью предотвратить наезд (столкновение)», так и «не располагал такой возможностью». Однако как в первом варианте ответа, так и во втором водитель транспортного средства должен был руководствоваться требованиями п. 10.1 ч. 2 Правил дорожного движения, согласно которым «при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства». Но ведь ответа о наличии технической возможности предотвратить наезд (столкновение) может быть два, причем взаимно противоположных. Таким образом, в обязательном порядке при решении вопроса о том, «требованиями каких пунктов Правил дорожного движения должен был руководствоваться водитель в сложившейся дорожно-транспортной ситуации», необходимо решение «технического вопроса» о том, соответствовали ли действия водителя указанным требованиям Правил дорожного движения?

Второй существенный момент в решении данного вопроса – установить, осуществлены или не осуществлены требования правил в действиях водителя применительно к данным условиям с учетом ряда особенностей конкретной дорожной ситуации, безопасности тех или иных приемов вождения, технического состояния автотранспорта, своевременности осуществления необходимых действий и т.д.

Бесспорно, что во втором случае еще в большей мере необходимо привлечение данных из области специальных знаний и навыков вождения транспорта, нежели в первом. Следовательно, приведенное выше изменение, внесенное в формулировку вопроса, поставленного на разрешение автотехнической экспертизы, увеличивает объем экспертного исследования и в меньшей степени перекладывает технический анализ действий водителя автотранспортного средства на следственные и судебные органы.

Следует согласиться с точкой зрения В.Я. Колдина о том, что необоснованное самостоятельное уменьшение объема исследования выходит за пределы компетенции эксперта и не может быть признано допустимым¹¹, поэтому поставленный «усеченный» вопрос о действиях, которые следовало предпринять водителю с целью предотвращения дорожно-транспортного происшествия, эксперту следует расширить до ответа с учетом выполнения или невыполнения водителем предписанных требований.

Исследование причинной связи в конкретном уголовном деле о ДТП нередко представляет для судебно-следственных работников значительные трудности, так как в отдельных случаях нарушителем правил движения может быть водитель, а виновным может оказаться слесарь или административное лицо (механик)¹². ДТП зачастую является результатом взаимодействия в конкретной обстановке разнообразных сил и явлений: действий водителей, поведения пешеходов и велосипедистов, дефектов либо иных технических особенностей транспортных средств, состояния дорожного покрытия, явлений природы и т.п. Специальными исследованиями установлено, что более 250 факторов могут быть причинами ДТП¹³.

Поэтому решение вопроса о наличии или отсутствии причинной связи между действиями водителя и фактом ДТП представляет собой весьма сложный процесс. Об этом свидетельствует тот факт, что в настоящее время, как и ранее (по данным Я.Н. Брайнина), в связи с неправильным установлением причинной связи и других признаков объективной стороны отменяется и изменяется до 20 % (по отношению к числу всех отмен и изменений) приговоров областных судов и определений кассационных инстанций¹⁴.

Таким образом, представляются бесплодными дискуссии по поводу общих закономерностей причины и следствия, тогда как вопрос сводится к выделению из общих закономерностей причинно-следственных связей закономерностей технического характера, которые инженеру-автотехнику известны по его специальности. В пределах своей компетенции эксперт-автотехник вправе (и обязан) исследовать и решать вопросы, приведенные выше. Поэтому даже нечеткие формулировки в постановлении (определении) о назначении экспертизы не могут служить основанием для отказа от решения поставленных вопросов,

если по существу решение вопросов входит в предмет автотехнической экспертизы. Согласно утвержденной Приказом № 511 МВД РФ от 29 июня 2005 г. «Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» при необходимости уточнить формулировку вопроса эксперт должен обратиться к органу, назначившему экспертизу, с просьбой внести необходимые изменения (уточнения) в постановлении (определении). В случаях же некорректно поставленных вопросов эксперту достаточно изложить в исследовательской части заключения, как он понимает существо поставленных перед ним вопросов, и дать ответ в пределах своей компетенции, не преувеличивая значения неточностей формулировок, изложенных в постановлении о назначении экспертизы. Тем самым ответ эксперта будет правильным по существу, так как совершенно очевидно, что именно о технических, а не о правовых причинах преступления поставлены перед экспертом вопросы.

Итак, грамотное применение работниками следствия и суда знаний в области теории причинной связи, как одного из элементов объективной стороны состава преступления, позволит путем правильной постановки вопросов не только избежать «вторжения» экспертов в область права при даче экспертных заключений, но согласно корректным ответам правильно с юридической точки зрения решить вопросы квалификации деяния участников дорожно-транспортного происшествия.

¹ Романов Н.С. Вопросы исследования причинной связи судебной автотехнической экспертизой. – Киев, 1973. – С. 33.

² Романов Н.С. Некоторые вопросы методологии установления причинной связи между нарушением правил безопасности движения и наступившим последствием // Криминалистика и судебная экспертиза. – Киев, 1971. – С. 333.

³ Мачковский Л.Г., Печерский В.П. К вопросу о причинной связи по делам о дорожно-транспортных происшествиях. Проблемы судебной экспертизы: сб. научных трудов. – М., 1979. – С. 79.

⁴ Аверьянова Т.В. Содержание и характеристика методов судебно-экспертных исследований. – Алма-Ата, 1991. – С. 25.

⁵ Эксперт: руководство для экспертов органов внутренних дел / под ред. Т.В. Аверьяновой. – М., 2003. – С. 309.

⁶ Александров П., Буров Д. Судебно-автотехнические экспертизы по делам о дорожно-транспортных происшествиях // Социалистическая законность. – 1960. – № 5. – С. 70; Бородин С.В., Палиашвили А.Я. Вопросы теории и практики судебной экспертизы. – М., 1963. – С. 25.

⁷ Яблоков Н.П. Методика расследования автотранспортных происшествий: лекции для студентов ВЮЗИ. – М., 1958. – С. 55.

⁸ Лебедев Л.Е. О решении некоторых вопросов судебной дорожно-транспортной экспертизой // Материалы научно-практического семинара по вопросам дорожно-транспортной экспертизы в Москве. – М., 1968. – С. 52, 53.

⁹ Мачковский Л.Г., Печерский В.П. Указ. соч. – С. 79.

¹⁰ Там же.

¹¹ Колдин В.Я. Идентификация при производстве криминалистических экспертиз. – М., 1957. – С. 20.

¹² Куринов Б.А. Автотранспортные преступления (квалификация и наказание). – М., 1970. – С. 142.

¹³ Булатов А.И., Крулев Г.И. Предупреждение дорожно-транспортных происшествий. – М., 1971. – С. 7.

¹⁴ Брайнин Я.М. Уголовный закон и его применение. – М., 1967. – С. 11.

О НЕОБХОДИМОСТИ РАСШИРЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ СУДА В СОСТЯЗАТЕЛЬНОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

С.М. Даровских,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ

Одной из наиболее спорных и острых проблем в состязательном уголовном судопроизводстве является вопрос, касающийся границ возможного поведения суда в состязательном процессе.

Все имеющиеся в науке точки зрения можно свести к следующим, противоположным позициям.

Ряд ученых полагает, что суд, рассматривая дело и принимая решение, не может не быть активным участником процесса доказывания, так как он всегда проверяет (исследует) и оценивает представленные ему доказательства, а в определенных случаях и сам собирает доказательства по своей инициативе. Об этом писали В.А. Азаров, В.С. Балакшин, А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц, З.В. Макарова, Л.Г. Татьяна, З.Д. Еникеев и др. В то же время А.П. Гуськова, В.М. Бозров, Н.Г. Муратова считают, что принцип состязательности предполагает только пассивное положение суда. Причем, как правило, и те и другие ученые не считают, что активность должна быть абсолютная, направленная исключительно на получение доказательств виновности и являться движущей силой процесса. В отношении пассивности суда большинство исследователей полагает, что ее не следует понимать исключительно в радикальной форме – форме безучастия, так как суд не может быть абсолютно пассивен в процессе, поскольку он закладывает результаты проведенной оценки доказательств в основание процессуального решения¹.

Имеется и иное мнение, высказанное В.А. Лазаревой, сущность которого состоит в том, что поскольку доказывание следует рассматривать не как познание, а как деятельность, направленную исключительно на доказывание виновности, следовательно, суд не может являться субъектом данной деятельности в силу своего нейтрального, независимого положения².

Законодатель по этому вопросу занял последовательную позицию.

В одном случае он позволяет суду самостоятельно и при отсутствии ходатайства сто-

рон назначать экспертизу (ст. 283 УПК РФ), допрашивать эксперта (ст. 282 УПК РФ), оглашать показания потерпевшего или свидетеля, неявившегося в судебное заседание по уважительной причине (ч. 2 ст. 281 УПК РФ). В другом случае суд исследует доказательства только при наличии волеизъявления хотя бы одной стороны, например, вызов в суд свидетеля (ст. 278 УПК РФ), или обеих сторон (это касается оглашения показаний неявившихся в суд потерпевшего и свидетелей по неустановленным причинам (ч. 1 ст. 281 УПК РФ)), осмотра вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ) и оглашения показаний подсудимого (ч. 1 ст. 276 УПК РФ).

Кроме того, диспозиции ряда статей сформулированы таким образом, что не совсем ясно, требуется ли для совершения указанных в них следственных действий предварительное заявление, ходатайство стороны либо сторон, или данное действие может быть произведено по инициативе суда. Это касается ст. 285–290 УПК РФ.

Иные указания в уголовно-процессуальном законе относительно возможности суда инициировать проверку имеющихся в уголовном деле доказательств отсутствуют.

Таким образом, законодатель, по сути, признавая суд субъектом доказывания, создал ситуацию, позволяющую ученым и практическим работникам по-разному толковать степень активности суда в смешанном российском уголовном судопроизводстве.

Принцип состязательности в уголовном судопроизводстве предполагает в первую очередь активность сторон, их противоборство, состязание, которое требует активного поведения. В состязательном уголовном судопроизводстве возможности суда в исследовании обстоятельств дела не могут быть равнозначными активности сторон по представлению доказательств своей позиции. Однако, как нам представляется, суд нельзя исключать из круга активных субъектов доказывания по ряду оснований.

1. Участие суда в доказывании протекает в особом режиме. Суд изначально сам версии

не выдвигает, он исследует предложенную ему версию обвинения, которая представлена в виде обвинительного заключения. Поэтому возможности суда ограничены в первую очередь материалами уголовного дела. В случае если сторона защиты представляет в судебном заседании доказательства в обосновании своей версии или для опровержения версии обвинения, суд в полном объеме исследует и эти доказательства. При исследовании доказательств может возникнуть ситуация, когда суду недостаточны предложенные сведения либо они порождают сомнения и требуют дополнительного исследования (подтверждения либо опровержения). Только тогда суд вынужден самостоятельно назначать экспертизу, допрашивать эксперта, оглашать показания потерпевшего или свидетеля, неявившихся в судебное заседание по уважительной причине. Таким образом, инициатива суда проявляется только в вынужденной ситуации и обоснована необходимостью принятия им решения по делу.

2. В российском уголовном процессе присутствует стадия подготовки к судебному заседанию (гл. 33 УПК РФ). В данной стадии определяется возможность назначения судебного заседания либо необходимость предварительного слушания, а также выявляются основания для возвращения уголовного дела прокурору или для приостановления либо прекращения дела. Необходимость принятия данных решений предполагает изучение судьей материалов уголовного дела, что собственно и происходит на практике. В силу этого судья, готовясь к процессу, изначально знает о наличии в материалах дела того или иного доказательства, и поэтому он не может оставаться равнодушным к ошибкам и умышленным действиям представителей сторон, которые по разным причинам воздерживаются от заявления ходатайств об исследовании определенных доказательств.

В такой ситуации суд, на наш взгляд, должен располагать возможностью инициировать исследование доказательств, находящихся в материалах уголовного дела, если стороны не заявляют об этом ходатайства. У суда такой возможности нет. Опрос практикующих судей позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время суд не может понудить стороны представлять доказательства, имеющиеся в деле, даже те, которые характеризуют личность подсудимого и необходимы суду для определения наказания, однако 82,2 %

респондентов подтвердили при опросе, что в их судебной практике складывались ситуации, когда стороны не предоставляли для исследования суду все возможные доказательства, имеющиеся в уголовном деле. 78,6 % респондентов в анкетах указали, что им приходилось самостоятельно выяснять обстоятельства, имеющие существенное значение для разрешения дела по существу, в связи с тем, что указанные обстоятельства не выясняли стороны. Это создает определенные сложности в ходе судебного разбирательства и требует законодательного урегулирования.

3. В соответствии с требованиями ст. 297 УПК РФ суд обязан выносить законный, обоснованный и справедливый приговор, а без выяснения всех обстоятельств, подлежащих доказыванию и указанных в ст. 73 УПК РФ, решить данную задачу невозможно. Суду приходится выяснять обстоятельства, подтверждающие как виновность, так и невиновность обвиняемого. Поэтому судья должен исследовать все представленные сторонами доказательства, проверить их, оценить. В этой связи согласиться с мнением В.А. Лазаревой нельзя. Доказывание не может рассматриваться как деятельность, направленная только на обоснование обвинения. Это объективная деятельность, направленная на получение судом информации любого свойства, как обвинительного, так и оправдательного.

В ситуации, когда судья не может прийти к какому-то определенному выводу в связи с тем, что предоставлено недостаточно убедительных доказательств, свидетельствующих в пользу стороны обвинения либо стороны защиты, когда у судьи имеются сомнения относительно возможности принятия определенного решения, он должен располагать средствами, которые позволили бы ему устранить эти сомнения.

4. Для достижения цели, указанной в законе, суд должен выступать объективным, независимым и незаинтересованным исследователем всех представленных ему сторонами доказательств. Активность суда, на наш взгляд, проявляется не как двигатель процессуальной деятельности, а как средство выполнения поставленной задачи, разрешения конкретного спора, а для этого суд должен разбираться в деле, выяснять все обстоятельства. Данная обязанность суда не должна находиться в зависимости от капризов и интересов сторон и иных обстоятельств, которые могут возникнуть в ходе судебного следствия. Воз-

возможность суда самостоятельно принимать решения относительно порядка и полноты исследования, представленных участниками процесса доказательств, не позволит суду быть марионеткой у представителей сторон, которые по разным причинам могут стремиться к получению выгодных для них решений либо к определенному решению и в силу этого умышленно будут ограничивать суд в исследовании доказательств, в которых они не будут заинтересованы. Мы полагаем, что особое положение суда как органа, призванного разрешать правовые споры и наделенного правом принимать окончательные решения по уголовным делам, не позволяет ставить его в положение органа, полностью зависящего от сторон в процессе.

5. В ст. 379 УПК РФ среди оснований к отмене или изменению судебного решения в кассационном и надзорном порядке указаны, во-первых, несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой или апелляционной инстанций, и, во-вторых, несправедливость приговора. И то и другое основание требует от суда приложения определенных усилий для выяснения обстоятельств события, ставшего предметом судебного разбирательства, и возлагает именно на суд ответственность за правильность судебного решения. Если вышестоящая инстанция решение отменяет, то судья (и никто другой) оказывается виновен в постановлении неправосудного приговора, по меньшей мере, считается, что именно он допустил ошибку. В проверочных судебных инстанциях не делают скидку на то, что в суде первой инстанции адвокат работал по назначению, либо прокурор был молодой и неопытный. Отвечает то должностное лицо, которое вынесло решение.

Мы убеждены в том, что суд как орган судебной власти не должен и не может находиться в зависимости от участников процесса, как от их профессионализма, так и от их заинтересованности в определенном результате. Структура принципа состязательности предполагает наличие именно незаинтересованного и объективного судебного органа, свободного в принятии такого решения, которое отвечает его убеждению, сложившемуся в ходе судебного следствия.

Для обеспечения возможности сторонам состязаться (ст. 15 УПК РФ) суд располагает комплексом прав, реализация которых предполагает определенную активность. В частно-

сти, это касается возможности суда удовлетворять и отказывать в удовлетворении заявленных ходатайств, если на то есть причины, снимаемые сторонами (например, наводящие либо не имеющие, по мнению суда, отношения к существу дела). Суд вправе после сторон задавать вопросы участникам процесса, свидетелям, потерпевшим, обвиняемому и т.д., в случае нарушения порядка в зале судебного заседания применять меры воздействия, в том числе и к представителям сторон. Поэтому наряду с такими возможностями вполне логично будут реализовываться права судьи инициировать проверку доказательств, собранных на стадии предварительного расследования либо представленных сторонами.

Таким образом, можно сделать вывод, что суд в рамках действующего уголовно-процессуального закона не обладает достаточными возможностями в необходимых случаях исследовать обстоятельства дела, что позволило бы ему выносить законный, обоснованный и справедливый приговор. Такая возможность у суда должна быть при условии, что это не будет ущемлять стороны и ограничивать их активность. Данное положение может быть достигнуто только в одном случае, если суд будет реализовывать свои возможности после того, когда стороны исчерпали свои.

По окончании исследования представленных сторонами доказательств председательствующий опрашивает стороны, желают ли они дополнить судебное следствие. Если ходатайства о дополнении судебного следствия имеются, суд их обсуждает и принимает соответствующее решение. При отсутствии у сторон ходатайств о дополнении судебного следствия судья должен обладать правом в случае необходимости инициировать исследование доказательств, которые, по его мнению, необходимы для принятия окончательного решения по делу. При проведении опроса 59 % судей на вопрос, следует ли в УПК РФ закрепить норму, в соответствии с которой суд по своей инициативе сможет исследовать доказательства, имеющиеся в деле и не представленные сторонами, если стороны по окончании судебного следствия заявили об отсутствии у них ходатайств, ответили утвердительно.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что ч. 1 ст. 291 УПК РФ целесообразно изложить следующим образом: «По окончании иссле-

дования представленных сторонами доказательств председательствующий опрашивает стороны, желают ли они дополнить судебное следствие. В случае заявления ходатайства о дополнении судебного следствия суд обсуждает его и принимает соответствующее решение. Если ходатайства о дополнении судебного следствия у сторон отсутствуют, суд вправе приступить к исследованию тех доказа-

тельств, которые не были исследованы по ходатайствам сторон».

¹ Карякин Е.А. Формирование истинности приговора в состязательном судебном производстве: вопросы теории и практики. – М., 2007. – С. 203.

² Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс. – 2007. – № 3. – С. 98–102.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ И «ИНЫХ» ДОКУМЕНТОВ

Н.А. Зигура,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права ЮУрГУ

Темпы развития вычислительной техники оказались столь стремительными, что подавляющее большинство людей не успело осознать качественное различие традиционного документа и документа, созданного с помощью вычислительной техники (электронного документа). Концепция аналогии электронного и традиционного (бумажного) документа мешает полноценно использовать данный вид в качестве доказательств. Для того чтобы говорить о выделении компьютерной информации в самостоятельный источник доказательства, необходимо отграничить компьютерную информацию от такого вида доказательств, как «иные» документы.

Наиболее правильный подход в разграничении одного вида от другого должен учитывать не один какой-то решающий признак, а совокупность таких признаков.

С целью познания сущности доказательств необходимо выяснить механизм их формирования, включающий закономерности следообразования и процессуальные условия собирания.

А.В. Кудрявцева отмечает: «Введение нового источника (вида), средства доказывания должно быть обусловлено двумя критериями, которые должны действовать одновременно: 1) механизм формирования информации в том или ином источнике (именно проверка механизма дает представление об адекватности информации, отраженной доказательством); 2) способ превращения этой информации с помощью процессуальных действий удостоверительного характера в доказательство»¹.

Рассмотрим механизм формирования «иного» документа и компьютерной информации. К «иным» документам относятся любые документы, изготовленные не в ходе процессуальной деятельности (справки, акты ревизий, аудиторских и иных проверок, ведомости, расписки и др.). Доказательствами они становятся, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств уголовного дела ст. 84 УПК РФ.

Наиболее распространенными являются письменные документы (печатные и рукописные). Но сведения, содержащиеся в документе, могут быть зафиксированы и в ином виде. К таким документам относятся материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и другие носители информации.

В качестве доказательств могут выступать как официальные документы (справки, акты и т.п.), так и неофициальные (например, личное письмо). Документы могут быть первоначальными (подлинники) и производными (копии).

Документы должны быть получены в установленном законом порядке – изъяты в ходе производства какого-либо следственного действия, истребованы либо представлены кем-либо из участников судопроизводства. Факт их получения следователем или судом должен быть соответствующим образом процессуально оформлен.

Официальные документы должны содержать все необходимые реквизиты (печать, подписи и т.д.).

Обязательным условием использования документов в качестве доказательств является то, что должен быть известен их источник – автор или исполнитель. Особенно это касается личных документов, которые могут не содержать даже подписи. Поэтому при проверке таких документов должен проводиться допрос их автора или исполнителя, в необходимых случаях может производиться почерковедческая или автороведческая экспертиза, а применительно к фонограммам – фоноскопическая². Итак, источником доказательства применительно к «иному» документу выступает автор документа. Правовое положение указанного источника доказательства определяется компетенцией автора документа, которая ограничивается пределами выполняемых им функций. Документы могут носить официальный характер, когда они исходят от государственных органов, организаций. В качестве «иных» документов следует рассматривать также акты ревизий и документальных прове-

рок, если обстоятельства и факты, достоверные или изложенные в них, имеют значение для дела. Ревизии, документальные проверки могут назначаться и производиться как в связи с производством по уголовному делу, так и независимо от него. Авторами документов могут быть и граждане. От них обычно исходят документы, представляющие собой различного рода договоры, доверенности, расписки и другие подобные акты, связанные с реализацией гражданами своих прав и обязанностей. Документ, исходящий от некомпетентного органа, должностного лица, от ненадлежащего гражданина, доказательством не является³.

Теперь попытаемся выяснить, кто является автором компьютерной информации (электронного документа).

Н.А. Полевой для выяснения подлинной природы информации и сущности информационных процессов, лежащих в основе познания события преступления, предлагает исходить «из тесной связи с отражением как свойством всей материи, из основных принципов ленинской теории отражения»⁴. Разграничив понятия «отражение» и «отображение», он делает следующий вывод: информация – это то, что может быть воспринято познающим субъектом или техническим устройством, и тем самым она «как бы «отделена» от ее первоисточника – отображения источника объекта познания»; она может быть «перенесена в пространстве, сохранена во времени, передана другому познающему субъекту или техническому устройству (например, ЭВМ), подвергнута другим операциям, совокупность которых именуется информационными процессами»⁵.

Т.В. Аверьянова, ставя вопрос о существовании отличия понятия информации в криминалистике от аналогичного понятия в других областях научного познания, отмечает, «что здесь мы имеем дело с двумя видами (также не определенными терминологически) информации: с одной стороны, это объем знаний, хранящийся, транслируемый, обрабатываемый на компьютере (документы, базы данных и т.п.). С другой стороны, это информация собственно «компьютерная, криминалистически значимая», т.е. следы (материальные и виртуальные), оставляемые движущейся в компьютере информацией первого вида, и следы, оставляемые компьютером на последней. Однако следом как носителем информации обычно и оперирует криминалистика. На

наш взгляд не следует наполнять привычный термин «след» новым, «компьютерным» смыслом, а достаточно будет принять, что след в компьютере просто приобретает иную форму»⁶.

В.А. Гадасин и В.А. Коняевский справедливо отмечают: «Кардинальное отличие электронного и аналогового документов заключается в их предназначении для функционирования в разных средах существования: электронной – среде программных и технических средств вычислительной техники; аналоговой – среде мыслящих объектов, людей. Решающее значение приобретают глубинные отличия традиционного и электронного документов: традиционный документ предназначен для обработки мыслящими субъектами, людьми; электронный документ – для обработки техническими объектами, аппаратными и программными средствами»⁷.

Итак, компьютерная информация создается с помощью алгоритма, заданного программой. В свою очередь программа создается человеком. Компьютер не умеет мыслить, он умеет только преобразовывать выделенное тем или иным способом множество сигналов на основе однозначно заданной последовательности фиксированных операций. Поскольку процесс обработки данных осуществляется техническими средствами ЭВМ (аппаратными и программными), то можно говорить о возникновении и получении (восприятии) информации, происходящих опосредованно через «интеллектуальное сознание» человека. Компьютерная информация (электронный документ) создается и/или формируется машиной, но не человеком. При создании текстового документа на машине реализуется априорно заложенная в компьютер программа формирования электронного документа. Как мы видим, механизм формирования «иноного» документа и компьютерной информации различен.

Рассмотрим следующий признак, по которому можно разграничить «иной» документ от компьютерного, – привязку к носителю.

Проблема носителя информации чрезвычайно многопланова и может рассматриваться в различных аспектах: технологическом, историческом, философском, юридическом и т.п.⁸

Документ в уголовном процессе определяется как материальный носитель информации, на котором должностное лицо или гражданин зафиксировали в установленном поряд-

ке сведения об обстоятельствах, имевших значение для дела, в письменной, фотографической или иной форме с целью их сохранения и последующего использования. Это самостоятельный источник доказательств, а не разновидность протокола⁹.

Для уголовно-процессуального использования компьютерная информация должна получить свое закрепление на каком-либо носителе.

С.И. Семилетов делает акцент на том, что неотъемлемой функциональной характеристикой любого документа является его способность хранить и передавать информацию во времени и пространстве о событиях, фактах, правах и обязательствах. И основное функциональное назначение документа связано с процессом закрепления информации, т.е. технологическим процессом ее фиксации на материальном носителе с целью ее долговременного хранения для последующего употребления и использования в общественных отношениях посредством предъявления, обозрения или передачи документа во времени и пространстве. При этом он обращает внимание на то, что как материальные носители, так и способы фиксации могут быть самыми разнообразными; важно лишь то, чтобы документы и зафиксированная на них информация могли сохраняться во времени неограниченно долго, а сама фиксация производилась с соблюдением порядка, соответствующего функциональному назначению каждого отдельного документа. Такие требования обеспечивают известную степень защиты документа от возможных подделок и фальсификаций, выявляемых в ходе визуального осмотра и оценки всех имеющихся реквизитов документа¹⁰.

Основное отличие электронного документа заключается в отсутствии жесткой привязки к носителю. Точнее говоря, один и тот же документ может существовать на разных носителях, например, в виде электромагнитных волн (в момент передачи его по радио или по проводам), при этом он остается аутентичным¹¹. Это отличие, как отмечает С.И. Семилетов, определяется особенностями организации электронных документов и технологией фиксации их содержательной информации. Особенности информационной цифровой технологии позволяют мгновенно и неоднократно копировать и передавать электронный документ по коммуникационным каналам связи; им может пользоваться одновременно неограниченное число пользовате-

лей. Один и тот же электронный документ может одновременно существовать в форме объективной статической записи цифрового двоичного машинного кода, как правило, в виде файла с внешними атрибутами (имя, расширение, дата создания, объем) того или иного формата на различных электронных носителях, в оперативной памяти или в нематериальном динамическом состоянии в виде вторично сформированной во времени сигнальной свертки, в виде динамически изменяющихся физических полей различного рода электромагнитных, электрических, оптических и акустических сигналов в момент его передачи либо реализации по телекоммуникационным каналам связи во времени и пространстве, и при этом после его приема, выделения и записи оставаться аутентичным. Причем материальный носитель, в отличие от бумажного документа, может использоваться многократно для записи разных документов (а не однократно). Файловая система организации пространства оперативной памяти и носителей такого сложного электронного устройства, как электронно-вычислительная машина или компьютер, является важной составляющей, организующей работу и взаимодействие процессора, оперативной памяти, шин интерфейсов и внешних устройств¹².

Другое существенное отличие компьютерной информации заключается в отсутствии возможности непосредственно и однозначно воспринимать данную информацию органами чувств человека. Это обусловлено тем, что компьютерная информация существует в электронно-цифровой форме. И хотя она находится на материальном носителе, само наличие компьютерной информации а также ее местоположение на данном носителе без соответствующих программно-аппаратных средств невозможно определить.

Человек воспринимает электронный документ как именованный файл с определенными известными атрибутами, запись которого находится в определенном, как правило, известном пользователю месте (прежде всего виртуальном, а не физическом) в структуре организованных каталогов программно-аппаратных средств.

Следует отметить, что В.А. Гадасин и В.А. Конявский, рассматривая системные основы отличия письменного (аналогового) и электронного документа и ссылаясь на «кардинальное различие физической среды существования документа», отмечают, что тради-

ционный документ есть аналоговое отображение информации, закрепленное на твердом носителе и рассчитанное на непосредственное восприятие субъектом – человеком. Субъект обладает знаниями, способен к восприятию графического представления информации, ее «пониманию» и обработке на основе мышления. Базой восприятия является органически присущий человеку мощнейший аппарат распознавания образов, позволяющий ему отождествлять компоненты документа со сформированными в сознании эталонами. Электронный документ есть цифровое отображение информации, носителем которого являются средства вычислительной техники и информатики (ВТИ). Электронный документ непосредственно воспринимается только объектом электронной цифровой среды – техническим или программным средством. Только объект электронной среды может обрабатывать электронный документ: выполнять априорно заданное детерминированное преобразование входного электронного документа в выходной электронный документ. Электронный документ имеет место только в электронной (цифровой) среде существования¹³, тогда как письменный документ существует в аналоговой среде.

По нашему мнению, ценность компьютерной информации как источника доказательств заключается в том, что фиксация информации в данном источнике происходит без ее переработки сознанием человека, а в том виде, в каком она объективно существовала независимо от субъективного восприятия

(того, кто ее закрепляет). Сказанное дает основание для вывода о большой ценности данной информации и необходимости более эффективного использования ее в уголовном процессе, для чего следует выделить компьютерную информацию в самостоятельный источник доказательств.

¹ Кудрявцева А.В. Концепция теории доказывания в свете проблемы единства процесса // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2006: материалы VIII Международной научно-практической конференции. – Челябинск, 2006.

² Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. – М., 2005.

³ Божьев В.П. Уголовный процесс. – М., 2002. – С. 214.

⁴ Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. – М., 1989. – С. 61.

⁵ Там же. – С. 64.

⁶ Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. – М., 2006. – С. 385.

⁷ Гадасин В.А., Коняевский В.А. От документа – к электронному документу: системные основы. – М., 2001; Гадасин В.А. Коняевский В.А. Системное отличие традиционного и электронного документа // http://www.accord.ru/index_otl.html.

⁸ Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). – М., 1978. – С. 105.

⁹ Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе. – М., 1994. – С. 43.

¹⁰ Семилетов С.И. Электронный документ как продукт технологического процесса документирования информации и объект правового регулирования // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 92–93.

¹¹ Марченко А.А. Предварительные соображения // <http://www.libertarium.ru/l-eldoc-mar>.

¹² Семилетов С.И. Указ. соч. – С. 95.

¹³ Коняевский В.А., Гадасин В.А. Системное отличие традиционного и электронного документа // http://www.accord.ru/index_otl.html.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ИНСТИТУТА ПОМИЛОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НАУКЕ

А.Н. Классен,

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ

В.Г. Максимова,

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ

Несмотря на то что применение помилования своими корнями уходит в глубокую древность, дискуссии о его сущности, правовой природе, роли и назначении продолжают до настоящего времени. Более того, на рубеже третьего тысячелетия полемика по этому вопросу приобрела особую остроту. И это не случайно, поскольку в последние годы в нашем обществе пересматриваются многие устоявшиеся взгляды, в том числе и в сфере уголовного права.

Помилование, осуществляемое главой государства, – не бесспорный правовой институт, хотя он предусмотрен Конституцией РФ и известен законодательству многих демократических стран. Помилование как традиция исходит из времен абсолютной монархии, когда монарх – владыка душ и тел, имущества и самой жизни своих подданных – мог казнить и миловать любого. Впрочем, поскольку в этих случаях речь идет не о наказании (несомненной прерогативе судебной и только судебной власти), а о возможном освобождении от него, следует признать, что помилование, даруемое главой государства, по существу не противоречит идее и современного правового государства¹.

Уяснение как понятия, так и социально-правового назначения института помилования в Российской Федерации невозможно без предварительного определения его правовой природы. С позиций общей теории права выяснение правовой природы любого института имеет основополагающее значение, так как без глубокого представления о сущностной стороне последнего весьма сложно успешно решать другие, более частные вопросы, связанные с его функционированием. Правовая природа, по мнению одного из наиболее известных российских теоретиков права профессора С.С. Алексеева, – это юридическая характеристика данного явления, выражающая его специфику, место и функции среди

других правовых явлений в соответствии с его социальной природой².

Именно проблема выяснения правовой природы помилования вызывала и продолжает вызывать наиболее противоречивые суждения юристов, что, несомненно, затрудняет не только определение его отраслевой принадлежности, но и назначение, правовое регулирование и применение данного института.

Акт о помиловании – наивысшая форма проявления гуманизма (из всех видов досрочного освобождения от наказания) к лицу, совершившему преступление и осужденному за него. Гуманизм стремится выявить в человеке все лучшее, что заложено в нем природой, и сделать это достоянием всех. Для гуманиста жизнь, благополучие каждого человека являются высшей ценностью, за которую следует сражаться, пока есть хоть малейший шанс изменить положение к лучшему. Ведь только гуманизм ставит человека над идеологией и впереди нее, а не ниже и позади, как свойственно всем мировым религиям и идеологиям³. Именно такой подход обеспечивает правильное понимание естественных прав совершившего преступление и пострадавшего от него при осуществлении помилования⁴.

Можно сделать вывод о том, что помилование вытекает из естественного права человека на пощаду, прощение.

Этой позиции придерживаются и некоторые авторы. Так, Д.А. Корецкий определяет помилование как исключительную меру, «которая в отличие от условно-досрочного освобождения может применяться лишь в единичных случаях, при возникновении исключительных обстоятельств, связанных, как правило, с позитивными поступками осужденного. К лицам, осужденным за убийство, причинение тяжкого вреда здоровью, терроризм, бандитизм, похищение человека, помилование может применяться только при наличии исключительных обстоятельств, например, ге-

роизм осужденных на пожаре, при котором получены ожоги, и т.д.»⁵.

Этимологическое содержание понятия «помилование» выражается прежде всего в прощении, заключающемся в отмене наказания за какую-либо вину, за какой-либо проступок⁶; простить – значит миловать⁷. Последнее в свою очередь означает прощение, пощаду, благоденствие, щедрость, благоволение⁸. Помиловать – отменить или смягчить наказание, к которому приговорили обвиняемого; простить кому-либо «вину, проявить снисхождение к кому-либо»⁹.

Именно так определяют сущностную сторону помилования целый ряд ученых-правоведов. Так, Н.С. Таганцев писал: «Помилование не обращается в закон, оно составляет изъятие из закона»¹⁰. Раскрывая содержание института помилования, его сущность, ученый утверждал, что помилование, или прощение, исходит непосредственно («единственно») от верховной власти. «Конечно, ходатайство о помиловании возможно и со стороны подсудимых или лиц им близких... просьбы могут быть подаваемы во всяком положении процесса до воследования по ним Высочайшей воли, но никакого влияния на его ход или на исполнение наказания иметь не могут»¹¹.

Позицию известного русского юриста разделяют и современные ученые. Так, Н.И. Ветров определяет помилование как акт милосердия верховной власти, один из видов освобождения лица от отбывания наказания, сокращающий его или заменяющий более мягким, либо снимающий судимость¹². С ним соглашается О.В. Филимонов, который добавляет, что в отличие от других видов освобождения от наказания помилование не ограничивается ни категорией преступления, ни размером срока, ни видом наказания¹³.

По мнению А.С. Михлина, помилование – это не только акт милости, это еще и акт доверия. Если мы доверяем осужденному, если мы его освобождаем от наказания, смягчаем его положение, то он должен искупить свою вину честным трудом и уж, по крайней мере, не совершать новых преступлений. А если он совершает новое преступление, значит, мы должны признать, что помилование было ошибочным, и он оказанного доверия не оправдал¹⁴.

«Помилование – это акт государственного прощения, – пишет В.Ю. Тычинский, – осуществляемый Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально оп-

ределенного лица, совершившего преступление, но раскаявшегося в его совершении или утратившего общественную опасность»¹⁵.

В литературе предпринимаются попытки определить сущность помилования через его понятие. Так, В.Я. Якушин дает следующее определение: «Помилование есть осуществляемый Президентом Российской Федерации в отношении индивидуально определенного лица, признанного судом виновным в совершении преступления, акт освобождения его от уголовного наказания, а в некоторых случаях от уголовной ответственности в форме снятия судимости»¹⁶.

Существует и другая точка зрения относительно указания в определении помилования субъекта, применяющего помилование. К.М. Тищенко считает, что поскольку сущность помилования одинакова и не зависит от различий между органами, которым в тот или иной период принадлежало право помилования, «неправильно включать в определение помилования указания на применяющий его орган. Для природы рассматриваемого правового института это случайный признак, в то время как определение явления должно содержать такие признаки, которые всегда наличествуют в нем, пока оно существует»¹⁷. Он предлагает следующее определение изучаемого института: «Помилование есть освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности, наказания, судимости либо смягчение наказания в случаях, когда формальные требования уголовного закона препятствуют целесообразному применению какого-либо вида смягчения положения виновного»¹⁸.

В целом соглашаясь с мнением автора, мы хотим отметить, что в настоящее время в России именно Президент Российской Федерации является субъектом принятия решения о помиловании, поэтому включение в определение помилования указания на орган, его применяющий, оправдано и целесообразно.

Следует согласиться с позицией ряда авторов, которые отмечают, что характерной чертой помилования является то, что оно касается наиболее сложных и нетипичных ситуаций, когда обычные институты досрочного освобождения лица от наказания не применимы.

В этой связи Ю.И. Калинин отмечает, что в мировой практике применения уголовного права помилование обычно рассматривается как крайнее средство, исполь-

зубое в исключительных случаях при отсутствии возможности использовать другие правовые институты освобождения от наказания. Он предлагает включить в законодательство положение, согласно которому положительное решение о помиловании должно приниматься в случаях, когда отсутствует предусмотренная законом возможность применения иных форм освобождения от уголовной ответственности и наказания¹⁹.

Таким образом, нами предлагается сформулировать понятие помилования следующим образом. Помилование в России представляет собой решение Президента Российской Федерации, которое принимается в исключительных случаях в отношении индивидуально определенного лица, признанного виновным в совершении преступления (преступлений) вступившим в законную силу приговором суда, и выражается в смягчении или ином улучшении положения данного лица: освобождении от дальнейшего отбывания наказания, сокращении назначенного наказания, замене его более мягким видом, снятии судимости.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на исследование данного института многими учеными в области уголовного права, до сих пор отсутствует единый подход к пониманию правовой природы помилования, высказываются различные и достаточно противоречивые точки зрения относительно как правовой природы данного института, так и самой сущности понятия помилования.

В заключение следует отметить, что определение правовой природы и понятия помилования важны не сами по себе, а как средства активизации научных исследований проблем помилования в науке уголовного права, с одной стороны, и повышения качества правоприменительной практики, с другой стороны.

¹ Вицин С. Время казнить в России закончилось? // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 10.

² Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М., 1989. – С. 227.

³ Гивишвили Г.В. Феномен гуманизма. – М., 2001. – С. 336.

⁴ Гришко А.Я. Помилование осужденных в России: научно-практическое пособие. – М., 2006. – С. 16.

⁵ Корецкий Д.А. Концепция института помилования как проблема уголовной политики // Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации): материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А.Я. Гришко. – Брянск, 2003. – С. 99.

⁶ Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т.Ф. Ефремова. – М., 2000. – С. 392.

⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М., 1998. – Т. 3. – С. 1342.

⁸ См.: Там же. – С. 850.

⁹ Современный толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. – М., 2001. – С. 573.

¹⁰ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. – Т. 2. – Тула, 2001. – С. 498–499.

¹¹ См.: Там же. – С. 499.

¹² Ветров Н.И. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов. – М., 2002. – С. 343.

¹³ Филимонов О.В. Выступление на Всероссийской конференции «Помилование и исполнение наказаний» // Всероссийская конференция «Помилование и исполнение наказаний». – Саратов, 2001. – С. 29.

¹⁴ Михлин А.С. Основные концептуальные идеи по совершенствованию института помилования в законодательстве Российской Федерации // Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2001 г. № 1500 «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» (теоретические и практические аспекты реализации): материалы Всерос. науч.-практ. конф. – С. 15.

¹⁵ Тычинский В.Ю. Обсуждая вопросы применения Указа «О комиссиях по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации» // Там же. – С. 34.

¹⁶ Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А.А. Коробеева. – Т. 2. – Владивосток, 1999. – С. 364.

¹⁷ Тищенко К.М. Помилование в уголовном праве. – М., 1994. – С. 18.

¹⁸ См.: Там же. – С. 18.

¹⁹ Калинин Ю.И. Выступление на Всероссийском совещании председателей комиссий по вопросам помилования на территориях субъектов Российской Федерации (4–5 декабря 2002 г.). – М., 2003. – С. 32–33.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ НА РЕАБИЛИТАЦИЮ ПОСЛЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

О.А. Корнеев,

кандидат юридических наук, судья Челябинского гарнизонного военного суда

Принятию любого нового закона, который отменяет, изменяет либо дополняет ранее существовавший закон, предшествует развитие соответствующих общественных отношений, которые, как известно, опережают нормотворческий процесс и являются его движущей силой. Декриминализация деяния также вызвана изменением определенных общественных отношений.

Под декриминализацией общественно опасных деяний следует понимать отраженное в уголовном законе устранение законодателем преступности или наказуемости деяний, ранее признававшихся общественно опасными, и отказ в связи с этим государства от уголовного преследования лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении указанных деяний.

По смыслу ст. 10 УК РФ, законом, устраняющим преступность деяния, считается закон, объявляющий о декриминализации этого деяния, т.е. об исключении его из УК РФ и, следовательно, об отмене уголовной ответственности и наказания за его совершение¹.

Декриминализация деяния может происходить и путем внесения изменений в Общую часть УК РФ (например, введение новых обстоятельств, исключающих преступность деяния, сужение понятия соучастия в преступлении, ограничение ответственности за предварительную преступную деятельность)².

Вступление в силу закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния (ч. 2 ст. 24 УПК РФ), в настоящее время является не реабилитирующим основанием прекращения уголовного дела и преследования. Причем для принятия решения именно о прекращении уголовного дела этот закон должен быть введен в действие до передачи дела суду, а там – до вступления приговора в законную силу, иначе применяется другой порядок – освобождение осужденного от наказания судом в рамках стадии исполнения приговора вследствие издания уголовного закона, имеющего обратную силу, в соответствии со ст. 10 УК РФ (п. 13 ст. 397 УПК РФ).

Так, согласно ч. 4 ст. 133 УПК РФ нет оснований для реабилитации, в том числе для возмещения вреда, в случае принятия закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния, т.е. закона о декриминализации.

В силу требований ч. 2 ст. 24 УПК РФ уголовное дело подлежит прекращению за отсутствием в деянии состава преступления в случае, когда до вступления приговора в законную силу декриминализация деяния была установлена новым уголовным законом.

Отсутствие состава преступления, по большому счету, должно служить основанием для реабилитации и при декриминализации деяния потому, что согласно п. 3 ч. 2 ст. 133 УПК РФ право на реабилитацию, в том числе на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеет подозреваемый (обвиняемый), уголовное преследование в отношении которого прекращено, а также осужденный, в отношении которого был отменен обвинительный приговор по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, т.е. тоже за отсутствием в деянии состава преступления. В связи с этим Н.В. Ильютченко пришла к выводу о том, что ущерб в данном случае необходимо возмещать также, как и в других случаях прекращения дела по названному основанию. По ее мнению, закон, устраняющий преступность и наказуемость деяния, должен действовать не с момента вступления в силу, а с момента совершения деяния, преступность и наказуемость которого устранена³.

Действительно, – отмечает Б.Т. Безлепкин, – отсутствие состава преступления является реабилитирующим основанием освобождения от уголовной ответственности. Но его применение означает, что гражданин оказался жертвой судебной, следственной или прокурорской ошибки (или всех вместе взятых ошибок) и что государство по отношению к такому гражданину является должником. Прекращение уголовного дела за отсутствием состава преступления означает невиновность,

которая влечет комплекс восстановительно-компенсационных правоотношений между государством, с одной стороны, и безвинно пострадавшим гражданином – с другой⁴.

Причем А.В. Смирнов объясняет причину отсутствия таких оснований тем, что «действие презумпции невиновности после прекращения дела или преследования по нереабилитирующим основаниям как бы ослаблено, неполно». Однако прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не означает, что презумпция невиновности после этого полностью прекращает свое действие и лица, в отношении которых состоялись подобные решения, считаются виновными. Поскольку в этих случаях имеет место лишь установление виновности лица для целей прекращения дела или преследования, а не признание его виновным в совершении преступления приговором суда, презумпция невиновности не прекращает своего действия. Такие лица не имеют судимости, не могут именоваться совершившими преступление, а лишь считаются теми, против которых осуществлялось уголовное преследование⁵.

К.Б. Калиновский считает, что нереабилитирующие основания «предполагают доказанность совершения обвиняемым (подозреваемым) деяния, которое содержит признаки состава преступления. В этом смысле прекращение дела по нереабилитирующим основаниям означает отказ государства от уголовного преследования»⁶. Всего лишь отказ и, как видно на практике, не более того. То есть государство, принимает в такой ситуации как бы половинчатое решение, а именно, давая возможность прекратить уголовное дело, оставляет за собой право предполагать указанную доказанность, не предоставляя права на реабилитацию.

Судебная практика также дала ответ на вопрос о том, подлежит ли реабилитации лицо, подозревавшееся или обвинявшееся в совершении деяния, позднее декриминализованного законодателем. Так, согласно п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 28 октября 1996 г. № 18-П по делу о проверке конституционности статьи 6 УПК РСФСР (в УПК РФ – утратившая силу ст. 26) в связи с жалобой гражданина О.В. Сушкова принятое на основании оспариваемой нормы решение о прекращении уголовного дела не подменяет собой приговор суда и, следовательно, не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это

предусмотрено ст. 49 Конституции РФ. Вместе с тем прекращение уголовного дела вследствие изменения обстановки хотя и предполагает освобождение лица от уголовной ответственности и наказания, но расценивается правоприменительной практикой как основанная на материалах расследования констатация того, что лицо совершило деяние, содержащее признаки преступления, и поэтому решение о прекращении дела не влечет за собой реабилитации лица (признания его невиновным), т.е. вопрос о его виновности остается⁷.

Выходит, что виновность обвиняемого не устанавливается, а вопрос о его виновности остается, и если по делу не выносился обвинительный приговор, то это лицо приобретает статус как бы пожизненно виновного.

Кроме того, обвиняемый (подозреваемый) ставится решением о прекращении уголовного дела (преследования) по нереабилитирующим основаниям в относительно неблагоприятное положение, так как у него не возникает права на возмещение вреда, причиненного уголовным преследованием⁸.

Для государства получается все очень просто, если человек совершил деяние, позднее декриминализованное, значит, он виновен в его совершении.

В связи с этим возникает вопрос: а не присутствует ли здесь продолжение уголовно правовой репрессии, указывающей на то, что, мол, пусть человек будет доволен уже тем, что государство потеряло к нему интерес уголовного преследования и наказания в связи с декриминализацией деяния, в совершении которого он подозревался, обвинялся или был осужден, и перестает вмешиваться в его частную жизнь, отпуская восвояси.

Для ответа на этот вопрос и на вопрос о реабилитации после декриминализации необходима перестройка сознания правоприменителей и законодателя. Но к этому пока ни законодатель, ни правоприменитель, по видимому, психологически еще не готовы. Поэтому, как говорила русская императрица Екатерина II, «для введения лучших законов необходимо потребно умы людские к тому приуготовить»⁹.

Согласно требованиям ст. 8 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. провозглашалось, что закон должен устанавливать наказания лишь строго и бесспорно необходимые¹⁰. Следует, как пишет Т.В. Кленова, оценивать соответствие уголов-

но-правовых норм конституционному подтверждению высшей социальной ценности человека¹¹.

Необходимо задуматься над тем, почему человек, даже сознавший либо изобличенный в совершении деяния, которое в дальнейшем государство перестало считать преступным, и ставший, по сути, жертвой ошибки самого государства, не должен иметь право на возмещение вреда от государства, которое, во-первых, приняло неправомерный уголовный закон, криминализировавший то или иное деяние, а, во-вторых, длительное время не отменяло его.

По нашему мнению, государству следует прийти к окончательно оформленному уголовно-правовому компромиссу в деле разрешения вопроса о реабилитации в случае декриминализации того или иного деяния, для чего ему придется, видимо, вначале приобрести признаки идеального государства, с присущими ему четырьмя добродетелями, выработанными еще Платоном Афинским, а именно: мудростью, мужеством, рассудительностью и справедливостью¹².

Пока же следует согласиться с мнением о том, что общество при самом благоприятном исходе может иметь такие законы, которые соответствуют уровню его развития¹³. Следовательно, отсутствие законодательно закрепленного права на реабилитацию при декриминализации деяний говорит о несовершенном уровне развития нашего общества.

Почему за репрессивность, а затем нерасторопность государственной машины должен страдать человек, у которого государством были нарушены, к примеру, его естественные права? Например, право на свободу слова, на свободный труд, на свободу и личную неприкосновенность, на свободу передвижения и выбор места жительства и др.

Давайте вспомним те деяния граждан, которые государство декриминализировало и которые в наше время кажутся нам теми, которые и нельзя было облачать в рамки общественно опасных и уголовно наказуемых. Среди них занятие запрещенными видами индивидуальной трудовой деятельности; самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания; ведение паразитического образа жизни; уплата и принятие выкупа за невесту; спекуляция, доноительство и др. Однако ни один гражданин не был реабилитирован за совершение этих деяний в виду отсутствия на то воли государства.

Государство нашло в свое время мудрость и мужество реабилитировать огромное количество жертв политических репрессий, в частности, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, и дела, прекращенные по нереабилитирующим основаниям (п. «д» ст. 3 Закона РФ от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий»), которые подлежали реабилитации после декриминализации таких деяний, предусмотренных УК РСФСР, как антисоветская агитация и пропаганда (ст. 70), распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 190.1), нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви (ст. 142), посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов (ст. 227).

В настоящее время в обоснование необходимости реабилитации лиц, совершивших преступление, можно указать то, что согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устраняющий преступность деяния, имеет обратную силу, т.е. распространяется на лиц, совершивших деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость. Это в полной мере соответствует требованиям ст. 54 Конституции РФ, которая провозглашает, что если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон, так как в данном случае имеет действие общепризнанный принцип обратной силы закона к деяниям, совершенным до его издания.

При этом ст. 10 УК РФ следовало бы дополнить тем, что обратная сила закона распространяется также и на лиц, подозреваемых, обвиняемых в совершении преступления.

Следует учесть, что смягчение наказания или иное улучшение положения лица, совершившего преступление, не связанное с декриминализацией совершенного им деяния, скорее всего, не может являться основанием для реабилитации.

Итак, на сегодняшний день в решениях о прекращении уголовного дела с согласия подозреваемого, обвиняемого с освобождением от уголовной ответственности, констатируется, что подозреваемый или обвиняемый совершил то или иное преступление. Однако Конституционный Суд РФ в резолютивной

части названного выше постановления все-таки признал, что такая констатация не равнозначна признанию лица виновным и что в этих случаях вопрос о виновности не разрешается.

Таким образом, следует прийти к выводу о необходимости продолжения дискуссии на предмет рассмотрения вопроса о возможности законодательного закрепления обязательной реабилитации по итогам декриминализации.

¹ Комментарий к УК РФ / под ред. В.И. Радченко. – М., 2000. – С. 16.

² Комментарий к УК РФ: научно-практический комментарий / отв. ред. В.М. Лебедев. – М., 2001. – С. 23.

³ Ильютченко Н.В. Возмещение ущерба, причиненного личности в уголовном процессе незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 9.

⁴ Безлепкин Б.Т. Уголовным процесс России: учебное пособие. – М., 2004. – С. 294.

⁵ Смирнов, А.В., Калиновский, К.Б. Указ. соч. – С. 83.

⁶ Там же. – С. 453.

⁷ Вестник Конституционного Суда РФ. – 1996. – № 5.

⁸ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Указ. соч. – С. 453.

⁹ Цит. по: Мартышин О.В. Несколько тезисов о перспективах правового государства в России // Государство и право. – 1996. – № 5. – С. 5.

¹⁰ Цит. по: Правовое государство, личность, законность. – М., 1997. – С. 67.

¹¹ Кленова Т.В. Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. – 1997. – № 1. – С. 58.

¹² Политическая мысль второй половины XX века: хрестоматия для студентов. – Пермь, 1999. – С. 16.

¹³ Драма российского закона. – М., 1996. – С. 45.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Л.В. Красуцких,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ

И.В. Русяев,

аспирант кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ

Общепризнанной основой любой правовой системы является положение о неизбежности и неотвратимости наказания за совершение предусмотренного уголовным законом преступления. Лицо, совершившее преступление, подвергается установленным мерам государственного воздействия, выражающегося в форме определенных лишений и ограничений прав. Эффективность наказания должна подразумевать под собой не его жестокость, но справедливость и целенаправленность, а также неизбежность как наиболее действенное средство сдерживания совершаемых преступлений. Именно гарантии справедливости и целенаправленности наказания способствуют соблюдению требований закона при выборе индивидуального наказания конкретному лицу за конкретно совершенное преступление.

Несмотря на то что уголовное наказание занимает важное место в системе осуществления правосудия, оно должно являться не самой целью, а именно средством исправления лиц, совершивших преступления. Необходимыми условиями принудительного воздействия должны являться разумность и целенаправленность уголовного наказания. Уголовный закон подчеркивает, что наказание применяется для достижения определенных целей: восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. При назначении наказания судам следует соблюдать требование закона о строго индивидуальном подходе к назначению наказания.

При наличии оснований и условий, предусмотренных уголовным законом, лицо может быть освобождено от уголовного наказания либо досрочно освобождено от отбывания назначенного судом наказания. Основания освобождения от уголовного наказания должны быть четко определены для правильного и справедливого рассмотрения этих дел судами.

Но соблюдение этого, как и любого иного требования, не должно противоречить правилам, установленным законом. Необходимо указать, что на современном этапе развития законодательства содержание и возможности условно-досрочного освобождения от отбывания наказания заметно меняются. Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. в ст. 79 УК РФ были внесены изменения. Во-первых, возможность условно-досрочного освобождения при наличии необходимых условий (лицо «может быть освобождено условно-досрочно») заменена необходимостью (лицо «подлежит условно-досрочному освобождению»), во-вторых, из статьи были исключены указания на такие виды наказания, от отбывания которых возможно освобождение условно-досрочно, как исправительные работы, ограничение по военной службе, ограничение свободы, и другие изменения.

В соответствии с ч. 1 ст. 79 УК РФ лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, подлежит условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. При этом лицо может быть полностью или частично освобождено от отбывания дополнительного вида наказания. В соответствии с УК РФ возможность условно-досрочного освобождения осужденного от отбывания наказания складывается из совокупности определенных условий. Во-первых, это отбывание осужденным строго определенного, основного срочного наказания, во-вторых, фактическое отбытие к моменту условно-досрочного освобождения определенной, установленной законом части этого наказания, в-третьих, отсутствие необходимости в полном отбывании назначенного наказания для исправления осужденного, и, в-четвертых, возложение специальных обязанностей, предусмотренных

ч. 5 ст. 73 УК РФ, которые должен исполнять осужденный в течение оставшейся неотбытой части наказания.

В соответствии с требованиями ч. 3 ст. 79 УК РФ одним из необходимых условий условно-досрочного освобождения является фактическое отбытие определенной части назначенного наказания, которая напрямую зависит от тяжести совершенного лицом преступления. Так, условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осужденным не менее одной трети срока наказания, назначенного за преступление небольшой или средней тяжести; не менее половины срока наказания, назначенного за тяжкое преступление; не менее двух третей срока наказания, назначенного за особо тяжкое преступление, а также двух третей срока наказания, назначенного лицу, ранее условно-досрочно освобождавшемуся, если условно-досрочное освобождение было отменено по основаниям, предусмотренным ч. 7 ст. 79 УК РФ. При этом фактически отбытый осужденным срок лишения свободы не может составлять менее шести месяцев, а для пожизненного лишения свободы – не менее двадцати пяти лет. В связи с этим мы полагаем, что пробел, допущенный законодателем, лишает возможности применения условно-досрочного освобождения к тем осужденным, кому суд назначил наказание менее шести месяцев. Для лица, осужденного за совершение нескольких преступлений, минимальный срок, фактически отбытый для возникновения права на условно-досрочное освобождение определяется исходя из наиболее тяжкого из совершенных преступлений.

Как показывает судебная практика, при рассмотрении ходатайств об условно-досрочном освобождении к вопросу об уже отбытой части наказания в зависимости от тяжести совершенного преступления суды могут подойти достаточно формально. Это не может не создавать вероятность судебной ошибки при принятии соответствующих решений и их последующего пересмотра. Так, например, кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда было отменено постановление суда об условно-досрочном освобождении от наказания А., осужденного за особо тяжкое преступление по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 12 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима. Постановлением суда А.

был условно-досрочно освобожден. В кассационном представлении был поставлен вопрос об отмене данного постановления суда, поскольку осужденным не возмещен в полной мере причиненный потерпевшему вред, а также он не отбыл обязательный минимум, в соответствии с п. «в» ч. 3 ст. 79 УК РФ – не менее 2/3 срока назначенного наказания, что в данном случае составляет более 8 лет лишения свободы. Из назначенного наказания фактически А. отбыл только 7 лет 3 месяца 18 дней. Кроме того, за весь период, предшествовавший подаче и рассмотрению ходатайства об условно-досрочном освобождении, из суммы 50 000 рублей, в которую был оценен причиненный преступлением вред, А. возместил лишь незначительную часть – менее 2000 рублей, что также не свидетельствует о его полном раскаянии. Следовательно, оснований для его условно-досрочного освобождения нет. Судебная коллегия посчитала, что постановление суда об условно-досрочном освобождении подлежит отмене, как незаконное и необоснованное¹.

В данном случае судом допущена ошибка в применении норм УК РФ об условно-досрочном освобождении от наказания, которой можно было бы избежать при должном внимании к положениям уголовного закона. Определенные законом пределы реального отбывания наказания не могут быть изменены судом, рассматривающим ходатайство осужденного о досрочном освобождении.

Отсутствие необходимости полного отбывания назначенного судом наказания для исправления осужденного в каждом конкретном случае должна оцениваться судом. В основе оценки лежит характеристика личности осужденного за время отбывания срока наказания. Так, при отбывании уголовного наказания в виде лишения свободы учитываются поведение осужденного, взаимоотношения с персоналом учреждения и другими осужденными, отношение к труду, к возмещению причиненного преступлением ущерба и т.д.

На сегодняшний день сложился достаточно неопределенный, зачастую формальный подход к установлению и определению условий, составляющих предусмотренную законом возможность условно-досрочного освобождения от дальнейшего отбывания наказания. Это приводит к тому, что значительная доля ходатайств об условно-досрочном освобождении, подаваемых осужденными, удовлетворяются судами, тогда как при правиль-

ном понимании соответствующих положений уголовного закона количество удовлетворенных ходатайств было бы заметно ниже. Такая ситуация становится следствием отсутствия единой судебной практики реализации положений УК РФ об условно-досрочном освобождении и причиной постоянного увеличения числа обжалований таких решений и их пересмотров вышестоящими судами. Неопределенность практики по данному вопросу в значительной степени связана с индивидуальной оценкой судом степени исправления конкретного осужденного как условия отсутствия необходимости дальнейшего отбывания назначенного наказания. Рассматривая ходатайства, суды по-разному подходят к характеристике личности осужденного. Часть судей считают возможным удовлетворение ходатайств только при положительной оценке, данной в характеристике, поведения осужденного за весь период отбывания уголовного наказания с учетом всех имеющихся взысканий и поощрений, оценке отношения осужденного к труду и участия в общественной жизни учреждения. При этом оценивается степень тяжести совершенного лицом преступления, оставшийся неотбытый срок наказания за его совершение, количество и характер имеющихся судимостей. Помимо этого оценивается возможность будущего жилищного и трудового устройства осужденного, получения образования (в том числе завершения обучения в конкретном учебном заведении при соответствующем ходатайстве его руководства), а также реальность устранения осужденным после его условно-досрочного освобождения причиненного преступлением ущерба. В свою очередь другие суды и судьи рассматривают это условие более узко, например, учитывают характеристику осужденного только за последний год, предшествовавший подаче ходатайства об условно-досрочном освобождении, в том числе отсутствие дисциплинарных взысканий и предпринятые действия для возмещения причиненного преступлением ущерба. Так, например, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Челябинского областного суда было отменено постановление суда об отказе в условно-досрочном освобождении от наказания. Осужденный И. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 30 УК РФ к шести годам лишения свободы. Ранее за совершенные преступления И. был дважды осужден к лишению свободы, за время отбывания наказания

допустил восемь нарушений и длительное время не принимал мер к возмещению ущерба. При рассмотрении ходатайства в условно-досрочном освобождении ему было отказано. Осужденный обжаловал данное решение, ссылаясь на то, что судья не мог рассматривать его ходатайство в силу того, что этот же судья ранее выносил решение по делу И., поэтому у судьи сложилось предвзятое мнение в отношении осужденного. Кроме того, по мнению И., суд необоснованно указал на непогашенные по делу иски. Судебная коллегия признала доводы осужденного несостоятельными, а постановление суда об отказе в условно-досрочном освобождении законным и обоснованным. Но одновременно с этим судебная коллегия посчитала, что вывод суда о невозможности условно-досрочного освобождения является «преждевременным», сделанным без надлежащей оценки всех характеризующих осужденного материалов. Так, суд указал, что на момент рассмотрения кассационной жалобы И. почти полностью отбыл назначенное ему наказание, за время, прошедшее после отказа в условно-досрочном освобождении (более года), характеризовался с положительной стороны, нарушений режима не допускал, а также возместил часть причиненного преступлением ущерба. Рассмотрев материалы по кассационной жалобе, судебная коллегия областного суда отменила постановление суда первой инстанции и направила материал на новое рассмотрение².

Таким образом, даже в этом единственном примере реализации условно-досрочного освобождения суды разного уровня демонстрируют различное понимание положительной оценки характеризующих осужденного материалов. От результатов такой оценки напрямую зависит принятие решения об удовлетворении ходатайства осужденного, либо отказе в его удовлетворении. Следовательно, для точной оценки степени исправления осужденного и возможности досрочного освобождения необходима наиболее полная характеристика его личности. В последнем примере такому подходу соответствует решение суда об отказе в удовлетворении ходатайства осужденного об условно-досрочном освобождении. Таким образом, характеристика личности осужденного должна охватывать всю отбытую часть назначенного наказания, а не только период, предшествовавший подаче соответствующего ходатайства и рассмотрению его судом. Это должно учитываться и адми-

нистрацией учреждения или органа, исполняющего наказание, и судом, принимающим решение по данному вопросу, и самим осужденным, который стремится к досрочному освобождению.

Хотя рассмотренные практически примеры и содержащиеся в них ошибки применения положений закона и не охватывают весь объем проблемных моментов реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, они подтверждают значительное многообразие вопросов, возникающих в российской судебной практике, на которые уже сейчас требуются наиболее правильные, полные и обоснованные ответы, изложенные в официальных документах. На сегодняшний день практика применения положений УК РФ об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания является настолько же обширной и разнообразной, насколько и неопределенной. Это напрямую касается понимания судами соответствующих положений закона, которое, как доказывают приведенные примеры, зачастую бывает противоположным. Такое разнообразие мнений при применении положений об условно-досрочном освобождении наблюдается на самом различном уровне, вплоть до расхождения точек зрения судей одного и того же суда. Нужно еще раз подчеркнуть, что такое положение дел в основном зависит от достаточно

формального подхода к условиям, определенным уголовным законом для условно-досрочного освобождения, и различного отношения к минимально необходимой и достаточной степени их соблюдения. Именно неопределенность отдельных моментов реализации условно-досрочного освобождения становится одной из основных проблем современной судебной практики условно-досрочного освобождения, что в свою очередь сказывается на значительном числе пересмотров, а, следовательно, на постоянном росте нагрузки судов. Следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование закона в соответствии с нуждами существующей судебной практики. Необходимо создание профессиональных сборников судебной практики по данному вопросу, учитывающих самые различные практические моменты, в том числе посвященные распространенным судебным ошибкам. Все это должно оказать самую существенную помощь судам при вынесении решений по ходатайствам осужденных об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания.

¹ Архив Свердловского областного суда за 2005 г. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам от 30 ноября 2005 г., дело № 22-11455/2005.

² Архив Челябинского областного суда за 2006 г. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам от 17 июля 2006 г., дело № 4410.

СООТНОШЕНИЕ ПРЕДЕЛОВ ДОКАЗЫВАНИЯ НА СТАДИЯХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ И СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Е.Б. Литовченко,

преподаватель кафедры правовых дисциплин Орского филиала МФЮА

Предметом доказывания является система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства. Эти обстоятельства устанавливаются путем процессуального доказывания, т.е. с помощью предусмотренных законом средств и способов. Определенность предмета доказывания обуславливает направление и границы исследования. Правильное установление предмета доказывания по конкретному уголовному делу – условие целенаправленной деятельности органов расследования и суда, обеспечения полноты, всесторонности, объективности исследования обстоятельств дела.

Другими словами, предмет доказывания – это совокупность доказываемых по делу обстоятельств¹.

Типовой перечень таких обстоятельств, подлежащих доказыванию по любому делу (независимо от квалификации преступления), приводится в ст. 73 УПК РФ. Доказыванию подлежат событие преступления, виновность лица, форма его вины и мотивы, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, характер и размер вреда, причиненного преступлением, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также обстоятельства, влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Подлежат также выявлению обстоятельства, способствующие совершению преступления.

Именно предмет доказывания и определяет пределы доказывания по уголовным делам. Однако пределы доказывания – это категория предельной общности, которая в первую очередь указывает на количество доказательств и их качество.

Каково соотношение предмета и пределов доказывания на различных стадиях уголовного процесса?

Большинство российских процессуалистов считают, что предмет и пределы доказывания на всех стадиях уголовного процесса одинаковы. Такого мнения придерживаются, к примеру, С.А. Шейфер², Г.М. Миньковский³, П.А. Лупинская⁴ и др. Однако есть мнение о расхождении пределов доказывания в досудебном и судебном производстве⁵.

И на стадии предварительного расследования, и на стадии судебного разбирательства предмет и пределы доказывания остаются одинаковыми. Действительно, предмет неизменен, к тому же хоть каким-то образом законодательно обозначен. Но можно опровергнуть положение о том, что пределы доказывания идут вслед за предметом и также остаются едиными. Все-таки пределы доказывания в предварительном расследовании иные, чем в судебном разбирательстве.

В современном уголовном процессе следователь проводит предварительное расследование и на него возложена обязанность в каждом случае обнаружения признаков преступления принимать предусмотренные УПК РФ меры по установлению события преступления, изобличению лиц, виновных в совершении преступления. В соответствии со ст. 73 УПК РФ следователь обязан выявлять как уличающие, так и оправдывающие, смягчающие и отягчающие наказание обвиняемого обстоятельства.

Если следователь осуществляет функцию обвинения, то защита должна оставаться на другой стороне: государственный орган, ведущий уголовное преследование, не может осуществлять функцию защиты. Об этом четко указано в ст. 5 УПК РФ, где в небольшом списке лиц, участвующих в уголовном процессе, разделяются представители стороны защиты – обвиняемый и защитник – и стороны обвинения – прокурор и следователь. Поэтому-то уголовно-процессуальный закон указывает на участие защитника с момента возбуждения в отношении подозреваемого уголовного дела или с момента его фактического задержания. Защитник в данном случае

обязан противодействовать обвинению, а также помогать в установлении подлинных обстоятельств расследуемого преступления, особенно когда возможно привлечение к уголовной ответственности невиновного лица.

На практике следователь, следуя букве закона, проверяет все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, приведенные в ст. 73 УПК РФ (очевидно, подчеркивая необходимость их доказывания, законодатель стремится преодолеть обвинительный уклон расследования, обеспечить реализацию принципов уголовного судопроизводства). Собранные доказательства следователь оценивает по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и собственным правосознанием, следствием которого является определение пределов доказывания в расследовании преступления, и по окончании следствия составляет обвинительное заключение, уличающее обвиняемого в совершении инкриминируемого ему преступления (возможна всего лишь переквалификация статьи). Данный результат работы следователя проходит через «фильтр» оценки прокурора. И доказательства, полученные следователем, образуют ту основу, на которой прокурор в суде отстаивает обвинительный тезис. Поэтому границы доказывания, выражающие полноту проверяемых следственных версий, глубину исследования подлежащих установлению фактов и объем доказательств и их источников, а также обоснование предмета доказывания фактически расширены в направлении обвинения и сужены в направлении защиты.

Судебное разбирательство – это стадия уголовного процесса, которая следует за предварительным расследованием. Только в результате судебного разбирательства обвиняемый может быть признан виновным в совершении преступления и подвергнут уголовному наказанию либо признан невиновным и оправдан. Это абсолютная компетенция суда. Судебное разбирательство должно обеспечить установление обстоятельств дела в соответствии с тем, что имело место в действительности, правильную оценку этих обстоятельств с точки зрения уголовного закона и вынесение решения об уголовной ответственности виновного в совершении преступления или об оправдании невиновного⁶.

Здесь предмет доказывания бесспорно аналогичен предмету доказывания на предварительном следствии. Но рамки границ дока-

зывания могут измениться. Это объясняется тем, что, в судебном заседании суд взвешивает позицию стороны обвинения и стороны защиты на равных основаниях. И исследует все обстоятельства, подлежащие доказыванию виновности либо невиновности подсудимого, выслушивая обвинительную речь прокурора, который в свою очередь опирается на материалы уголовного дела и обвинительное заключение, подготовленное следователем в процессе предварительного расследования, и доказательственную речь защитника. Каждый из этих субъектов раскрывает обстоятельства совершения преступления со своей позиции, приводя те доказательства, на основании которых можно построить вывод о наличии либо отсутствии вины подсудимого. Выслушивая мнения сторон, исследовав наиболее всесторонне, полно и объективно обстоятельства дела, суд устанавливает истину по делу, в результате чего по своему внутреннему убеждению принимает законное и обоснованное решение. Надо отметить, что суд, рассматривая уголовное дело в судебном процессе, решает вопрос о необходимой и достаточной совокупности доказательств, которая, как указывает М.З. Курдадзе, будучи собранной по делу, обеспечит правильное его разрешение путем установления «исконного комплекса» обстоятельств, подлежащих доказыванию⁷. В процессе судебного разбирательства, бесспорно, может поменяться и объем фактических доказательств. Это может быть связано с тем, что часть доказательств удаляется из дела как недопустимые, или с тем, что следователь, принимая процессуальные решения по уголовному делу, по большому счету собирает доказательства виновности обвиняемого. При увеличении объема доказательств защиты увеличиваются соответственно и пределы доказывания, т.е. та совокупность обстоятельств, которой достаточно для достоверного выяснения обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Объем доказательств может указывать на степень интенсивности исследования материалов дела, на полноту исследования всех относимых к данному делу фактов. Но конечно не количество доказательств, а их качество, полученное обвинителем и защитником из законных источников, их достоверность и убедительность обеспечивают установление предмета доказывания и правильное, законное разрешение уголовного дела.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод о том, что в стадии предварительного

расследования пределы доказывания иные относительно стадии судебного разбирательства, так как в стадии предварительного расследования *de jure* исследуются все обстоятельства, подлежащие доказыванию, согласно ст. 73 УПК РФ входящие в предмет доказывания, а *de facto* – по большей части те, которые несут бремя обвинения. На стадии же судебного разбирательства одинаково глубоко и тщательно судом рассматриваются позиции как обвинения, так и защиты.

¹ Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М., 2005.

² Шейфер С.А. О предмете и пределах доказывания // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания: сб. статей. – Волгоград, 2000. – С. 71.

³ Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. – М., 1956. – С. 42.

⁴ Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе. – М., 1966. – С. 111.

⁵ Курдадзе М.З. Пределы доказывания на предварительном следствии. – Тбилиси, 1986. – С. 97; Будникова Л.И. Реализация принципа состязательности на предварительном следствии // Современные проблемы уголовно-процессуального доказывания: сб. статей. – Волгоград, 2000. – С. 85.

⁶ Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М., 2006. – С. 3.

⁷ Курдадзе М.З. Указ. соч. – С. 13.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С.П. Олефиренко,

соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ

Для современного правового государства характерно наличие высокого уровня прав и свобод личности человека. Одним из таких прав является субъективное право компенсации морального вреда.

Институт законодательства «компенсация морального вреда» не был известен дореволюционной России, хотя в тот период имеется множество публикаций правоведов относительно морального вреда и его компенсации.

Мысли о таком понятии, как моральный вред, и его компенсация появились не на пустом месте, а имели свою историческую предпосылку.

Уже с древнейших времен формировались в общественном сознании такие понятия, как добро и зло, появляются моральные требования к отдельно взятому человеку, по отношению к обществу. В древнейшие времена человек не выделялся из племени, поэтому неправильное, аморальное поведение воспринималось как нанесение оскорбления, обиды всему племени, а то и роду. Когда на территории России еще не было государственности, уже были нормы морали, которые входили в обычаи, в последующем эти нормы трансформировались в религиозные правила, диспозицию законов, обычаи: не убивать, не воровать, не прелюбодействовать, не врать, держать данное слово, не быть трусом, не быть жадным, не предавать, не завидовать и т.д.

В «Русской Правде» 10–11 вв., источнике древнерусского права, содержалось множество юридических норм, предусматривающих ответственность за оскорбление, обиду. Например, ст. 2 данного нормативного акта предусматривала в отношении обиженного, оскорбленного взыскание с обидчика трех гривен; за причинение телесных повреждений батоном, жердью, пястью, чашей, рогом, тылсною оружия предусматривалась компенсация в размере 12 гривен (ст. 3)¹.

Русскому менталитету близко понимание компенсации морального вреда, что можно заключить из анализа норм «Русской Правды», в которых даже преступление рассматривалось не как нарушение закона, а как при-

чинение «обиды», т.е. материального и морального ущерба, и подлежало возмещению².

«Русская Правда» была первым Кодексом русского частного права, по которому причинитель вреда должен был возместить не только материальный, но и моральный ущерб. Поэтому было бы ошибкой полагать, что становление института юридической ответственности за моральный вред и юридический опыт в решении проблемы компенсации морального вреда был наработан исключительно в США, Великобритании, Германии, Франции и других европейских государствах.

Со временем (около 1050 года) власть родственников над убийцей была ограничена и кровная месть полностью заменялась головщиной. Головщина (или головничество (выкуп)) на Руси и в России просуществовал почти 500 лет. По Судебнику Ивана III 1497 года головщина взыскивалась из имущества убийцы. Если же убийца не мог заплатить головщину родственникам убитого, он уже не выдавался им «головой», а был обречен находиться в «казни и продаже боярину или дьяку»³.

В Судебнике Ивана V 1550 года сохранилось право предъявления гражданского иска за убийство. Иск о возмещении ущерба за убийство предусматривался в поздних Судебниках и Уложениях. Например, по Соборному Уложению царя Алексея Михайловича 1649 года к смертной казни убийцы добавлялось взыскание в казну половины имущества убийцы, а вторая половина имущества передавалась жене, детям и роду убитого по их просьбе.

Соборное Уложение 1649 года, как продолжение «Русской Правды» и Судебников, содержало раздел об оскорблениях. Раздел начинался статьей 27, которая предусматривала наиболее тяжкий случай – оскорбление Патриарха. И последующие ст. 28–82 Уложения предусматривали защиту от оскорбления различных духовных лиц⁴.

Уложение, в отличие от «Русской Правды», предусматривало такой состав правона-

рушения, как бесчестье, т.е. преимущественное оскорбление словом. Бесчестьем также именовалась денежная компенсация за оскорбление. Причем суммы бесчестья определялись в таком объеме, что иной оскорбитель был не в состоянии выплатить положенную компенсацию. И тогда оскорбитель ставился на правее: его ежедневно били батоном до тех пор, пока он не договаривался с оскорбленным о погашении долга⁵.

В течение более 200 лет Соборное Уложение защищало естественные и неотчуждаемые права человека, предпочтение отдавалось защите прав знатного.

В более позднем законодательстве России ответственность за моральный вред и его компенсации сохраняются. Так «Уложением о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 года, в главе второй «О наказаниях», отделении втором «О вознаграждении за убытки, вред и обиды» предусматривалось: «Виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к которому присуждаются, обязаны возградить за сей вред, убыток или обиду из собственного имущества по точному о сем постановлению суда» (ст. 62)⁶.

В случае смерти виновных в преступлении потерпевший имел право на компенсацию за причиненный вред, убытки или обиду за счет наследников (ст. 64)⁷.

В современном российском законодательстве отсутствуют нормы права, которые позволяют взыскивать причиненный вред с наследников виновного в преступлении лица. Исключения составляют следующие случаи: наследники отвечают по долгам наследодателя (ст. 1175 ГК РФ).

Из приведенного анализа российских памятников права видно, что все они содержат юридическую ответственность за причинение физических и нравственных страданий.

Взгляды ученых-юристов XIX века на имущественную компенсацию морального вреда различались. Так, Л.И. Петражицкий⁸, Г.Ф. Шершеневич⁹ считали, что возмещение морального вреда невозможно. П.Н. Гуссаковский писал: «Если право позволяет путем денежного вознаграждения удовлетворить потерпевшему нравственный вред, то такое положение говорит не об учете важности вреда или о степени участия злой воли причинителя, а об учете состоятельности пострадавшего лица»¹⁰.

Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «вознаграждение за нравственный вред открывает широкий простор судебному произволу»¹¹.

Были и ученые, которые высказывались в пользу денежного возмещения морального вреда. Например, С.А. Беляцкий писал, что «постоянное упорное игнорирование морального вреда и моральных интересов, равнодушное отношение к ним со стороны суда влекут за собой тот результат, что дается обильная пища для досад потерпевшего, чувство раздражения не находит выхода, растет ненужное озлобление, колеблется в массе уверенность в личном праве и личном благе. Идея возмещения морального вреда предполагает известное развитие правового чувства и среду, в которой личность и личные права пользуются достаточным уважением»¹².

Право «на возмещение морального вреда – есть право униженных и оскорбленных, изувеченных, обезображенных и соблазненных. Право эксплуатируемых писателей, артистов и служащих»¹³.

Один из оппонентов компенсации морального вреда, Л.И. Петражицкий, писал, что «цивилизованное государство не может возлагать обязанность возместить моральный вред, так как нет случаев точно определенных деяний, совершение которых без какой-либо определенной потери имущества может повлечь «лишение имущества». Но гражданское право должно считаться с каждым нарушителем какого-либо из обширнейших категорий гражданских прав»¹⁴.

В 1905 году возмещение морального вреда предполагалось внести в проект Гражданского Уложения. Мнение редакционной комиссии Гражданского Уложения позволяет нам утверждать, что уже тогда существовала проблема определения размера компенсации морального вреда, критериев, методов определения размера компенсации морального вреда. Связано это было не только с проблемой как таковой, но и с определенным мировоззрением юристов того времени, которые по своему происхождению были в основной массе дворянами, а для дворянина такие понятия, как честь, достоинство и деньги, были вещами несовместимыми.

В 1917 году был разработан проект закона «Об обязательном праве», в котором предусматривалось возмещение нематериального вреда в случае телесного повреждения, прелюбодеяния и обольщения, неисполнения должником своих обязанностей и др.¹⁵ Однако

этот закон не был принят в связи с известными событиями 1917 года.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране начинается закладываться реальная основа уважения к гражданину молодого советского государства. Были приняты первые декреты, в том числе Декларация прав трудящихся и эксплуатируемых народов. Данные нормативные акты законодательно утвердили ликвидацию сословий, национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 года предусматривал ответственность за клевету и оскорбление. Уголовно-процессуальное право строилось на принципах законности, гласности, независимости судей, равенства всех граждан перед законом.

В период становления советского права были весьма распространены высказывания против введения института компенсации морального вреда в гражданское законодательство РСФСР. Так, А.М. Зейц писал, что возмещение вреда должно пониматься как «восстановление состояния, которое имело или могло иметь лицо, которому причинен вред, если бы таковой причинен не был. Состояние же лица определяется его трудовым доходом»¹⁶.

А.М. Зейц писал, что охрана неприкосновенности личности – это дело уголовного права, так как гражданское право призвано регулировать только отношения собственности и обмена, гражданскому праву чужда задача кары и возмездия (а имущественное возмещение морального вреда – это именно карательный институт).

Сторонниками возмещения морального вреда в то время были И. Броуде, Б. Ланицкий, К. Варшавский и др., однако теоретические разработки данных юристов не повлияли на судебную практику 20-х гг. XX века, по уголовным делам потерпевшие от преступлений были лишены возможности предъявлять иск в связи с причиненным им моральным вредом.

С принятием 22 ноября 1926 г. Уголовного кодекса РСФСР, в ст. 44 (о наказании в виде возложения обязанности заглаживать причиненный вред) были предусмотрены основания для возмещения не только материального, но и морального вреда. В сложившейся обстановке законодательство страны, регулирующее уголовное судопроизводство, создало больше возможностей для материальной ком-

пенсации моральных переживаний, чем действовавшее тогда гражданское законодательство.

Однако в последующее тридцатилетие, вплоть до конца 50-х гг., все вышеназванные начинания были полностью сведены на нет. Установленный в первые годы Советской власти порядок рассмотрения уголовных дел, который предусматривал состязательность сторон, защиту прав обвиняемого, объективное, полное и всестороннее рассмотрение доказательств вины при невиновности его, в период сталинского произвола препятствовал проведению карательных мероприятий против своего народа. Насилие, произвол и беззаконие проявлялись в многочисленных репрессиях, причинявших невосполнимый ущерб и страдания народу. Наказывали без вины, наказывали за то, о чем не было сказано в законе, наказывали помимо суда – решением так называемых «троек»: с участием прокурора, секретаря обкома партии и начальника органа госбезопасности¹⁷. Игнорирование человеческого достоинства стало основной чертой уголовного процесса того времени.

Судебная процедура была предельно урезана и упрощена, а процессуальные гарантии граждан изъяты. Следствие строилось на фальсифицированных и ложных обвинениях. Применялись физические и психические меры воздействия на обвиняемого. Основным доказательством вины обвиняемого стало его собственное признание, вырванное у него после пыток.

После смерти И.В. Сталина, в своем докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев подробно рассказал о культе личности и его последствиях, о средствах и методах расследования «преступлений», построенных на унижении человеческого достоинства и физическом насилии. В стране начался период реабилитации жертв сталинского террора.

Впервые термин «моральный вред» был использован в ст. 24 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых Верховным Советом СССР от 25 декабря 1958 г.

Принятый 27 октября 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР впервые в российском законодательстве установил термин «моральный вред». В ст. 55 данного кодекса было определено, что потерпевшим признается лицо, которому преступлением причинен моральный вред.

Данная редакция позволяет утверждать, что речь идет о двух видах вреда – моральном и физическом (имущественном), что свидетельствовало о поступательном развитии уголовно-процессуального законодательства СССР.

В соответствии с Конституцией РФ 1993 года защита личности стала приоритетным направлением в деятельности государства и его органов. В ней закреплена гарантия государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. В ст. 52 Конституции РФ установлено, что права потерпевших от преступлений охраняются законом, государство обеспечивает потерпевшему доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба.

С 1 июля 2002 г. вступил в силу новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ, который «представляет собой крупный шаг на пути укрепления судебной власти, развитие демократических начал судопроизводства, усиление правовых гарантий участников процесса»¹⁸.

В ч. 1 ст. 6 УПК РФ одним из назначений уголовного судопроизводства определена защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации.

Разные аспекты процесса компенсации морального вреда в уголовном судопроизводстве были предметом исследования таких ученых, как И.В. Афанасьев, Д.А. Белов, С.А. Беляцкий, В.П. Божьев, В.М. Бозров, Б.Е. Владыкин, А.А. Власов, С.М. Воробьев, Э.П. Гаврилов, Г.Г. Горшенков, К.И. Голубев, В.Г. Даев, В.М. Жуйков, З.З. Зинатуллин, С.В. Кравцова, Н.В. Кривошеков, Ф.М. Кудин, Н.В. Кузнецова, Ю.В. Курдубанов, Ю.Д. Лившиц, А.Г. Мазалов, Н.С. Малеин, М.Н. Малеина, С.В. Марченко, С.Д. Милицин, В.В. Нагаев, С.В. Нарижный, В.Т. Нор, Г.П. Падва, В.Я. Понврин, Е.М. Попкова, Г.М. Резник, Ф.С. Сафуанов, М.А. Степанов, И.А. Сухаревский, О.А. Тарнавский, А.В. Тимошенко, Л.К. Трунова, В.Н. Чичко, С.А. Шейфер, А.В. Шичанин, А.М. Эрделевский, П.С. Яни и т.д.

Мы согласны с мнением В.Г. Даева о «допустимости и целесообразности в ходе уголовного процесса более широкого круга

средств гражданско-правового регулирования, не ограничиваемого применением санкций имущественного характера»¹⁹.

Аналогичное мнение высказывает А.Г. Мазалов: «Одновременное «комбинированное» применение уголовной и материальной ответственности способствует наиболее эффективному воздействию как на самого преступника, предупреждая возможность совершения им повторных правонарушений (частное предупреждение), так и на других лиц (общее предупреждение), содействуя их воспитанию в духе неукоснительного соблюдения законов и уважения правил общежития»²⁰.

Более конкретно высказался В.П. Божьев: «Гражданский иск, как один из важнейших способов защиты субъективных прав граждан, является единым правовым понятием для гражданского и уголовного процессов»²¹.

Заслуживает внимания мнение И.Л. Петрухина, который считает, что механический перенос норм гражданского процесса в уголовный процесс может вступить в противоречие с такими принципами, как право обвиняемого на защиту, свобода обжалования приговора и недопустимость поворота к худшему для обвиняемого, обжаловавшего приговор»²².

Более категоричен в своем мнении В.М. Бозров: «Институт гражданского иска из нового УПК должен быть исключен»²³.

Мы поддерживаем мнение В.В. Владимировой о том, что «сегодня проблемы института гражданского иска в уголовном процессе все так же актуальны. По-прежнему различаются взгляды ученых на этот институт, на его место в уголовном процессе, на соотношение норм гражданского и уголовных процессов по вопросу о гражданском иске»²⁴.

Закончить рассмотрение данного вопроса хочется справедливыми словами Ю.Д. Лившица и А.В. Тимошенко: «Тема гражданского иска в уголовном процессе не имеет границ, ее актуальность сохранилась и в новом УПК РФ. Проблемы тут существовали, существуют и, видимо, будут существовать. Поэтому необходимо искать пути их разрешения. Однако это не говорит о том, что наступила пора сломать то, что создавалось до нас. Исключить институт гражданского иска из уголовного процесса означало бы создать дополнительные привилегии для обвиняемого и лишить лицо, которому в результате преступления причинен материальный и моральный вред,

предоставленный ему Конституцией РФ гарантий.

Органы следствия, прокуратуры, суд обязаны рассматривать вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением, как неотъемлемый элемент производства по уголовному делу, а не как несущественное добавление к нему, которым можно пренебречь»²⁵.

Дать определение понятия «моральный вред» в уголовно-процессуальном праве предпринимались только учеными-правоведами. В числе первых ученых можно назвать П.С. Яни, который определил: «Поскольку уголовным законодательством в сфере морали охраняются лишь отношения чести и достоинства и доброго имени человека, последствие преступного посягательства на эти ценности и есть моральный вред»²⁶.

Другой ученый Л.Д. Кокорев полагает, что «под моральным вредом, причиненным преступлением, нельзя понимать лишь умаление чести и достоинства граждан, что он может только заключаться в причинении лицу и иных нравственных страданий»²⁷.

Привлекательна точка зрения В.А. Дубровного на определение понятия морального вреда как «нарушение нормального психологического состояния человека, вызванное преступным посягательством на охраняемые законом его субъективные права и интересы, а также иные блага, в результате чего этому лицу причиняются нравственные страдания»²⁸.

Заслуживает внимания позиция С.В. Наружного: «Одинаковое понимание термина «моральный вред» в гражданском, уголовном и уголовно-процессуальном праве представляется достаточно важным»²⁹.

А.М. Эрделевский отмечает, что так же, как и в гражданском праве, содержанием понятия «моральный вред» в уголовном праве являются нравственные и физические страдания, перенесенные потерпевшим»³⁰.

К сожалению, в уголовном и уголовно-процессуальном праве до настоящего времени не дано определение понятия морального вреда.

В своей правоприменительной практике суды при разрешении уголовных дел руководствуются Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда».

Необходимыми условиями наступления уголовно-правовой ответственности за при-

чинение морального вреда являются следующие.

1. Наличие морального вреда. Устанавливается факт причинения именно морального вреда, претерпевание нравственных или физических страданий, влияющих на психическое состояние потерпевшего. Здесь прямым доказательством служат показания самого потерпевшего и обвиняемого, косвенными доказательствами – показания свидетелей, заключения экспертов и другие письменные материалы дела.

2. Противоправное действие причинителя вреда. Противоправность состоит в противоречии деяния нарушителя нормам права, в уголовном судопроизводстве – в противоположности действий обвиняемого нормам уголовного закона, регламентирующим уголовную ответственность. Здесь большое значение приобретает правовая информация и информированность лиц, в особенности потерпевшего, о возможности компенсации за претерпеваемые нравственные и физические страдания.

3. Причинная связь между неправомерными действиями (преступлением) и моральным вредом. Неправомерное действие не обязательно влечет моральный вред. Причинную связь необходимо доказывать исходя из того, что неправомерное действие предшествует моральному вреду, является главной причиной и неизбежностью его возникновения. Причинную связь тут, в отличие от связи преступления с имущественным вредом, доказать сложнее. Взять хотя бы имущественный ущерб, который вытекает из документального подтверждения затрат на лечение попавшего от ножевого ранения в больницу лица, и последствия от преступления в качестве нравственных и физических страданий психологического аспекта, которые индивидуальны для каждого лица и труднее устанавливаются.

4. Вина причинителя вреда. Совершившее преступление лицо предвидит вредные последствия и желает (прямой умысел) или сознательно допускает (косвенный умысел) их, относится самонадеянно либо небрежно к последствиям, полагаясь на знакомый всем «авось» (самонадеянность, небрежность).

В сложившейся судоприменительной практике гражданский иск в уголовном деле о компенсации морального вреда может быть удовлетворен только в том случае, когда он причинен противоправными действиями, нарушающими личные неимущественные права

или посягающими на другие нематериальные блага потерпевшего (например, оскорбление, клевета, незаконное лишение свободы и т.п.).

Право на компенсацию морального вреда, причиненного иными действиями, может возникнуть у потерпевшего лишь в случаях, специально предусмотренных законом.

Следует согласиться с А.М. Эрделевским в том, «что любое преступление, нарушающее любые права потерпевшего, причиняет ему нравственные страдания»³¹.

Представляется целесообразным для упорядочения судебной практики внести следующее дополнение в ч. 1 ст. 44 УПК РФ: «Моральным вредом признается виновное совершенное общественно-опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом Российской Федерации, под угрозой наказания, повлекшее физические и нравственные страдания».

Мы полностью согласны с мнением Н.В. Кривошекова о том, что «в уголовном процессе моральный вред является не только одним из элементов юридического состава по защите нарушенного гражданского права, но и значительным для производства по делу обстоятельством. Это подчеркивает самостоятельность морального вреда по отношению к другим разновидностям негативных последствий преступления»³².

Полагаем, что нормы российского права, регламентирующие особенности и порядок возмещения морального вреда, причиненного преступлением, образуют комплексный межотраслевой институт права, который развивается на основании определенных экономических, социально-политических, правовых и научных предпосылок и выполняет важнейшую функцию – служит юридической гарантией защиты конституционных прав граждан, пострадавших от преступления. Виновный в совершении преступления должен нести юридическую ответственность за свои действия согласно санкциям всех нарушенных им правовых норм, относящихся иногда к различным отраслям права.

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – Т. 1. – М., 1984. – С. 16.

² См.: Исаев И.А. История государства и права России. – М., 1995. – С. 16.

³ См.: Бородин С.В. Проблема возмещения ущерба за умышленное убийство // Государство и право. – 1994. – № 4. – С. 93.

⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 2. – М., 1984. – С. 294.

⁵ См.: Там же. – С. 296.

⁶ См.: Там же. – Т. 6. – С. 186.

⁷ См.: Там же. – С. 187.

⁸ См.: Синайский В.И. Русское гражданское право. – М., 2002. – С. 227.

⁹ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – Вып. 3. – М., 1912. – С. 683.

¹⁰ См.: Гуссаковский П.Н. Вознаграждение за вред // Журнал Министерства юстиции. – 1912. – № 8. – С. 35.

¹¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. – С. 683.

¹² См.: Беляцкий С.А. Возмещение морального вреда. – СПб., 1913. – С. 9.

¹³ См.: Беляцкий С.А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. – М., 1996. – С. 45.

¹⁴ См.: Петражицкий Л.И. Возмещение нематериального вреда с точки зрения социальной политики // Право. – 1900. – № 16. – С. 35.

¹⁵ См.: Михно Е.А. Проблема возмещения морального вреда // Правоведение. – 1992. – № 5. – С. 89–94.

¹⁶ См.: Зейц А.М. Возмещение морального вреда по советскому праву // Ежегодник советской юстиции. – 1927. – № 47. – С. 1466.

¹⁷ См.: Постановление ЦИК СССР и САК СССР от 5 ноября 1934 г. «Об особом совещании при Народном комиссариате внутренних дел СССР» // СУ СССР. – 1935. – № 11. – Ст. 84.

¹⁸ См.: Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. – 2003. – № 2. – С. 55.

¹⁹ См.: Даев В.Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. – Л., 1972. – С. 3.

²⁰ См.: Мазаев А.Г. Гражданский иск в уголовном процессе. – М., 1977. – С. 6.

²¹ См.: Божьев В.П. Гражданский иск в уголовном процессе // Законность. – 2004. – № 7. – С. 2.

²² См.: Петрухин И.Л. Вправе ли кассационная инстанция изменить сумму гражданского иска по уголовному праву? // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 149.

²³ См.: Бозров В.М. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен // Российская юстиция. – 2001. – № 5. – С. 30.

²⁴ См.: Владимирова В.В. Гражданский иск в российском уголовном процессе // Уголовный процесс. – 2005. – № 10.

²⁵ См.: Лившиц Ю.Д., Тимошенко А.В. Назначение института гражданского иска в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2002. – № 6. – С. 45.

²⁶ См.: Яни П.С. Моральный вред как основание для признания потерпевшим // Советская юстиция. – 1993. – № 8. – С. 6.

²⁷ См.: Кокорев Л.Д. Потерпевший от преступления в советском уголовном процессе. – Воронеж, 1964. – С. 7.

²⁸ См.: Дубриный В.А. Потерпевший на предварительном следствии в советском уголовном процессе. – Саратов, 1966. – С. 9.

²⁹ См.: Нарижный С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. – СПб., 2001. – С. 38.

³⁰ См.: Эрделевский А.М. Моральный вред в уголовном праве и процессе // Законность. – 1997. – № 3. – С. 9.

³¹ См.: Там же. – С. 8.

³² См.: Кривошеков Н.В. Компенсация морального вреда: некоторые аспекты // Юрист. – 2005. – № 4.

ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

П.К. Петров,

соискатель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права ЮУрГУ

В УК РФ диспозиция нормы, предусматривающей ответственность за похищение человека, определена ст. 126 УК РФ, но на сегодняшний день четкого и точного определения похищения человека в законе по-прежнему нет. В то же время законодатель определяет такое преступление, как незаконное лишение свободы через отсутствие в деянии признака похищения (т.е. через неопределенный признак). В данной ситуации на практике возникают вопросы квалификации данного преступного деяния и отграничения похищения человека от незаконного лишения свободы человека, сходных между собой по ряду признаков.

Отграничение похищения человека от захвата заложника и незаконного лишения свободы необходимо проводить по элементам составов преступлений.

Под составом преступления в теории уголовного права понимается совокупность обязательных объективных и субъективных признаков, установленных законом, характеризующих общественно опасное деяние как конкретное преступление. Понятие состава преступления образуют четыре группы признаков, называемых в теории элементами состава преступления. К ним относятся объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления.

Объект преступления – это определенные общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые происходит посягательство и которым причиняется или может быть причинен вред.

Непосредственным объектом рассматриваемого посягательства является «выбор человеком по своему усмотрению места пребывания»¹, или более точно – личная (физическая) свобода человека.

Свобода человека подразделяется на виды в зависимости от степени ее реализации в различных сферах общественной и личной жизни. Так, физическая свобода человека выражается в способности человека действовать в соответствии со своим волеизъявлением, при условии отсутствия определенных физи-

ческих (материальных) факторов, ограничивающих его действие. В качестве примера можно привести свободу выбора места проживания, свободу передвижения, свободу в выборе профессии и т.д.

Если проводить отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы, то следует отметить, что непосредственным объектом указанных преступлений является физическая свобода конкретного лица, а в качестве дополнительного может выступать безопасность жизни и здоровья человека. Таким образом, объект составов преступлений похищения человека и незаконного лишения свободы является единым и соответственно не может быть положен в основу их разграничения.

Объективную сторону похищения человека образуют признаки, характеризующие его с внешней стороны. К ним относятся тайное или открытое либо с помощью обмана завладение человеком, изъятие его из привычной микросоциальной среды против его воли и перемещение его с места постоянного или временного пребывания с последующим его удержанием помимо его воли в ином месте. Как правило, похищение человека представляет собой совокупность трех последовательно совершаемых действий – завладение (захват), перемещение и последующее удержание потерпевшего. Вместе с тем указанные элементы, составляя фактическую сторону рассматриваемого деяния, в отдельности имеют свое особое уголовно-правовое значение.

Под завладением (захватом) человеком следует понимать совершенные тайно, открыто, с помощью обмана либо злоупотребления доверием противоправные умышленные активные действия виновного, направленные на принуждение потерпевшего переместиться в место его последующего удержания. Одним из наиболее часто применяемых способов захвата потерпевшего является выманивание потерпевшего из места постоянного или временного пребывания (как правило, с работы или из дома) под различными предложениями.

Под тайным способом похищения человека следует понимать такие действия преступника, когда изъятие потерпевшего из места его постоянного или временного пребывания происходит при отсутствии посторонних лиц либо в их присутствии, но когда они не осознают происходящего (например, виновный вводит окружающих в заблуждение относительно правомерности своих действий).

Под открытым завладением человеком следует понимать противоправные действия виновного, когда он осознает открытый характер похищения и понимает, что его действия осознаются посторонними лицами. Такой способ свидетельствует о повышенной общественной опасности действий виновного, который игнорирует волю потерпевшего или посторонних лиц, проявляя зачастую готовность применить насилие для достижения преступной цели.

Похищение человека может быть совершено также с помощью обмана или злоупотребления доверием.

Место похищения человека может быть любым и на квалификацию преступления не влияет.

Оконченным преступление признается после того, как человек будет фактически захвачен и хотя бы на некоторое время (например, на несколько часов) перемещен в другое место. Согласие самого человека на тайное перемещение в другое место, о чем не догадываются лица, заинтересованные в его судьбе, исключает состав данного преступления. Не может квалифицироваться по ст. 126 УК РФ завладение собственным или усыновленным ребенком вопреки воле другого родителя или близких родственников, у которых он находился на воспитании. Не имеет при этом значения, лишен субъект родительских прав или нет. Не является похищением человека также завладение и удержание ребенка помимо воли родителей его близкими родственниками (например, дедом или бабушкой), если эти действия совершаются в интересах ребенка, в том числе ложно понимаемых.

Объективная сторона похищения человека является основным критерием отграничения от незаконного лишения свободы. Объективная сторона преступления незаконного лишения свободы согласно наиболее распространенным в теории уголовного права определениям «выражается в незаконном лишении человека свободы передвижения в пространстве и времени, в противоправном воспрепят-

ствовании выбирать по своей воле место пребывания. Оно может выражаться в лишении потерпевшего свободы передвижения путем насильственного или обманного водворения в закрытое помещение, другой дом, подвал, гараж и т.д. и удержании в этом месте против его воли, что лишает потерпевшего возможности вести себя по своему усмотрению»². Способом совершения данного преступления является физическое или психическое насилие либо то и другое одновременно, а также обман. В отличие от похищения человека, данное преступление осуществляется без перемещения человека вопреки его воле из одного места в другое. Оконченным преступление признается с момента фактического лишения свободы. Продолжительность незаконного лишения свободы для применения ст. 127 УК РФ значения не имеет. Однако явно незначительный промежуток времени, на которое лицо было принудительно ограничено свободы передвижения, может свидетельствовать о малозначительности деяния и не составлять преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ)³.

Согласие самого человека на изоляцию в определенном месте исключает состав преступления. Однако последующее противоправное удержание лица, находящегося в определенном месте по собственной воле (например, сезонного рабочего по истечении срока контракта), является незаконным лишением свободы. Лишение свободы другого человека при необходимой обороне, крайней необходимости или задержании преступника не рассматривается как незаконное. Считаем обоснованной точку зрения А.И. Рагога о том, что доставление человека обманным путем в отдаленную местность или место, откуда он не в состоянии быстро выбраться (остров, пещера и т.п.), не может рассматриваться как незаконное лишение свободы, так как человек по собственной воле, хотя и не догадываясь о последствиях, был туда перемещен⁴. Удержание заблудившегося ребенка вопреки его воле следует квалифицировать как незаконное лишение свободы.

Приведенные признаки позволяют определить объективную сторону состава преступления незаконного лишения свободы как незаконное тайное или открытое, ненасильственное или насильственное, без использования или с использованием обмана или злоупотребления доверием, осуществленное путем действия или бездействия ограничение свободы другого человека против или помимо

его воли или (и) воли других лиц, позитивно заинтересованных в его судьбе, состоящее в изоляции этого человека от окружающей социальной среды посредством воспрепятствования выбора им места пребывания и возможности передвижения.

Сопоставление признаков, характеризующих объективную сторону составов преступлений похищения человека и незаконного лишения свободы, приводит к выводу, что эти преступления различаются по содержанию деяния: незаконное лишение свободы выражается только в незаконном ограничении свободы человека, а похищение человека – в захвате человека, изъятии его из обычной, привычной, естественной микросоциальной среды и перемещении его из одного места в другое с целью дальнейшего удержания.

Другую сложность в отграничении похищения человека от незаконного лишения свободы представляют случаи, когда перед похищением лица следует его предварительное удержание в течение непродолжительного периода времени (например, в квартире или на работе), и только после этого его перемещают в иное место. Теория и практика не имеют однозначного решения этого вопроса. Есть предложения считать, что в данном случае имеет место поглощение состава незаконного лишения свободы похищением человека. Такая позиция справедлива, если умыслом виновные не охватывали стремление совершить два преступления. Однако, если целью являлось и незаконное лишение свободы, и в дальнейшем похищение, ответственность должна быть по совокупности преступлений. Кроме того, возникает вопрос, как квалифицировать действия виновных лиц, когда потерпевшего перед похищением удерживают в течение длительного периода времени (например, сутки и более) в определенном месте и только потом перевозят в другое? В основу квалификации таких действий, на наш взгляд, должно быть положено тщательное исследование объективной и субъективной сторон преступления. Это обусловлено спецификой совершения данного вида преступления. Такое длительное лишение свободы похищенно свидетельствует о направленности умысла преступников на достижение своих целей путем удержания потерпевшего без последующего его перемещения. Иными словами, лицо осознает, что помимо воли другого человека незаконно лишает его свободы, удерживая в определенном месте, и желает этого. Поэтому

такие действия, на наш взгляд, считаются оконченными и полностью подпадают под признаки преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ. В тех случаях, когда преступники не добились намеченных целей и совершают последующее перемещение потерпевшего в иное место содержания, действия виновных лиц требуют дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ. В данном случае изменяется субъективная сторона деяния. Она характеризуется прямым умыслом по отношению к незаконному удержанию и перемещению человека, т.е. лицо осознает, что помимо воли другого человека незаконно лишает его свободы, перемещает и удерживает в определенном месте, и желает этого. Поэтому в таких случаях также имеет место совокупность рассматриваемых преступлений. Кроме того, приведенные положения не противоречат диспозиции ч. 1 ст. 127 УК РФ «незаконное лишение человека свободы, не связанное с его похищением», поскольку с юридической точки зрения такие действия образуют самостоятельные составы преступлений, независимые друг от друга. Определение момента возникновения и направленности умысла, а также тщательное исследование объективной стороны преступления позволяет правильно квалифицировать совершенное действие и назначить справедливое наказание.

Много вопросов возникает при отграничении рассматриваемых преступлений в случаях, когда потерпевшего путем обмана или злоупотребления доверием приглашают (например, для ведения переговоров) в определенное место, где потом его незаконно удерживают. Указанный способ совершения преступления имеет свои особенности. Для удобства изучения этого вопроса рассмотрим следующие примеры. Совершение похищения человека с использованием обмана возможно в двух основных вариантах преступного поведения. Первый из них представляет те случаи, когда обманные действия преступника направлены на «выманивание» объекта преступного посягательства из места его постоянного или временного пребывания и преследуют цель дальнейшего захвата, перемещения и последующего удержания жертвы. В качестве примера можно привести ситуации, когда потерпевший под влиянием обмана выходит на улицу из дома (с места работы), и преступники, применяя насилие, сажают его в машину и увозят в место последующего удержания. Таким образом, налицо три элемента, состав-

ляющих фактическую сторону похищения человека, – захват, перемещение и последующее удержание. Представленный способ совершения преступления достаточно часто имеет место на практике. Сам по себе обман до момента захвата жертвы не является уголовно наказуемым деянием и в силу отсутствия общественной опасности и противоправности действий не входит в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ. В данном случае он выступает как способ облегчить совершение преступления или, иными словами, как определенный предварительный этап для захвата и перемещения жертвы. Именно в этом ракурсе необходимо говорить об обмане как способе совершения похищения человека и квалифицировать такие действия по ст. 126 УК РФ.

Второй вариант совершения рассматриваемого преступления несколько схож с предыдущим, однако в связи с наличием определенных обстоятельств, имеющих свое уголовно-правовое значение, подлежит иной квалификации.

В юридической литературе распространено мнение, что в тех случаях, когда потерпевшего обманом путем приводят в место, где его потом насильственно удерживают, преступление следует считать окончанным с момента фактического удержания потерпевшего, и действия виновных лиц необходимо квалифицировать по ст. 126 УК РФ⁵. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что при совершении похищения человека может иметь место и одно насильственное действие – удержание. Однако такая позиция не бесспорна.

Во-первых, в силу отсутствия факта противоправного изъятия (захвата и перемещения) человека из микросоциальной среды такие действия образуют состав преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ. В частности, ч. 1 ст. 127 УК РФ определяет незаконное лишение свободы через отсутствие в действиях лиц основных элементов похищения человека – захвата и, самое главное, перемещения, которых нет в рассматриваемом примере. Во-вторых, объективная сторона совершения преступления с помощью обмана в данном случае подтверждается и субъективной стороной: умысел преступников направлен на незаконное удержание, а не на захват и перемещение жертвы. Если же говорить более широко, то при похищении человека существуют по крайней мере два основных признака

объективной стороны – захват и перемещение, что полностью должно охватываться умыслом виновных лиц, т.е. иметь место осознание и предвидение указанных действий в их совокупности. В-третьих, целью обманных действий является создание преступниками благоприятных условий для захвата и удержания потерпевшего. При этом между понятиями «захват» и «удержание», как признаком объективной стороны незаконного лишения свободы, можно поставить знак равенства, поскольку они совпадают по времени совершения и схожи по смысловой нагрузке. Таким образом, обманные действия в приведенном примере являются только предварительной стадией для незаконного лишения свободы. В-четвертых, сам обман, как и в предыдущем варианте, не является общественно опасным и не входит в объективную сторону незаконного лишения свободы. Из этого следует, что в приведенном примере преступление будет окончанным лишь только с момента незаконного удержания.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что совершение похищения человека путем одного удержания не возможно, а действия виновных лиц, которые с помощью обмана или злоупотребления доверием пригласили потерпевшего в определенное место, где потом его незаконно удерживают, необходимо квалифицировать по ст. 127 УК РФ.

В связи с тем, что норма о похищении человека является специальной по отношению к норме о незаконном лишении свободы, ограничение свободы при похищении человека полностью охватывается этим составом преступления. Дополнительная квалификация по статье о незаконном лишении свободы не требуется.

Субъектом похищения человека может быть физическое, вменяемое лицо, достигшее ко времени совершения преступления 14 лет.

Необходимым признаком субъекта похищения человека наряду с достижением определенного возраста является вменяемость, т.е. способность лица сознавать во время совершения преступления фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), а также способность руководить ими. Эти признаки являются юридической предпосылкой вины и уголовной ответственности. Таким образом, в случае совершения похищения человека невменяемым лицом в соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ оно не является субъектом рассматриваемого пре-

ступления и не подлежит уголовной ответственности. К такому лицу судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера (ч. 2 ст. 21 УК РФ).

В отличие от общих положений уголовного права, касающихся субъекта преступления, применительно к рассматриваемому составу необходимо выделить определенную группу лиц, которые в силу объективно-субъективных обстоятельств не могут выступать в качестве субъекта преступления. К ним, на наш взгляд, относятся: один из родителей (усыновитель) малолетнего при похищении его у другого родителя или из любого иного места, где он находится на законном основании; родитель, лишенный родительских прав; близкий родственник (брат, сестра, дедушка, бабушка) при условии, что все эти лица действовали, по их мнению, в интересах малолетнего, а не из корыстных побуждений и не в интересах третьих лиц, не состоящих в кровном родстве с малолетним и не являющихся его усыновителями.

Проводя отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы по субъекту преступления, необходимо отметить следующее. По общему положению, субъектом преступления может быть вменяемое физическое лицо, достигшее определенного возраста. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за похищение человека наступает с 14-летнего возраста, а за незаконное лишение свободы с 16-летнего возраста (ч. 1 ст. 20 УК РФ). Вместе с тем отграничить рассматриваемые преступления по субъекту нельзя. Указанный критерий только устанавливает возраст привлечения к уголовной ответственности лица в рамках того состава преступления, которое совершил виновный. Поэтому лицо, достигшее к моменту совершения преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, четырнадцатилетнего возраста, будет нести уголовную ответственность, а в случае совершения незаконного лишения свободы – нет. Таким образом, хотя рассматриваемые преступления и предусматривают разный возраст привлечения лица к уголовной ответственности, однако как признак, позволяющий отграничить одно преступление от другого, он не учитывается. Причина тому «сложность» в выполнении несовершеннолетними объективной стороны как похищения человека с применением насилия, так и незаконного лишения свободы. Сюда можно отнести отсутствие материальных средств, прав на управление автотранспортом и самое главное

– не полное физическое и психическое развитие для того, чтобы спланировать и совершить такие преступления. Устанавливая общий возраст уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные преступления – с 14 лет, уголовный закон учитывает, что с достижением такого возраста несовершеннолетний в полной мере способен оценивать свое поведение, в том числе и преступное.

Субъективная сторона похищения человека характеризуется виной только в виде прямого умысла. Виновный осознает, что незаконно захватывает другого человека и вопреки его воле перемещает его в иное место и желает этого. Сознание общественно опасного характера совершаемого деяния означает понимание его фактического содержания и общественного значения. Оно включает представление виновного об ограничении свободы потерпевшего, т.е. об объекте преступления, о содержании своих противоправных действий, посредством которых осуществляется похищение человека, а также о тех фактических обстоятельствах (время, место, способ, обстановка), которые облегчают или усложняют совершение преступления.

С точки зрения момента формирования умысла при похищении человека, как правило, он является заранее обдуманным. Такой вид умысла, как правило, свидетельствует о стойкости антисоциальных наклонностей личности.

Большое значение имеет установление формы вины в тех случаях, когда совершение похищения человека с применением насилия влечет по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Такие действия предусмотрены законодателем в качестве квалифицированного вида рассматриваемого преступления (п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ). Наличие в таком составе умысла и неосторожности именуется в теории и на практике двойной формой вины. Понятие преступлений с двумя формами вины в научный оборот введено сравнительно давно и нашло свое законодательное отражение в ст. 27 УК РФ. В целом такое преступление признается совершенным умышленно. Существование двух различных форм вины обусловлено наличием двух самостоятельных предметов виновного отношения субъекта: прямой умысел является субъективным признаком основного состава – похищения человека, а неосторожность (в виде легкомыслия или небрежности) характеризует психическое

отношение к причинению смерти или тяжких последствий.

В тех случаях, когда отношение субъекта преступления к наступившим в результате насильственного похищения человека последствиям носит умышленный характер, действия лица должны квалифицироваться по совокупности преступлений (ст. 126 УК РФ и статья, предусматривающая ответственность в соответствии с объектом посягательства). Лишь сочетание прямого умысла на похищение человека с неосторожностью в отношении причинения смерти либо тяжких последствий похищенному позволяет квалифицировать деяние по п. «в» ч. 3 ст. 126 УК РФ. Точное установление психического отношения лица к похищению человека и наступившим неосторожным последствиям имеет большое значение для правильной уголовно-правовой оценки совершенного деяния, для индивидуализации ответственности и наказания и соответственно соблюдения принципов отправления правосудия.

Субъективная сторона незаконного лишения свободы, также как и похищения человека, характеризуется прямым умыслом, т.е. лицо осознает, что незаконно удерживает другое лицо, ограничивая его физическую свободу, и желает этого. Вместе с тем следует отметить, что субъективная сторона рассматриваемых преступлений совпадает только по форме, а ее содержание носит иной характер.

Так, в отличие от незаконного лишения свободы, при насильственном похищении человека виновный осознает не только то, что лишает физической свободы другое лицо, но и другие признаки, входящие в объективную сторону похищения человека. При этом мотивы и цели совершения указанных преступлений могут совпадать и быть различными. Так, авторы одного из комментариев к Уголовному кодексу РФ⁶ считают, что в качестве мотивов совершения незаконного лишения свободы могут выступать месть, ревность, хулиганские побуждения, способствование совершению другого преступления, лишение потерпевшего возможности участвовать в каких-либо служебных и общественных делах, срыв деловых переговоров. Следует обратить внимание на отсутствие в указанном перечне корыстного мотива.

¹ Бойко Н.В. Ответственность за незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1989. – С. 19.

² Курс уголовного права: в 5 т. Т. 3 / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. – М., 2002. – С. 220.

³ Уголовное право России. Особенная часть / под ред. А.И. Рапога. – М., 1996.

⁴ См.: Там же. – С. 61.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. Ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – М., 1999. – С. 283.

⁶ Там же. – С. 288.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ «ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ»

Н.В. Ткачева,

*кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики ЮУрГУ*

Заключение под стражу – самая строгая мера пресечения, связанная с лишением человека свободы, необходимостью подчиняться суровым требованиям режима в местах заключения и с определенными правоограничениями. И все же заключение под стражу до сих пор остается одной из самых распространенных мер пресечения.

До вступления в силу ст. 22 Конституции РФ, допускающей аресты только по разрешению суда, Законом РФ от 23 мая 1992 г. был введен судебный контроль за законностью и обоснованностью ареста как меры пресечения, применяемой дознавателем или следователем и санкционируемой прокурором.

Закон допустил принесение в суд жалоб на незаконность и необоснованность ареста, в частности при продлении прокурором его срока. Право подачи жалобы принадлежало арестованному подозреваемому или обвиняемому, его защитнику или законному представителю. Судом проверялось не только соблюдение формальных (процессуальных) условий ареста, но и достаточность фактических оснований для применения этой меры пресечения (степень доказанности указанных оснований, характеристика личности обвиняемого, состояние его здоровья, вероятность уклонения от следствия и суда и др.).

Дознаватель, следователь, прокурор были обязаны представить в суд материалы, подтверждающие законность и обоснованность ареста, необходимость продления его срока, а если считали нужным, то и свои объяснения по данному поводу.

Однако этот институт был отменен в связи с тем, что УПК РФ 2001 г. ввел судебный порядок выдачи решений на право применения заключения под стражу.

Законность заключения под стражу состоит в соблюдении установленной законом процедуры применения этой меры пресечения, а его обоснованность – в требовании подвергать человека аресту только при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ.

Основания и порядок заключения под стражу обвиняемого и подозреваемого определяются статьями 97, 99, 108 и 109 УПК РФ, из которых следует, что данная мера пресечения применяется, по общему правилу, к лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступлений, за которые может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет, при наличии достаточных оснований полагать, что это лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда, может продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу¹.

Заключение под стражу допускается лишь при невозможности применения другой, более мягкой меры пресечения. Невозможность следует понимать как недостаточность других мер пресечения для достижения поставленных целей.

Заключение под стражу применяется в отношении лиц, обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание на срок свыше двух лет лишения свободы. Однако закон допускает исключения из этого правила, перечень которых является исчерпывающим (п. 1–4 ч. 1 ст. 108 УПК РФ). В частности, к этим исключениям относятся случаи, когда личность обвиняемого не установлена. Следует однако иметь в виду, что нельзя привлечь лицо в качестве обвиняемого, если его личность неизвестна. Поэтому не может быть заключен под стражу обвиняемый (подозреваемый), данные о личности которого отсутствуют.

Пленум Верховного Суда РФ добавляет к указанным в п. 1–4 ст. 108 УПК РФ исключениям сведения о том, что обвиняемый «может скрыться от следствия и суда, фальсифицировать доказательства, оказать давление на потерпевшего, свидетелей и т.п.»² Однако это – конкретизация общих оснований применения данной меры пресечения, рассчитанных на

случаи, когда обвиняемому грозит наказание не более двух лет лишения свободы.

По общему правилу, несовершеннолетний обвиняемый (подозреваемый) может быть заключен под стражу, если он обвиняется (подозревается) в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. Закон допускает, но не называет исключения из этого правила, оставляя решение данного вопроса на усмотрение следователя, дознавателя, прокурора, суда. К исключениям можно отнести случаи, когда несовершеннолетний связан с преступной средой, употребляет наркотики, бродяжничает, имеет судимости за совершение однородных преступлений.

Закон не указывает, какие материалы, обосновывающие заключение под стражу, должны быть приложены к ходатайству. Представляется, что это протокол задержания (если оно производилось), постановление о привлечении лица к участию в деле в качестве обвиняемого, протоколы допросов подозреваемого и обвиняемого и доказательства, подтверждающие наличие оснований для задержания, указанные в ст. 97 УПК РФ. Могут быть представлены надлежащим образом оформленные копии других процессуальных документов. Судья может потребовать предоставления и других материалов, подтверждающих необходимость избрания данной меры пресечения, и подлинных процессуальных актов.

Требование закона о рассмотрении ходатайства и приложенных к нему материалов в течение восьми часов с момента поступления материалов относится и к тем случаям, когда судья продлил срок задержания до пяти суток и требуется повторное к нему обращение.

Ходатайство рассматривается судьей районного (городского) суда даже в тех случаях, когда уголовное дело подсудно областному и равному ему по компетенции суду.

Закон не допускает специализацию судей, которые рассматривали бы только ходатайства о заключении обвиняемых под стражу. Такие ходатайства рассматривают судьи районного суда поочередно.

Обвиняемый и подозреваемый имеют право участвовать в рассмотрении ходатайства судьей, однако от реализации этого права они могут отказаться. Судебное решение о заключении обвиняемого под стражу в отсутствие последнего может быть принято лишь в случае, когда объявлен его международный розыск. Защитник может участвовать в рас-

смотрении ходатайства, если он участвует в деле. Право участия в рассмотрении ходатайства имеет также законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого (подозреваемого).

Рассмотрение ходатайства судьей производится в состязательной форме: сначала обосновывает ходатайство прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, ссылаясь при этом на представленные в суд материалы; затем заслушиваются участники процесса со стороны защиты, которые могут при этом представлять материалы (доказательства), опровергающие доводы прокурора (следователя, дознавателя).

Если судья вынес решение о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу, то он должен указать конкретные фактические обстоятельства, на основе которых принято такое решение. Требование конкретности означает, что решение суда должно основываться на установленных по делу конкретных фактах, а не на абстрактных рассуждениях и домыслах. Однако «фактические обстоятельства», обосновывающие постановление судьи о заключении подозреваемого или обвиняемого под стражу, – это не сами доказательства (ссылка на них была бы преждевременной), а установленные на их основании факты.

Рассмотрев ходатайство об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу, судья вправе по собственной инициативе избрать более мягкую меру пресечения в виде залога или домашнего ареста, если имеются основания для избрания меры пресечения и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ (тяжесть предъявленного обвинения, данные о личности обвиняемого и др.). Тяжесть преступления сама по себе не может служить основанием для избрания меры пресечения.

Рассмотрев ходатайство, судья выносит одно из следующих постановлений:

- 1) об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 2) об отказе в удовлетворении ходатайства;
- 3) о продлении срока задержания.

Продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для

представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания.

Если кассационная инстанция отменила постановление судьи о заключении обвиняемого под стражу, то это решение приводится в исполнение немедленно прямо в зале суда или в следственном изоляторе, где содержится обвиняемый, в случаях, когда он не участвовал в рассмотрении его дела судом второй инстанции.

Если подозреваемый или обвиняемый своевременно не доставлен в суд для участия в рассмотрении ходатайства следственных органов о заключении его под стражу и истек 48-часовой срок содержания под стражей, суд освобождает его из-под стражи³.

Если по истечении 72 часов после отложения рассмотрения ходатайства дополнительные доказательства, обосновывающие необходимость заключения под стражу, представлены не будут, подозреваемый подлежит немедленному освобождению по постановлению судьи.

Повторное обращение с ходатайством допускается лишь при условии, что собраны новые доказательства, указывающие на наличие оснований для избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Заключение под стражу подсудимого допускается по ходатайству какого-либо участника процесса со стороны обвинения. Принятие такого решения по инициативе суда не согласуется с выполняемой им функцией осуществления правосудия и принципом состязательности уголовного судопроизводства (ст. 123 Конституции РФ).

При обжаловании постановления судьи о заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу или об отказе в этом судья кассационной инстанции единолично проводит официальное судебное заседание, в котором вправе участвовать и давать объяснения прокурор, потерпевший, обвиняемый (подозреваемый) или его защитник, а также другие участники процесса, интересы которых затрагивает обжалуемое постановление (по аналогии применяются ст. 376, 377 УПК РФ).

Уведомление родственников обвиняемого (подозреваемого) о самом факте заключения под стражу, месте содержания под стра-

жей, а в дальнейшем – об изменении этого места должно быть немедленным. С разрешения лица, в производстве которого находится уголовное дело, обвиняемый (подозреваемый) сам может уведомить своих родственников об аресте. То же лицо может позволить обвиняемому (подозреваемому) уведомить об аресте не только родственников, но и других близких ему лиц, а также администрацию учреждения или предприятия, где работает заключенный под стражу.

Постановление судьи об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу может быть вынесено и в ходе предварительного слушания, причем не только по ходатайству стороны, но и по собственной инициативе судьи. Такое же решение может быть принято в ходе судебного разбирательства.

Использование для защиты прав и законных интересов подозреваемых и обвиняемых, в отношении которых в качестве меры пресечения применяется заключение под стражу, судебных механизмов, основанных на конституционных принципах равенства всех перед законом и судом, справедливости, состязательности и равноправия сторон, обеспечивает режим правовой определенности.

Установленные законом сроки содержания обвиняемого под стражей – важная гарантия прав человека, подвергнутого уголовному преследованию. Эти сроки, с одной стороны, должны быть достаточными для успешного проведения расследования и рассмотрения дела в суде, а с другой стороны, они не должны допускать излишне длительного содержания обвиняемого под стражей, т.е. превращения меры пресечения в пытку – способ добытия признаний. При продлении сроков содержания под стражей необходимо проверять, сохраняются ли предусмотренные законом основания применения мер пресечения, и каждый раз решать вопрос о возможности замены данной меры пресечения на более мягкую или ее отмены с учетом тяжести совершенного преступления, состояния здоровья обвиняемого, его семейного положения, вероятности сокрытия от следствия и суда и других обстоятельств.

Базовый срок содержания обвиняемого под стражей – два месяца. В случае невозможности закончить расследование в этот срок допускается его продление районным судьей до шести месяцев (ст. 109 УПК РФ). Ходатайство о продлении срока ареста долж-

но быть представлено в суд за семь суток до истечения этого срока.

Обвиняемый, которому материалы окончательного расследования уголовного дела переданы для ознакомления позднее чем за месяц до истечения предельного срока содержания под стражей (18 месяцев), подлежит немедленному освобождению по истечении данного срока. При этом может быть избрана другая, более мягкая мера пресечения, и обвиняемый, как и защитник, может продолжить ознакомление с материалами дела без ограничения во времени.

В соответствии с ч. 2 ст. 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. И хотя указанное постановление Конституционного Суда РФ касается уже не действующего кодекса, оно содержит идею о недопустимости устранения предельных сроков содержания обвиняемого под стражей, которая в УПК РФ не нашла отражения. Поэтому ч. 7 ст. 109 УПК, на наш взгляд, не соответствует Конституции РФ.

Кодекс допускает не ограниченное каким-либо временем содержание обвиняемых под стражей, если хотя бы один из них не успел ознакомиться с уголовным делом в течение отведенного ему 30-дневного срока. Таким образом, остальные обвиняемые претерпевают лишения, связанные с неограниченным по времени заключением под стражу, не «по своей вине», поскольку они завершили ознакомление с материалами дела в отведенный им срок. Заключение под стражу одних обвиняемых нельзя ставить в зависимость от поведения других обвиняемых. Упомянутое выше постановление Конституционного Суда РФ по делу В.В. Щелухина распространяется и на эти случаи.

Не отменяя изложенных выше положений о беспредельном сроке содержания обвиняемого под стражей при ознакомлении с делом, законодатель дополнил УПК РФ правилом, сводящим на нет эти положения. В новой редакции ч. 3 ст. 217 УПК РФ говорится, что следователь с санкции суда может установить определенный срок для ознакомления обвиняемого и защитника с материалами дела, если они явно затягивают ознакомление. Если эти лица без уважительных причин не уложились в указанный срок, то следователь пре-

кращает ознакомление и, по смыслу закона, направляет дело в суд. Понятно, что следователь будет устанавливать такие сроки для ознакомления с делом, которые позволят ему не выйти за пределы установленного законом срока содержания обвиняемого под стражей (18 месяцев). Но беспредельное содержание обвиняемого под стражей при ознакомлении с делом не отменяется.

Установление графиков ознакомления обвиняемого и защитника с делом ограничивает право обвиняемого на защиту. В этих условиях исключаются глубокое и тщательное изучение материалов дела стороной защиты, возможность делать выписки из процессуальных актов и со знанием дела выступать в суде. Взаимоотношения защиты со следователем приобретают конфликтный характер, адвокат оказывается не готовым к участию в судебном разбирательстве. Установление сроков изучения дела на предварительном следствии вряд ли относится к юрисдикции суда.

Срок содержания обвиняемого под стражей определяется с учетом времени задержания, домашнего ареста и помещения обвиняемого на экспертизу в медицинское учреждение, если таковые предшествовали заключению под стражу.

При повторном заключении обвиняемого (подозреваемого) под стражу, соединении и выделении уголовных дел учитывается время, в течение которого он содержался под стражей ранее.

Рассмотрение судом ходатайства о продлении срока содержания под стражей допускается в отсутствие обвиняемого, если он находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, а также при наличии иных обстоятельств, исключающих возможность его доставления в суд. Закон не раскрывает содержание понятия «иные обстоятельства», что делает эту формулировку неопределенной.

Арест чаще всего производится неожиданно как для самого обвиняемого (подозреваемого), так и для членов его семьи. Понятно, что последним будет причинен значительный моральный урон при внезапном исчезновении близкого им человека и полной неосведомленности о месте его нахождения. Поэтому должностное лицо, заключившее человека под стражу в связи с производством расследования по уголовному делу, обязано поставить в известность о произведенном аресте кого-либо из членов семьи арестованного.

Достаточно уведомить одного взрослого члена семьи арестованного, проживающего с ним совместно. Если арестованный жил отдельно, то уведомление должно быть направлено кому-либо из его близких родственников. Желательно спросить у арестованного, кому именно из его родственников следует сообщить об аресте. При отсутствии родственников могут быть уведомлены по просьбе обвиняемого другие близкие ему лица. Не исключено уведомление об аресте нескольких лиц, если обвиняемый об этом просит (ч. 11 ст. 108, ст. 96, ч. 3 ст. 423 УПК РФ).

Кроме того, необходимо сообщить об аресте обвиняемого руководителю предприятия, учреждения, организации, где он работает или учится, а если обвиняемый военнослужащий – то соответствующему военному командованию.

Закон обязывает орган дознания, следователя и суд принять меры попечения о несовершеннолетних детях, остающихся без надзора, и имуществе заключенного под стражу. Эта гарантия распространяется и на подозреваемого, если он заключен под стражу. В законе говорится о детях, состоящих не только в кровном родстве. Дети в возрасте до трех лет могут быть оставлены при родителе, заключенном под стражу. Этот вопрос необходимо решать с учетом волеизъявления родителей и возможности передачи ребенка на воспитание кому-либо из родственников.

Необходимо передавать на попечение лиц, находившихся на иждивении обвиняемого до его ареста, – престарелых родителей и других родственников, тяжелобольных, лиц, находящихся в беспомощном состоянии.

В уголовно-процессуальном законе говорится о передаче детей на попечение не в том смысле, в каком это понятие употребляется в семейном праве. Речь идет о временном присмотре за ребенком на период действия меры пресечения. Не исключено, что обвиняемый будет судом оправдан, и тогда опека (попечительство) станет ненужной.

Жилище арестованного лица, оставшееся без присмотра, следователь опечатывает и запирает до приведения приговора в исполнение. Имущество обвиняемого, если на него не наложен арест, следователь передает лицам, указанным обвиняемым. Если обвиняемый не указал лиц, которым надо передать имущество, следователь вправе сдать его в ломбард, на склад, в другое государственное учреждение.

Следователь вправе поручить наблюдение за сохранностью жилища арестованного органам милиции. Ответственность за повреждение жилища или пропажу находившихся в нем ценных вещей несет государство. Вопрос о возмещении ущерба решается в порядке гражданского судопроизводства.

Государству обременительно содержать под стражей большое количество подозреваемых, обвиняемых и подсудимых, число которых составляло 203 тыс. человек на 1 марта 2002 г. Количество больных активной формой туберкулеза на указанный период составляло 10 тыс. человек, ВИЧ-инфицированных – около 8 тыс. человек. Все они подозреваемые и обвиняемые, которых необходимо кормить, лечить, охранять, содержать и т.д. Государство тратит на это в среднем 206 млн. руб. в год⁴. Следственные изоляторы в России переполнены. Естественно, что при такой ситуации грубо нарушаются элементарные нормы содержания лиц в следственных изоляторах.

Наша страна занимает одно из первых мест в мире по относительному количеству заключенных. К примеру, в таких странах, как Финляндия, Норвегия, Швеция, Ирландия, Дания, 50 заключенных на сто тысяч населения. По данным ГУИН РФ, каждому четвертому необоснованно избрана мера пресечения, что составляет ущерб, причиненный государству, в размере 206 миллионов рублей в год⁵.

Помимо переполненности СИЗО неэффективность заключения под стражу обеспечивают разгильдяйство и коррупция персонала. Периодически в СМИ сообщается, что в том или ином учреждении находящиеся на воле сообщники за взятку организовали сходку прямо в стенах СИЗО. О фактах передачи подследственным мобильных телефонов, о переброске писем по тюремной почте и говорить не приходится. Для достижения целей применения меры пресечения необходимо наведение порядка и исполнительской дисциплины.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного рас-

следования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 4) // Российская газета. – 2004. – 25 марта.

³ Там же (п. 5).

⁴ Трунова Л.К. Залог как мера пресечения в УПК Российской Федерации // Юрист. – 2002. – № 12.

⁵ Трунова Л.К. Современные аспекты применения мер пресечения в Российской Федерации // Российский судья. – 2002. – № 9.

Проблемы и вопросы гражданского права

ВИНДИКАЦИОННЫЙ ИСК: ПРОБЛЕМЫ ЭЛЕМЕНТНОГО СОСТАВА

А.А. Новоселова, доцент кафедры гражданского права и процесса ЮУрГУ

Т.П. Подшивалов, юрисконсульт ООО «КОМТЕХ – Челябинск»

Иск об истребовании имущества из чужого незаконного владения является важнейшим из способов защиты вещных прав. Формально виндикационный иск состоит из элементов, которые в совокупности необходимы для истребования вещи из чужого незаконного владения. В доктрине гражданского права выделяют следующие элементы: стороны, предмет иска, основание иска. При этом в случае отсутствия хотя бы одного из указанных элементов предъявление виндикационного иска невозможно.

1. Стороны. Право на предъявление виндикационного иска принадлежит собственнику, утратившему владение вещью. Однако наряду с ним право виндицировать вещь в соответствии со ст. 305 ГК РФ принадлежит также лицу, владеющему ею на основании, предусмотренном законом или договором, – титульному владельцу. Вопрос о природе исков титульных владельцев носит спорный характер. Предоставление титульному владельцу возможности предъявления виндикационного иска, по мнению Л.Г. Ефимовой, является еще одним подтверждением тенденции сближения вещных и обязательственных отношений, проникновения вещных элементов в обязательственные правоотношения¹. Если придерживаться строгого разграничения вещных и обязательственных отношений, то титульное владение, основанное на договоре, вообще осталось бы без защиты от любых неправомерных посягательств со стороны третьих лиц.

При этом титульные (законные) владельцы, владеющие чужой вещью в силу закона или договора, могут защищать свое право владения имуществом даже против собственника.

Это положение теоретически объясняется тем, что отношения собственника и ти-

тульного владельца протекают в рамках двух самостоятельных правоотношений – вещного и обязательственного. Право титульного владельца в отношении вещи в период действия договора не является обязательственным, так как он способен осуществлять владение и пользование этой вещью без каких-либо активных действий со стороны собственника. Нарушить право титульного владельца может каждый (в том числе и собственник), чем и объясняется применение вещно-правовых средств защиты в случае его нарушения. Следовательно, отношения между титульным владельцем и собственником представляют собой существующее самостоятельно по отношению друг к другу обязательственное правоотношение (складывающееся между титульным владельцем и собственником) и вещное правоотношение (складывающееся между титульным владельцем и третьими лицами, включая собственника вещи).

Кроме того, защита против неправомерного завладения вещью обеспечивается и давностному владельцу. Обособление от других потенциальных истцов (титульных владельцев и собственников) обусловлено тем, что до истечения соответствующего срока указанное лицо не может считаться титульным владельцем вещи, так как его владение не опирается на правовое основание. Однако такое владение не является и юридически безразличным фактом, ибо при определенных условиях (добросовестность, открытость, непрерывность владения) и по истечении установленных законом сроков фактический владелец вещи может стать ее собственником. Поэтому в случае посягательства на вещь со стороны третьих лиц, не имеющих права на владение ею, давностный владелец на основании п. 2 ст. 234 ГК РФ может добиваться восстановления своего владения.

Таким образом, истцом может быть только лицо, обладающее титулом на владение, т.е. законный владделец вещи. При этом титул может иметь как вещный характер, так и обязательственный.

Ответчиком по виндикационному иску является лицо, фактически, но незаконно владеющее вещью на момент предъявления иска, его фактический незаконный владделец, т.е. лицо, которое, не имея законного основания (титула), удерживает вещь в своей имущественной сфере или владеет им по порочному основанию, не охраняемому законом.

В том случае, если незаконно владеющее лицо к моменту предъявления иска передало вещь другому лицу, то иск должен быть предъявлен к тому лицу, у которого фактически эта вещь находится. При том такой владделец должен быть признан судом незаконным.

2. Предмет иска. Вопрос о том, что является предметом виндикационного иска, не находит в юридической литературе однозначного ответа. В частности, можно встретить мнение, что предмет иска составляет та вещь, которая находится у незаконного владельца². Эта позиция не выдерживает критики, так как происходит замена требования тем, по поводу чего возникает спор (вещью). На наш взгляд, верна точка зрения Ю.К. Толстого, который разграничивал предмет виндикационного иска (исковые требования) и предмет спора по виндикационному иску (индивидуально определенная вещь)³. Представляется, что выделение предмета спора по иску является правомерным, так как предъявление виндикационного иска возможно только до того момента, пока существует спорная вещь, которую и просит вернуть ему истец.

Ю.К. Толстой считает, что предметом виндикационного иска является «требование о признании истца собственником или иным законным владельцем истребуемой вещи и о возвращении вещи истцу»⁴. Представляется, что данная позиция является верной лишь в части, в которой говорится о предмете иска как об истребовании вещи. Право собственности истца составляет предмет доказывания. Истец не утрачивает своего права на вещь, он лишь не может его осуществить. Сама по себе невозможность господствовать над своей вещью не влечет потерю права на эту вещь. В отличие от виндикационного иска, в иске о признании права собственности предметом

как раз и будет являться требование о признании истца собственником.

Таким образом, предметом рассматриваемого иска будут являться требования об истребовании вещи из незаконного владения (1) и о возврате ее истцу (2). Такое разделение единого предмета иска на два взаимосвязанных требования обусловлено тем, что его целью является восстановление фактического владения, которое достигается путем выполнения двухсоставного действия (изъятие и передача).

3. Основание иска – это совокупность фактических и юридических обстоятельств, с которыми истец связывает свое требование к ответчику и просит о защите своего права. В совокупности указанные обстоятельства подтверждают право истца на спорную вещь и возможность ее истребования по виндикационному иску.

Как было справедливо указано А.П. Сергеевым, фактическое основание состоит из следующего: обстоятельства выбытия имущества из обладания истца (1), условия поступления имущества к ответчику (2), наличие спорного имущества в натуре (3), отсутствие договорных связей по поводу спорной вещи между истцом и ответчиком (4). Юридическое основание заключается в том правовом титуле, на основании которого истец обладал спорной вещью⁵.

В науке нет единого мнения относительно фактического основания возникновения виндикационного требования, т.е. того, что необходимо считать нарушением вещного права. Некоторые авторы связывают его с моментом выбытия вещи из фактического владения истца. Д.М. Генкин считает, что им является незаконное завладение имуществом⁶, а Д.О. Тузов – возникновение незаконного владения на стороне ответчика⁷. Представляется, что верна последняя точка зрения: завладение требует активности и направленности воли, что не всегда имеет место. Само по себе выбытие вещи из владения не означает нарушение вещного права, так как вещь может оказаться вне чьего-либо владения, в связи с чем не возникнет и права на ее истребование.

Существует несколько точек зрения относительно юридического основания, на которое опирается истец в своих исковых требованиях. Указанная неопределенность вызвана различиями в правовом положении лиц,

которые могут являться истцами по виндикационному иску: собственник, титульный владелец, давностный владелец. Соответственно либо у каждого из них самостоятельное основание, либо есть общее для всех основание, не допускающее исключений.

Так, Ю.К. Толстой указывает, что все различия между иском собственника к третьему лицу о возврате вещи в натуре и аналогичным иском титульного владельца состоят в том, что иск собственника основан на праве собственности, тогда как вещный иск титульного владельца – на праве владения. Следовательно, в связи с тем, что правом на иск обладают несколько категорий лиц, общим юридическим основанием будет являться наличие у истца права на владение истребуемой вещью⁸. Именно право владения, считает Ю.К. Толстой, легитимирует и собственника, и всех титульных владельцев на истребование вещи из чужого незаконного владения. При этом необходимо различать право владения как юридически обеспеченную возможность и реальное осуществление этого права. А так же важно учитывать, что иск об истребовании вещи, основанный на праве владения, нельзя квалифицировать как владельческий иск, так как на предъявление иска истца легитимирует не только факт нарушения владения, но и право владения⁹.

Вышеуказанная точка зрения зачастую критикуется в связи с тем, что в российском гражданском праве отсутствует обособленное право владения, а есть лишь правомочие владения, входящее в состав различных субъективных прав. По мнению А.В. Венедиктова, основанием, обуславливающим предъявление виндикационного иска, является не право владения, а «то право, в силу которого истец обладает правомочием владения»¹⁰. Поэтому, предъявляя виндикационное требование, истец должен доказать, что правовая возможность истребовать вещь основывается на конкретном субъективном праве, например, праве собственности, праве нанимателя, праве залогодержателя и т.д. Единственное исключение в этом плане составляет иск давностного владельца имущества, который не опирается на конкретное субъективное право и направлен на защиту фактического владения как такового. Следовательно, данная позиция обосновывает отсутствие единого юридического основания иска¹¹.

Своими недостатками обладает и вторая точка зрения. Она не учитывает того, что невозможно ограничиться только перечислением лиц, имеющих право на иск и соответствующих оснований, поскольку в таком случае отпадает необходимость в определении юридической части основания иска, а как уже отмечалось выше, отсутствие или порок хотя бы одного из элементов иска влечет невозможность его предъявления. Следовательно, необходимо выявить общее юридическое основание, которое легитимирует всех этих лиц на предъявление виндикационного иска. Таким общим основанием как раз и будет являться наличие у всех этих лиц права на владение. При этом, поскольку речь идет о праве, само собой разумеется, что владение истца опирается на тот или иной титул.

Необходимо отметить, что в любом случае истцу необходимо доказать законность обладания правомочием владения, поэтому истец должен сослаться на конкретное субъективное право. Нельзя смешивать взаимосвязанные, но разные категории: юридическое основание и предмет доказывания. Поэтому в абстрактно-материальном смысле юридическим основанием является владение, а в конкретном споре истец доказывает законность владения, которое основывается на конкретном субъективном праве. Это вопрос соотношения абстрактного и конкретного.

Рассмотрев структуру виндикационного иска, мы хотим отметить, что авторами не ставилась задача определения и разрешения всех проблем, связанных с виндикацией. Учитывая их многогранность, следует согласиться с А.П. Сергеевым, указывающим, что «правила виндикации представляют большой теоретический и практический интерес, выходящий далеко за рамки рассматриваемого

¹ Ефимова Л.Г. О соотношении вещных и обязательственных прав // Государство и право. – 1998. – № 10. – С. 38.

² Донцов С.Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. – М., 1980. – С. 94; Гражданское право / под ред. А.И. Калпина, А.И. Масляева. – М., 1997. – С. 337 и др.

³ Толстой Ю.К. Содержание и гражданско-правовая защита права собственности в СССР. – Л., 1955. – С. 102.

⁴ Там же.

⁵ Сергеев А.П. Вопросы истребования имущества из чужого незаконного владения // Проблемы гражданского права. – Л., 1987. – С. 104–105.

⁶ Генкин Д.М. Право собственности в СССР. – М., 1961. – С. 193, 202.

⁷ Тузов Д.О. Реституция и виндикация: проблемы соотношения // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 3. – С. 122.

⁸ Такой же позиции придерживаются и другие авторы: Самойлова М.В. Понятие, осуществление и защита права личной собственности. – Калинин, 1978. – С. 61; Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов, 1973. – С. 415.

⁹ Толстой Ю.К. Указ. соч. – С. 99–101.

¹⁰ Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР. – М.; Л., 1954. – С. 110.

¹¹ Данной точки зрения придерживается А.П. Сергеев: Гражданское право / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. – М., 2004. – Т. 1. – С. 556.

ОБ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРИРОДЕ ДЕНЕГ И ИХ ВИДОВ

Д.В. Филатова,

аспирант кафедры гражданского права и процесса ЮУрГУ

В развитии российской, да и мировой цивилистической мысли виднейшие исследователи не раз обращались к определению правовой природы денег как средства платежа, материального блага, объекта права, но никакое исследование проблематики денег не может дать исчерпывающего и окончательного ответа.

Выбор автором указанной темы объясняется ее актуальностью, ибо на сегодняшний день вещное понимание денег, заложенное законодателем в ст. 128 ГК РФ, по мнению многих ученых¹, уже устарело, так как не соответствует роли денег в хозяйственном обороте и не вмещает в себя все объективно существующие их формы.

Сложность рассматриваемого вопроса объясняется тем, что общественные отношения, складывающиеся по поводу денег, входят в предмет исследования одновременно наук гражданского, финансового права и экономической науки, что требует исследования подходов, сложившихся в рамках каждой из указанных наук.

Разработкой проблем определения правовой природы, понятия, свойств, места денег в системе объектов гражданского права занимались многие ученые (историки, экономисты, юристы) в рамках различных правовых систем. В англо-американском праве указанной проблематике посвятили свои труды Э. Дженкс, Ф. Хайек. Во французском праве деньги представляют собой имущество, но в зависимости от формы своего существования они проходят путь от материализации к дематериализации (по терминологии Р. Саватье²), т.е. из состояния телесного имущества (*biens corporels*) в состояние бестелесного имущества (*biens incorporels*). Среди российских цивилистов, посвятивших свои труды исследованию проблемных вопросов денег, можно отметить Цитовича, Литовченко, Шершеневича, Эльяссона, Агаркова³. В отечественной науке гражданского права особо следует отметить основные труды проф. Лунца: «Деньги и денежные обязательства. Юридическое исследование (1927 г.)» и «Денежное обязательство

в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран» (1948 г.)⁴ Безусловную ценность составляют так же труды Л.А. Новоселовой и Д.Г. Лаврова. Не вдаваясь в детальный анализ всех точек зрения на понятие и правовую природу денег, подчеркнем лишь несколько выводов, которые кажутся нам наиболее важными в свете нашего исследования.

1. Приходится критиковать чисто функциональный подход к пониманию денег, сложившийся в экономической науке, ибо «понятие как раз является способом не отождествлять вещь и ее функцию»⁵.

2. Нельзя говорить о правовой природе денег вообще, можно обсуждать лишь правовую природу и соответствующий ей правовой режим конкретного вида имущественных благ, который выполняет функции денег.

3. Гражданское законодательство и традиционная правовая доктрина определяют деньги как заменимые, потребляемые, делимые, обладающие свойством абсолютной полезности, определяемые родовыми признаками вещи. Представляется, что такое понимание денег, искусственно содержательно сужает рассматриваемый объект гражданских прав, сводя, как нам кажется, более объемное понятие денег к наличным деньгам как их разновидности. К тому же действующий ГК РФ, несмотря на отнесение в ст. 128 ГК РФ денег к вещам, указывая в п. 1 ст. 140, что «платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов», уже подразумевает существование денег в безналичной их форме, не сводимой к вещам. На наш взгляд, правовая природа безналичных денег вытекает из договора банковского счета и кроется в денежном праве требования к банку, т.е. носит обязательственный характер, а перевод безналичных денег со счета на счет в отношениях с третьими лицами осуществляется по правилам, применяемым для передачи наличных денег (ст. 316, 317 ГК РФ), правда с особенностями, кроющимися в отсутствии фактической передачи вещи (вручения) другому лицу.

Проблемы и вопросы гражданского права

Таким образом, безналичные деньги характеризуются двойственной вещно-обязательственной природой.

4. На основе детального анализа действующего российского законодательства мы не соглашаемся с позицией Л.А. Новоселовой, отрицающей силу законного средства платежа за безналичными деньгами, а обращаем внимание на действующую редакцию ст. 29 Федерального закона О Центральном Банке РФ (Банке России): «Банкноты (банковские билеты) и монета Банка России являются единственным законным средством наличного платежа на территории Российской Федерации». При этом ни эта, ни другие статьи указанного закона, да и других законов не содержат запрета считать денежные средства (безналичные деньги), выраженные в официальных денежных единицах, как того требует ст. 27 вышеуказанного закона, законными средствами безналичного платежа. Возможно, этот вывод необходимо закрепить в законе, хотя, по нашему мнению, с учетом диспозитивного метода правового регулирования гражданско-правовых отношений, к которым относятся и денежные обязательства, существующая редакция не содержит запрета рассматривать безналичные деньги законным средством платежа, если стороны в договоре определили безналичный порядок расчетов.

Учитывая все вышеуказанное и предложенное Хартманном философское понимание денег как «материи, которая обладает правовым свойством быть возможно последним

принудительным средством исполнения обязательств»⁶, включающей материальные вещи (наличные деньги), но не сводимой к ним, мы предлагаем сформулировать «имущественное» понимание денег как объекта гражданских прав, что потребует внесения изменений в ст. 128 ГК РФ, касающихся отнесения денег напрямую к имуществу, а не к вещам в системе объектов гражданских прав как самостоятельного имущественного блага.

Таким образом, предложенное нами «имущественное» понимание денег позволяет признать их родовым понятием для существующих их видов: наличных и безналичных денег.

¹ См.: Генкин А.С. Частные деньги: история и современность. – М., 2002. Лапач В.А. Деньги в системе объектов гражданских прав // Законодательство. – 2004. – № 9.

² См.: Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк. – М., 1972. – С. 90, 140.

³ См.: Эльяссон Л.С. Деньги, банки и банковские операции. – М., 1926. – С. 368; Агарков М.М. Основы банковского права: курс лекций. – М., 1994. – С. 65.

⁴ См.: Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. – М., 1999.

⁵ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. – М., 2003. – С. 113.

⁶ Лапач В.А. Деньги в системе объектов гражданских прав // Законодательство. – 2004. – № 9.

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

УКРУПНЕНИЕ РЕГИОНОВ КАК УСЛОВИЕ И СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ, БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ

А.Н. Галкин,

аспирант кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ

В очередном ежегодном выступлении В.В. Путин отметил, что процесс объединения субъектов федерации – это положительная тенденция. При этом важно не превратить этот процесс в очередную политическую кампанию. «Субъекты объединяются не ради самого объединения, а ради оптимизации управления, более эффективной социально-экономической политики, а в конечном счете ради роста благосостояния людей».

Российская Федерация – сложносоставное государство, имеющее в своем составе согласно ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 65 Конституции РФ шесть разновидностей субъектов федерации: края, области, города федерального значения, республики, автономные округа и автономные области. Конституционные нормы не препятствуют как преобразованию, так и образованию новых субъектов Федерации, а равно и сокращению их количества. В настоящее время все чаще поднимается вопрос об объединении тех или иных субъектов, проводятся референдумы. По мнению специалистов, в итоге в России может остаться всего 45–55 субъектов, большинство которых поменяет свой размер и название. Развитие федеральных отношений в России показывает, что идея образования новых субъектов путем укрупнения существующих не надумана. Интеграция субъектов федерации – это серьезная задача на современном этапе развития российской государственности. Историческая, географическая, природно-ресурсная, демографически-языковая общность, политические, хозяйственные, транспортные, торгово-финансовые связи, общие интересы не могут не вести к интеграции территориально близких субъектов федерации.

Подобные преобразования обсуждаются

довольно давно, но не везде к идее предстоящего объединения на местах подходят с энтузиазмом. Планы объединения часто идут вразрез с амбициями губернатора, крупных финансово-промышленных групп, местных элит. Более того, не всегда они продуманы с политической и социальной точки зрения.

Губернатор Свердловской области Эдуард Россель предложил для улучшения социально-экономического положения в стране объединить Свердловскую, Челябинскую и Курганскую области. Спустя полтора года он кардинально изменил свою точку зрения в данном аспекте. По его мнению, нужно изменить принцип федеративного устройства страны, что заключается в отмене нынешней смешанной системы формирования страны, в состав которой входят как простые области, так и национальные республики с автономными округами. Он утверждает, что Россия должна стать федеративным государством с субъектами, сформированными исключительно по территориальному признаку. Это решит проблему межнациональных конфликтов, поскольку снимет необходимость разделять отношения к согражданам по их национальной принадлежности.

Проблема дробности территориальных единиц имеет два немаловажных аспекта. Во-первых, размеры территориальных единиц непосредственно зависят от географически факторов: местоположения, уровня освоенности, численности и плотности населения и т.д. Несмотря на все различия условий тех или иных субъектов Российской Федерации, существует определенный оптимум численности, ниже которого уже невозможно их стабильное экономическое развитие как самостоятельных территориальных образований.

Поэтому вопрос об укрупнении субъектов федерации требует серьезных экономических, социальных оценок и обоснования.

Во-вторых, укрупнение регионов поможет создать экономически самодостаточные субъекты РФ. Формальное объединение регионов приведет к созданию в стране системы более крупных территориальных экономических и социальных комплексов. Но это решается не мерами просто механического объединения регионов, а совершенствованием налогово-бюджетных взаимоотношений, способствующих успехам в области социально-экономического развития.

Однако еще раз следует подчеркнуть, что в процессе совершенствования субъектного состава РФ следует учитывать весь комплекс вопросов. Объединение субъектов федерации не должно происходить искусственно. Механическое, бесцельное слияние не нужно ни гражданам, ни центру. Вполне может получиться обратный эффект – реорганизация с целью сокращения чиновничьего аппарата в конечном итоге приведет к его увеличению.

Следует отметить, что накануне 1917 года в Царской России на территории современной России было примерно пятьдесят территориальных единиц – губерний и областей. Из них к настоящему времени после всех изменений советского периода тридцать территориально практически совпадают с действующими краями и областями – субъектами РФ. Пятнадцать территориальных составляющих бывшей Российской Империи изменились только по названию в связи с переименованием регионального центра (Вятка, Самара и др.), и в двух территориальных еди-

ницах изменились их центры (Новочеркасск – область Войска Донского – Ростовская область; Тобольская губерния – Тюменская область в составе уже трех субъектов федерации). Дополнительные территориальные образования нынешней России возникли в основном за счет обособления и размельчения национальных образований, и только в ряде случаев – за счет возникновения новых национальных территориальных образований (например, Липецкая, Амурская область и др.).

Поэтому исторический опыт попыток решить те или иные экономические проблемы путем укрупнения и разукрупнения регионов и сегодня призывает к максимальной осторожности при разработке стратегии данного направления реформирования федеральных отношений.

Необходимо помнить, что объединение – это дверь, в которую можно войти, а выйти трудно. Конструкция федерального конституционного закона такова, что не предусматривает легкой отмены решения об объединении.

Следует исходить из того, что для России крайне важен сильный Центр, способный содействовать обеспечению жизнедеятельности всей Федерации и определяющий основные направления развития экономики: энергетику, транспорт, связь, стратегические резервы, а также минимальные стандарты в области образования, здравоохранения, науки и культуры и т.д. Центр обязан обеспечить правовое регулирование и надежно защитить права и свободы человека и гражданина независимо от того, на какой территории России он проживает.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Н.А. Карян,

аспирант кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ

Сегодня Россия переживает сложный этап развития и перемен в политической сфере общественной жизни, поэтому важно сохранить единство и целостность российского государства. Состояние современной российской государственности далеко от идеального, многие вопросы единства и территориальной целостности России остаются нерешенными.

Важной проблемой единства и целостности государства является материально-производственная сфера общества. Конституция РФ 1993 года в ст. 8 и в ст. 71 закрепила основные гарантии государственного единства в сфере экономики. Среди них единое экономическое пространство – это одна из важнейших составляющих единства государственности. Однако обязанности регионов соблюдать единые правила экономического пространства, как и установление соотношения экономической компетенции Федерации и субъектов, в действующих правовых актах пока не определены, и во многом это будет зависеть от принятого в будущем законодательства. Что касается форм собственности, закрепленных Конституцией РФ, то основной целью использования государственной собственности является обеспечение государственного суверенитета посредством выполнения государственных функций¹.

Современная международная экономическая система характеризуется все возрастающей глобализацией, и это явление прежде всего экономическое, а затем уже политическое, но одно следует за другим в силу закономерности. Россия по различным причинам еще далека от экономически развитого государства, но рост отдельных отраслей экономики, безусловно, присутствует.

Не менее важным направлением сохранения единства современного российского государства является социальная сфера. Социальная разобщенность – одно из основных препятствий единства российской государственности. Поэтому «одна из важнейших задач государства не дать конфликтам разрастаться до такой степени, которая приведет к распаду общества»².

С позиции социального единства и целостности государства современное российское общество можно представить двумя типами отношений: отношениями собственности и национальными отношениями. В современных условиях социальной нестабильности российского общества развитие межнациональных конфликтов только усугубляет социальную разобщенность и противодействует единению общества, а это в свою очередь влияет на безопасность как внутреннюю, так и внешнюю.

На сегодняшний день социальная политика направлена на выравнивание уровня жизни в различных регионах страны посредством различных программ как федерального и регионального уровней, так и на уровне муниципалитетов. Так, реализация нацпроектов приносит весьма успешные результаты по различным направлениям, обеспечивая равный доступ различных групп населения.

Среди других проблем единства государства можно выделить проблему государственной идеологии, которая выражала бы в концентрированном виде взгляды и суждения людей по поводу реальной действительности. Статья 13 Конституции РФ 1993 года провозглашает идеологическое многообразие, запрещает установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной. Но внеидеологического политического пространства не существует. Государство, являясь основной структурой политической системы общества, своим существованием создает преобладающие идеологические ориентиры, и это правильно. Если этого не происходит, то государство не может себя защитить и оправдать свое существование. Другое дело, что такая идеология должна быть всеобщая, принятая народом. Поэтому задача государства – выработать важнейшие векторы общественных сил, в рамках которых должны работать государственные органы³.

И все же обеспечить государственное единство сегодня может единая государственная власть. В правовом государстве только власть, отражающая интересы общества, спо-

собна обеспечивать упорядоченность социальных отношений, от которых зависит и из которых во многом складывается государственное единство. Поэтому по мере развития структурных и функциональных принципов обеспечения целостности государства, т.е. федерализма и разделения властей, должна развиваться и укрепляться сильная и дееспособная власть, покрывающая всю страну, огромную по территории и полиэтничную по составу населения. Необходимо исключение ситуации, когда федерализм или разделение властей могли бы поставить под угрозу единство и целостность Российского государства, основу которых всегда составляла единая суверенная власть. Однако в условиях нестабильности сложившихся социальных, экономических, политико-юридических форм и отношений и необходимости адекватного ответа на вызовы современности, угрожающие самим основам государства, на федеральные органы власти налагается особая ответственность защиты всех принципов конституционного строя РФ. Предметы ведения Российской Федерации и предметы совместного ведения органов исполнительной власти в центре и в субъектах РФ образуют единую систему власти и должны работать как целостный соподчиненный единый организм, однако такой системы власти в стране до сих пор не создано.

Государственное единство неразрывно связано с путями, формами, методами обеспечения правового конституционного закрепления гражданского общества над государством и определением форм гражданского самоуправления в Российской Федерации⁴. Только создав прочные правовые предпосылки для активизации гражданского общества, укрепления его прав и свобод, а также целостности, можно достичь подлинное государственное единство, однако до сих пор гражданское общество не до конца сформировано и достаточно уязвимо, что создает проблему единства и целостности государства.

Существенные проблемы российских федеративных отношений вызывают длительное нарушение единства конституционно-правового пространства, послужившего причиной фактического разрушения целостной государственно-правовой системы. В немалой степени такая ситуация стала возможной из-за наличия в Конституции РФ противоречий и пробелов, бланкетных норм, своевременно не подкрепленных соответствующим федераль-

ным законодательством, практики опережающего правового регулирования субъектов РФ в условиях отсутствия четких общегосударственных ориентиров региональной правотворческой политики.

Проблемой обеспечения единства государственной системы Российской Федерации является взаимоотношение между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. И это неизбежно, ведь основы демократии создавались параллельно со становлением гражданского общества.

Вопросы, связанные с федерализмом, являются одними из важнейших для современной России. Среди них особое место отводится таким конституционным аспектам, как асимметрия субъектов, суверенитет, разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и субъектами, федеративные отношения и др. Так, федеративные договоры содержат немало двусмысленностей, которые и стали причинами правовых противоречий современной России, а положения ряда договоров до сих пор остаются спорными.

Большие сложности также возникают в связи с отсутствием единого понимания таких терминов, как «предметы ведения», «полномочия», «компетенция» при разграничении компетенций между Российской Федерацией и ее субъектами, в результате чего в законодательстве происходит подмена понятий, что существенно осложняет процесс реализации права. Безмерное усиление федеративной власти – путь к централизму и унитаризму. Результатом же безграничной самостоятельности регионов может стать ослабление и разрушение государственности, поэтому важно найти «золотую середину» в урегулировании таких отношений.

Государственно-правовая система не заканчивается на уровне субъектов РФ. Муниципальная власть как разновидность публичной власти не может быть выведена из единой системы власти. Ее деятельность должна быть направлена на завершение построения целостной государственно-правовой системы.

Демократическая, процветающая Россия – сильная страна, способная сохранить свою целостность и единство, создать общедоступные системы образования и здравоохранения мирового уровня, сохранить и приумножить свою великую культуру, преодолеть глубокий экологический и демографический кризис, на

равных конкурировать с ведущими странами мира, войти в качестве члена в политические, экономические и оборонные европейские организации. Поэтому столь важным является сохранение единства и целостности современного российского государства.

¹ Гребенников В.В. Правовые основы и перспективы

существования частной собственности в России. – М., 1995. – С. 71–72.

² Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. – М., 1998. – С. 150.

³ Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. – М., 1997. – С. 69.

⁴ Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека и гражданина. – М., 1992. – С. 21.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА КАК ПОДСИСТЕМА (ВИД) ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Т.М. Макосейчук,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ

Правовые, организационные, финансовые и методические основы, закрепленные в программе «Реформирование государственной службы Российской Федерации (2003–2005 годы)», утвержденной Указом Президента РФ от 19 ноября 2002 г. № 1336¹, обеспечили формирование государственной службы в качестве системы.

Согласно положениям теории системного подхода каждая система состоит из соответствующих подсистем, которые за ее пределами трансформируются в самостоятельные системы. В структуре системы государственной службы Российской Федерации можно выделить три подсистемы, каждая из которых за пределами данной системы образует самостоятельную систему. Исходя из смысла Федерального закона от 27 мая 2003 г. «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – ФЗ от 27 мая 2003 г.) к подсистемам государственной службы следует относить государственную гражданскую службу (далее – гражданская служба), военную и правоохранительную службы. Однако законодатель не стал применять к ним термин «подсистема» и классифицировал их в качестве видов государственной службы Российской Федерации. Это побудило к решению проблемы по установлению соотношения между понятиями «подсистема» и «вид» применительно к гражданской службе.

На современном этапе развития государственной службы в Российской Федерации гражданскую службу можно рассматривать одновременно в качестве подсистемы (системы) и вида государственной службы. Соотношение понятий «подсистема» и «вид» применительно к гражданской службе следует определять с учетом характеристики этой службы в двух значениях. Как составной элемент государственной службы, гражданская служба должна рассматриваться в широком и в узком значениях.

В широком значении гражданская служба – это подсистема государственной службы. Структура указанной подсистемы выстраива-

ется в порядке, аналогичном структуре системы государственной службы Российской Федерации. Она состоит из совокупности элементов в виде категорий, которые отражают особенности организации, функционирования и управления этой подсистемой. Организация подсистемы гражданской службы находит свое проявление непосредственно в ее структуре, функционирование – в процессе взаимодействия элементов подсистемы между собой и с внешней системой, а управление – в переводе ее в новое состояние или в изменении состояния объекта управления для достижения целей подсистемы. Именно управление побуждает и направляет организацию и функционирование всей подсистемы гражданской службы.

Среди категорий, составляющих содержание подсистемы гражданской службы, следует выделять:

- нормативно-правовую базу, сложившуюся в соответствии с имеющими место в реальной действительности общественными отношениями и новыми экономическими условиями;
- принципы организации гражданской службы;
- виды и уровни гражданской службы;
- взаимосвязь гражданской службы с муниципальной службой;
- открытость и подконтрольность деятельности аппарата государственных органов и государственных служащих гражданскому обществу;
- качественно новый уровень исполнения государственными служащими служебных обязанностей и оказываемых ими гражданам и организациям государственных услуг, отражающий высокий профессионализм гражданской службы;
- механизм выявления и разрешения конфликта интересов в структуре гражданской службы;
- кадровая политика, обеспечивающая улучшение кадрового состава и кадрового резерва гражданской службы;

– порядок поступления на гражданскую службу, ее прохождения, освобождения от должности и увольнения с гражданской службы, подготовки и профессиональной переподготовки;

– механизм управления гражданской службой;

– единые права, обязанности, требования, ограничения и законодательно сформулированная профессиональная этика государственных служащих;

– государственный служебный контракт, служебные регламенты государственных служащих;

– различные формы оценки профессиональной деятельности государственных служащих;

– единство государственных социальных гарантий, обеспечивающих вознаграждение за профессиональную служебную деятельность и государственное пенсионное обеспечение;

– финансово-экономическое обеспечение гражданской службы;

– материально-технические условия, способствующие эффективному исполнению государственными служащими служебных обязанностей.

В узком значении гражданская служба – это один из видов служебных правоотношений, с одной стороны, и один из видов профессиональной служебной деятельности, с другой стороны. Это позволяет раскрыть ее социально-правовое содержание в системе государственной службы Российской Федерации.

В социальном значении гражданская служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан РФ на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации (далее – должности гражданской службы) по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов РФ, лиц, замещающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ (включая нахождение в кадровом резерве и другие случаи).

Основу такой профессиональной служебной деятельности составляет функциональный критерий, который формирует фактическое содержание гражданской службы через совокупность следующих признаков:

– государственно-властные полномочия, позволяющие реализовать соответствующие

функции государства, субъекта РФ, федеральных государственных органов и государственных органов субъектов РФ;

– права и обязанности гражданского служащего в пределах государственно-властных полномочий по должности гражданской службы;

– соответствие должности гражданской службы классному чину и квалификационным требованиям.

В правовом значении гражданская служба представляет собой подинститут института государственной службы. Общая характеристика последнего применима в анализе данного подинститута.

Основное количество его норм – это нормы административного права, которые взаимодействуют с нормами иных отраслей права: трудового, муниципального, гражданского, уголовного. Основу этого подинститута составляют нормы конституционного права России, которые формируют нормы-принципы гражданской службы. Перечень норм-принципов закреплён в ст. 4 Федерального закона от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – ФЗ от 27 июля 2004 г.). Их необходимо рассматривать в качестве дополнительных принципов применительно к общим и организационным принципам, характеризующим государственную службу Российской Федерации. Предназначение первых должно обеспечивать формирование особенностей организации, функционирования гражданской службы и ее управления на базе общих и организационных принципов, применяемых к системе государственной службы. Часть из дополнительных принципов воспроизводит конституционные, т.е. основные принципы, зафиксированные в ст. 3 ФЗ от 27 мая 2003 г. Они детализируют их применительно к гражданской службе (приоритет прав и свобод человека и гражданина; единство правовых и организационных основ федеральной гражданской службы и гражданской службы субъектов РФ; равный доступ граждан, владеющих государственным языком РФ, к гражданской службе и равные условия ее прохождения независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также от других обстоятельств, не

связанных с профессиональными и деловыми качествами гражданского служащего).

Другая часть дополнительных принципов отражает организационные принципы государственной службы Российской Федерации, изложенные в ст. 3 ФЗ от 27 мая 2003 г. (профессионализм и компетентность гражданских служащих; стабильность гражданской службы; доступность информации о гражданской службе; взаимодействие с общественными объединениями и гражданами; защищенность гражданских служащих от неправомерного вмешательства в их профессиональную служебную деятельность).

Составным элементом подинститута гражданской службы выступают нормы международного права. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены ФЗ от 27 июля 2004 г., то применяются правила международного договора.

Нормы подинститута гражданской службы имеют внешнюю форму своего выражения в виде нормативных правовых актов. К последним относятся Конституция Российской Федерации; федеральные законы; указы Президента РФ; постановления Правительства РФ; нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти специальной компетенции; конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов РФ; нормативные правовые акты государственных органов.

Правовое регулирование норм подинститута гражданской службы обеспечивает возникновение, изменение и прекращение служебных правоотношений, связанных с гражданской службой. Служебные правоотношения, связанные с гражданской службой, составляют один из видов служебных правоотношений. Они представляют собой такие правоотношения, которые связаны с поступлением на гражданскую службу, ее прохождением и прекращением, а также с определением правового положения (статуса) федерального государственного гражданского служащего и государственного гражданского служащего субъекта РФ (далее – гражданский служащий).

Служебные правоотношения, связанные с гражданской службой, имеют классическую структуру, составными элементами которой являются субъект, объект и содержание.

Обязательным субъектом такого правоотношения является гражданский служащий.

Гражданский служащий – это гражданин РФ, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы в соответствии с актом о назначении на должность и со служебным контрактом и получает денежное содержание за счет средств федерального бюджета или бюджета субъекта РФ. Данное определение позволяет вывести характерные признаки гражданского служащего как субъекта правоотношения. К ним относятся следующие.

1. Гражданский служащий – это гражданин РФ, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы. В качестве гражданского служащего могут выступать иностранные граждане в том случае, если это установлено международным договором Российской Федерации.

2. Гражданский служащий осуществляет профессиональную служебную деятельность на должности гражданской службы. Должности гражданской службы являются государственными, по ним реализуются юридически властные полномочия. Эти должности подразделяются на два вида: должности федеральной гражданской службы, которые учреждаются федеральным законом или указом Президента РФ, и должности гражданской службы субъектов РФ, учреждаемые законами или иными нормативными правовыми актами субъектов РФ, с учетом положений ФЗ от 27 июля 2004 г. в целях обеспечения исполнения полномочий государственного органа либо лица, замещающего государственную должность.

Кроме классификации на виды, должности гражданской службы подразделяются на категории и группы.

Выделяют следующие категории должностей гражданской службы:

1) руководители – это должности руководителей и заместителей руководителей государственных органов и их структурных подразделений, должности руководителей и заместителей руководителей территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и их структурных подразделений, должности руководителей и заместителей руководителей представительств государственных органов и их структурных подразделений, замещаемые на определенный срок полномочий или без ограничения срока полномочий;

2) помощники (советники) – это должности, учреждаемые для содействия лицам, замещающим государственные должности, руководителям государственных органов, руководителям территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и руководителям представительств государственных органов в реализации их полномочий и замещаемые на определенный срок, ограниченный сроком полномочий указанных лиц или руководителей;

3) специалисты – это должности, учреждаемые для профессионального обеспечения выполнения государственными органами установленных задач и функций и замещаемые без ограничения срока полномочий;

4) обеспечивающие специалисты – это должности, учреждаемые для организационного, информационного, документационного, финансово-экономического, хозяйственного и иного обеспечения деятельности государственных органов и замещаемые без ограничения срока полномочий.

Должности гражданской службы определенной категории подразделяются на группы, к которым относятся:

- высшие должности гражданской службы;
- главные должности гражданской службы;
- ведущие должности гражданской службы;
- старшие должности гражданской службы;
- младшие должности гражданской службы.

Между категорией и группой должности гражданской службы выстраивается определенное соотношение. Должности категорий «руководители» и «помощники (советники)» подразделяются на высшую, главную и ведущую группы должностей гражданской службы. Должности категории «специалисты» подразделяются на высшую, главную, ведущую и старшую группы должностей гражданской службы. Должности категории «обеспечивающие специалисты» подразделяются на главную, ведущую, старшую и младшую группы должностей гражданской службы.

В качестве примера соотношения между категорией и группой должностей федеральной гражданской службы выступают государственные должности федеральных государственных служащих в аппарате Совета Федерации Федерального Собрания РФ:

- высшая должность – начальник аппарата управления (руководитель);
- старшая должность – ведущий специалист (специалист);

– младшая должность – специалист (обеспечивающий специалист).

Особенность государственной гражданской службы состоит в том, что законодатель не конкретизирует органы государственной власти, в которых осуществляется эта служба. Действуя методом исключения, необходимо сделать вывод о том, что государственная гражданская служба осуществляется во всех государственных органах и организациях, в которых не осуществляется военная и правоохранительная службы. В науке административного права сформировалась точка зрения о том, что в одном органе государственной власти возможна реализация различных видов государственной службы, например, в Министерстве обороны РФ.

К органам государственной власти, в которых функционирует гражданская служба, следует относить на уровне Российской Федерации Федеральное Собрание РФ, Правительство РФ, центральные органы исполнительной власти РФ в виде федеральных министерств, государственных комитетов, федеральных служб и федеральных агентств. На уровне субъектов РФ к таким органам следует относить законодательный орган и высший исполнительный орган субъекта РФ, а также центральные органы исполнительной власти субъектов РФ в виде министерств, государственных комитетов, главных управлений, управлений и департаментов.

В завершение характеристики гражданской службы как вида государственной службы на базе сравнительно-правового анализа определений гражданской, правоохранительной и военной служб необходимо сделать вывод о том, что последние два вида государственной службы могут осуществляться не только в органах государственной власти, но и в других государственных организациях и формированиях. Так, военная служба наряду с органами государственной власти осуществляется на воинских должностях в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских (специальных) формированиях, выполняющих функции по обеспечению обороны и безопасности государства. При этом правоохранительная служба осуществляется на должностях правоохранительной службы не только в государственных органах, но и в учреждениях, реализующих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. В отличие от

Проблемы и вопросы конституционного и административного права

правоохранительной и военной служб, гражданская служба фактически осуществляется в органах государственной власти, и применительно к ней законодатель не выделяет государственные организации наряду с органами

государственной власти, в которых она может быть реализована.

¹ Российская газета. – 2002. – 23 нояб.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Н.Б. Малявина,

соискатель Челябинского государственного университета

Современные международные стандарты борьбы с коррупцией определяют в качестве приоритетной меры необходимость консолидации усилий всех государств в деле разработки действенных механизмов противодействия коррупции.

В соответствии со ст. 5 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.¹ каждое государство-участник в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности. Важным элементом соответствующей системы противодействия должны служить мероприятия, направленные на создание ясной процедуры деятельности публичной администрации:

– принятие процедур или правил, позволяющих населению получать в надлежащих случаях информацию об организации, функционировании и процессах принятия решений публичной администрации и с должным учетом соображений защиты частной жизни и личных данных о решениях и юридических актах, затрагивающих интересы населения;

– упрощение административных процедур в надлежащих случаях для облегчения публичного доступа к компетентным органам, принимающим решения;

– опубликование информации, которая может включать периодические отчеты об опасностях коррупции в публичной администрации².

Вышеуказанные направления совершенствования механизма борьбы с коррупцией актуальны для всех стран, в том числе и Российской Федерации, активно вовлеченной в разработку концептуально новой модели публичного управления, основанной на принятии и реализации института административных процедур.

В настоящее время коррупция представляет собой одно из наиболее сложных социальных явлений, изучению которого посвящено множество научных исследований. Так, А.И. Мизерий полагает, что коррупция – «это социальное явление, заключающееся в разложении общества и государства, когда государственные (муниципальные) служащие, а также лица, уполномоченные на выполнение как государственных, так и иных управленческих функций, в том числе и в коммерческом секторе, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности вопреки интересам службы либо других лиц и установленным нормам права и морали, в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах»³.

По мнению А.Н. Кузнецова, коррупцию следует рассматривать как социально-правовое явление, выражающееся в противоправном действии (бездействии) служащего, занимающего государственную должность, влекущем нарушение функционирования государственного аппарата, подрыв основ государственности, нарушение прав и свобод личности⁴.

Обобщая указанные и многие другие определения⁵, А.З. Нурутдинов приходит к закономерному выводу, что коррупция как общественное явление может быть охарактеризована как разложение управленческого аппарата, а проблема борьбы с коррупцией непосредственно связана с задачей обеспечения национальной безопасности государства⁶.

Для разработки функционирующего механизма борьбы с коррупцией обязательным является установление причин, порождающих столь значительные деформации аппарата публичной администрации. В числе подобных можно выделить:

1) переход от централизованной системы управления экономикой к рыночной, децентрализованной, вовлекающей в активные политические и экономические процессы огромные массы людей;

2) отсутствие разработанных экономических регулятивных механизмов, инфляция,

способствующая определенному типу экономического поведения, рассчитанному на кратчайшую перспективу – рискованную выгоду;

3) усиление налогового бремени, расширяющее зону теневой экономики;

4) политическая нестабильность: отсутствие четких правовых гарантий, закрытость и неподконтрольность власти;

5) несовершенство законодательства и его неадаптированность к новым условиям развития;

6) неэффективность институтов власти, их неспособность к осуществлению возложенных на них функций; отсутствие должной правовой подготовки государственных служащих;

7) низкий уровень гражданского самосознания, обусловленный спадом социальной активности граждан, разочарованием в проводимых реформах;

8) отсутствие демократических политических традиций, препятствующее развитию институтов гражданского общества;

9) слабость судебной и правоохранительной систем⁷.

Практическим воплощением проявлений злоупотреблений должностных лиц являются:

– взятка;

– оказание давления с использованием должностного положения на подчиненные структуры, вмешательство в деятельность других государственных и негосударственных органов, требование предоставления информации;

– оказание предпочтения заявителям, конкурсантам, не основанного на объективном анализе и подготовке решения, рынок чиновничьих услуг;

– использование служебной информации;

– отказ от дачи информации;

– незаконное пользование государственным (муниципальным) имуществом;

– неоправданное экономически распоряжение государственным (муниципальным) имуществом, в том числе закрепленным на правах хозяйственного ведения и оперативного управления;

– участие государственного служащего в предпринимательской деятельности, занятие иной оплачиваемой деятельностью;

– переход государственного служащего на работу в бывшее подведомственное предприятие или учреждение, как правило, на руководящие должности;

– подарки, услуги вышестоящим должно-

стным лицам за попустительство по службе⁸.

Очевидно, что подобные негативные отклонения от нормального уровня функционирования системы публичной власти деструктивно отражаются на темпах и направлениях развития государства, создают предпосылки для неприятия власти широкими слоями населения.

В настоящее время практическая реализация внедрения действенной системы противодействия коррупции сопряжена с разработкой института административных процедур, аккумулирующего возможности активного использования общественных сдерживающих факторов: контроль граждан и юридических лиц за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления, регламентированный механизм взаимодействия общества и государства и т.п. Однако подобные меры являются лишь частью антикоррупционной политики, которая должна найти законодательное закрепление в специальном федеральном законе о противодействии коррупции.

Современная терминология концепции административной реформы позволяет заключить, что исследование административных процедур должно базироваться не только на понимании последних в качестве правового образца деятельности органов публичной администрации, но и признании их неотъемлемой частью системы противодействия коррупции. Последовательное вовлечение структур гражданского общества в управление делами государства создает основу для минимизации проявлений коррупционных правонарушений.

¹ СЗ РФ. – 2006. – № 26. – Ст. 2780.

² См. также: Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.) // Совет Европы и Россия. – 2002. – № 2.

³ Цит. по: Ашовский Б. Международный кодекс поведения государственных должностных лиц // Чистые руки. – 1999. – № 2. – С. 97–98.

⁴ См.: Кузнецов А.Н. Преодоление коррупции в государственном аппарате (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2000. – С. 9.

⁵ См.: Карагодин В.И. Современные представления о содержании понятия коррупции // Актуальные проблемы организации деятельности оперативных подразделений Российской Федерации в современных условиях: сборник. – Екатеринбург, 2003. – С. 15–47.

⁶ См.: Нурутдинов А.З. Коррупция как общеправовой феномен: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2004. – С. 5.

⁷ См.: Кузнецов А.Н. Указ. соч. – С. 37–38.

⁸ См.: Тихомиров Ю.А. Управление на основе права. – М., 2007. – С. 317.

О ТРАНСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УПРАВЛЕНИЕ АВТОТРАНСПОРТОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

Р.З. Сагиров,

аспирант кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ

Общественная значимость обеспечения безопасности дорожного движения определяется огромными масштабами ущерба от дорожно-транспортных происшествий (ДТП) и требует эффективного правового регулирования отношений в этой сфере. Транспортные средства в России как источник гибели людей в ДТП в 4–5 раз опаснее, чем в экономически развитых странах с высоким уровнем автомобилизации и высокой интенсивностью движения. Основной причиной ДТП является нарушение Правил дорожного движения водителями транспортных средств¹.

Ужесточение или смягчение мер административной ответственности за совершение правонарушений участниками дорожного движения в состоянии опьянения не дает ощутимых результатов в предупреждении правонарушений и свидетельствует об отсутствии у законодателя единого подхода к проблеме.

Основной задачей современных исследований в этой сфере является разработка предложений по совершенствованию действующих нормативных актов и практики их применения по делам об административных правонарушениях, совершенных участниками дорожного движения в состоянии опьянения.

Обосновывается вывод о необходимости закрепления в законодательном порядке механизма постановки на учет в медицинском учреждении водителей в случае выявления у них признаков психиатрических противопоказаний для осуществления деятельности, связанной с источником повышенной опасности; наблюдения за ними в течение определенного периода, а затем решения вопроса об установлении диагноза «алкоголизм», «наркомания» или «токсикомания» с последующим прекращением действия права управления транспортным средством.

В исследовании О.А. Ивановой в целях повышения эффективности действующего законодательства в области дорожного движения предлагается:

а) дифференцировать административные наказания в зависимости от концентрации алкоголя в крови водителя, применять административный штраф и лишение управления транспортными средствами одновременно;

б) установить ответственность за повторное управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения и продлить срок, в течение которого он считается подвергнутым наказанию, до трех лет.

Возвращаясь к пункту «а» хотелось бы отметить, что в данном случае требуется судебная экспертиза по делам, связанным с дорожно-транспортными происшествиями в состоянии опьянения.

Большое значение имеет правильная формулировка в определении вопросов, выносимых на разрешение эксперта. Они должны быть конкретными, четкими и ясными, не допускающими двоякого толкования. Если вопросы взаимосвязаны, их следует задавать в логической последовательности. Вопросы, поставленные перед экспертом, не могут выходить за пределы специальных познаний эксперта. Допустимо, чтобы суд (суды), следователь, должностное лицо, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, вынося определение и формулируя соответствующие вопросы, консультировались с экспертом или специалистом².

Как справедливо отмечают Б.В. Россинский, Ю.П. Кузякин, выводы эксперта могут быть категорическими (положительными и отрицательными) и вероятными, т.е. предположительными³.

В нашем случае для определения состояния опьянения достаточно лишь категорий выводов эксперта как положительных и отрицательных. Таким образом, следует не соглашаться с О.А. Ивановой в том, что ею предлагается дифференцировать административные наказания в зависимости от концентрации алкоголя в крови водителя. Другими словами, мы не можем утверждать, что водитель после прохождения экспертизы может быть «немно-

го пьяный и т.п.» Водитель, прошедший экспертизу на состояние алкогольного, наркотического, токсического опьянения считается прошедшим с результатами либо положительно, либо отрицательно.

Нельзя согласиться с О.А. Ивановой и в том, чтобы установить ответственность за повторное управление транспортным средством водителем в состоянии опьянения и продлить срок, в течение которого он считается подвергнутым наказанию, до трех лет. На наш взгляд, лицо, управляющее транспортным средством в состоянии опьянения и в отношении которого есть заключение эксперта (специалиста), подтверждающее факт опьянения, должно автоматически ставиться на учет в соответствующие учреждения с возложением на них обязанности прохождения лечения, если это медицинские учреждения, и обязательной отметкой в правоохранительных органах, с наложением штрафа и лишением права управления транспортными средствами одновременно. Вопрос об установлении повторной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения в нашем случае даже не рассматривается, так как мы подразумеваем лишение права управления транспортным средством пожизненно. Лишь после интенсивного лечения от наркомании, алкоголизма и снятия с учета в правоохранительных органах предлагается создать специальную комиссию при тех же самых правоохранительных органах, которые в свою очередь будут решать вопрос возможности вновь на общих основаниях получить право на управление транспортным средством.

Анализ зарубежного законодательства показывает, что за управление транспортным средством в состоянии опьянения установлены достаточно строгие наказания (вплоть до тюремного заключения). Практически во всех странах лишение права управления транспортными средствами применяется лишь до-

полнительно к другим видам наказания, как правило, повторное нарушение влечет повышенную ответственность нарушителя.

Предполагаемый вариант решения проблемы управления лицами транспортным средством в состоянии опьянения довольно легко и конструктивно решаем в условиях современных административных реформ. Реализация данной нормы возможна посредством административных процедур и административных регламентов.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения является административно наказуемым деянием, посягает на состояние безопасности дорожного движения, так как зачастую становится причиной совершения ДТП, в том числе имеющих тяжкие последствия.

Хотя в Конституции РФ 1993 года основные права гарантируются очень полно и отвечают уровню западноевропейской науки и судопроизводства, на практике они бездейственны, так как они неизвестны ни носителям, ни применителям права. Понимание того, что стоит за короткими формулировками текста Конституции РФ, не просто мало, а почти что полностью отсутствуют. Так, например, мы говорим о том, что управление транспортным средством в состоянии опьянения посягает на состояние безопасности дорожного движения. А что же такое безопасность и о чьей безопасности идет речь, в Конституции РФ 1993 года не обозначено.

¹ См.: Государственный доклад по безопасности дорожного движения // Российская газета. – 2003. – 11 сент.

² См. Россинский Б.В., Кузякин Ю.П. Судебные экспертизы по делам, связанным с ДТП. – М., 2007.

³ Там же.

РЕГИСТРАЦИЯ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

И.Ю. Стариков,

аспирант кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ

Проводимая в настоящее время в Российской Федерации административная реформа не сводится к оптимизации и адаптации существующих правовых механизмов государственного управления применительно к современным условиям. В ее основе лежит принципиально иной подход к построению системы взаимоотношений органов исполнительной власти и личности, основанный на обеспечении разумного баланса публичных и частных интересов.

Следует также отметить, что обеспечение безопасности представляется обоснованным признать одной из основных функций Российского государства.

Несмотря на это, право личности на безопасность в Конституции РФ четко не регламентировано. По крайней мере, такое право не входит в перечень конституционных прав и свобод, хотя фактически и содержится в них и является комплексным правом индивидов¹. Обеспечение безопасности личности представляется элементом правоохранительной деятельности государства.

Исходная законодательная дефиниция безопасности закреплена в нормах Закона РФ «О безопасности» от 5 марта 1992 г. Согласно названному закону безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Данный закон небезосновательно подвергается критике потому, что, во-первых, он был принят до принятия ныне действующей Конституции в условиях уже не существующей политической и экономической систем; а во-вторых, он не дифференцирует различные аспекты безопасности государства, включающей в себя национальную, государственную и конституционную безопасность².

А.И. Стахов в качестве одного из элементов структуры безопасности выделяет типизированные ситуации, связанные с возникновением и (или) развитием вредоносных природных и техногенных факторов окружающей среды. К таким ситуациям он в част-

ности относит формально определенные, подлежащие официальной оценке со стороны государства правомерные действия (деятельность) физических и юридических лиц по использованию предметов, явлений и процессов – техногенных и природных источников повышенной опасности конституционным и иным законным интересам³. В качестве одной из таких сфер А.И. Стахов выделяет так называемую санкционированную безопасность, под которой понимает урегулированное правом состояние защищенности конституционных и иных законных интересов личности, общества, государства и нации, при котором исключены вредоносные техногенные и природные факторы окружающей среды, связанные с подлежащими официальной оценке (санкционированию и контролю) со стороны государства правомерными действиями (деятельностью) физических и юридических лиц по использованию таких предметов, явлений и процессов. Примером данных видов безопасности являются лицензионная безопасность, сертификационная безопасность, а также регистрационная безопасность.

Органы исполнительной власти обеспечивают исполнение законов и иных нормативных актов в данной сфере, организуют разработку и реализацию государственных программ обеспечения безопасности, осуществляют меры в данной сфере в пределах своей компетенции, в соответствии с законом создают, реорганизуют органы обеспечения безопасности⁴.

При классификации органов административно-публичного обеспечения безопасности по характеру полномочий отдельно следует выделять регистрационные органы.

В настоящее время органы внутренних дел осуществляют регистрационную деятельность в следующих направлениях: 1) регистрация автотранспорта; 2) регистрация оружия; 3) регистрация граждан; 4) дактилоскопическая регистрация граждан; 5) регистрация преступлений и правонарушений; 6) криминалистическая регистрация (различные учеты).

Рассматриваемую деятельность осуществляют подразделения Государственной инспекции безопасности дорожного движения, Федеральной миграционной службы РФ, районные отделы внутренних дел, экспертно-криминалистические центры.

Следует согласиться с мнением о том, что, несмотря на столь объемную множественность видов регистрируемых объектов, все действия, связанные с регистрацией, осуществляются в значительной степени единообразно⁵.

Применительно к данной проблеме наиболее удачным представляется общее понятие государственной регистрации, предложенное П.И. Кононовым. По его мнению, государственная регистрация есть урегулированная административно-процессуальными нормами деятельность компетентных административных органов по признанию и подтверждению со стороны государства правового статуса (состояния) отдельных имущественных или неимущественных прав и обязанностей физических и юридических лиц, их возникновения, изменения или прекращения, фактов принадлежности этим лицам определенных видов имущества и возможности использования их по назначению, законности совершаемых указанными лицами действий и принимаемых ими решений, иных юридических фактов⁶.

А.Н. Добров предлагает под регистрационной деятельностью органов внутренних дел понимать подзаконную, исполнительно-распорядительную деятельность специально уполномоченных подразделений по осуществлению регистрации граждан, реализующих свои права на свободу передвижения, выбора места пребывания и жительства в пределах РФ, отдельных материальных объектов, являющихся источниками повышенной опасности, носителей информации, необходимых для идентификации личности, а также контроля за соблюдением правил регистрации, в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Правовую основу данной деятельности составляют нормы законов, подзаконных, а также ведомственных нормативно-правовых актов, определяющих задачи, функции и компетенцию в сфере регистрации. Основными среди них являются Конституция РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Федеральный закон «О безопасности дорожного движения», Федеральный закон «Об оружии», Закон РФ «О милиции», Федераль-

ный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации».

Следует отметить, что не все виды регистрационной деятельности органов внутренних дел находят свое отражение в нормах законов. Ряд из них установлены и регламентированы лишь подзаконными, а иногда и ведомственными актами.

Одним из заметных недостатков рассматриваемой сферы является отсутствие единого нормативного правового акта, содержащего исчерпывающий перечень всех объектов, подлежащих регистрации в органах внутренних дел Российской Федерации.

Административно-публичное обеспечение безопасности связано с непосредственным вмешательством уполномоченных государственных органов и органов местного самоуправления в административно-хозяйственную, организационно-распорядительную и иную деятельность организационно не подчиненных данным органам граждан, коммерческих и некоммерческих организаций в целях подчинения их поведения общеобязательным условиям и требованиям безопасности, предусмотренным законами и иными нормативными правовыми актами. Данная деятельность носит правоприменительный характер и осуществляется посредством применения специальных охранительных актов применения права и, таким образом, является одним из видов правоохранительной деятельности, который осуществляется специализированными органами публичной власти.

В целом следует отметить, что регистрация в органах внутренних дел носит в большей степени учетный, нежели правоустанавливающий характер и имеет достаточно широкую и разноплановую по юридической силе нормативную базу. И, как следствие, данная деятельность не в полной мере соответствует тенденциям административной реформы.

¹ Колоткина О.А. Право личности на безопасность: понятие, место в системе прав человека и особенности изучения в курсе конституционного права РФ // Право и образование. – 2007. – № 11. – С. 113.

² Калина Е.С. Государственно-правовое обеспечение безопасности личности в Российской Федерации: монография. – Челябинск, 2005. – С. 42–43.

³ Стахов А.И. Административно-публичное обеспечение безопасности в Российской Федерации: монография. – М., 2006. – С. 22.

⁴ Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. – М., 2004. – С. 536.

⁵ Общее административное право: учебник / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж, 2007. – С. 605.

⁶ Кононов П.И. Административный процесс в России: проблемы теории и законодательного регулирования. – Киров, 2001. – С. 81.

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

А.П. Царакова,

аспирант кафедры конституционного и административного права ЮУрГУ

Зарождение автомобильной промышленности фактически происходило в конце XIX – начале XX вв. с появлением двигателя внутреннего сгорания. В России первый автомобиль был построен в 1910 году. На первых порах появление автомобиля воспринималось как чрезвычайное явление, а его движение регулировалось различными правовыми нормами, обеспечивающими общественную безопасность.

По исследованиям В.И. Жулева, начало правовому регулированию дорожного движения в России положил декрет «Об автодвижении по город Москве и его окрестностям» от 16 июня 1920 г.¹

Автор обращает внимание на то, что высший орган исполнительной власти страны установил правила только на относительно небольшой территории, где в основном и был сконцентрирован автомобильный парк того времени.

Однако этот декрет не положил начало формированию базы законодательства, регулирующего направления административной политики в отношении правонарушений на автомобильном транспорте. Более того, принятие правил «местного» масштаба в известной мере оказало влияние на то, что в течение почти пятидесяти лет в нашей стране правила движения автомобильного транспорта принимались лишь местными органами власти.

В первом Уголовном кодексе РСФСР 1922 года, а также в Уголовном кодексе РСФСР, введенном в действие постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г., преступления на различных видах транспорта рассматривались в основном в сфере экономической преступности. В уголовном законодательстве того времени не было сформировано состава преступления, предусматривающего ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта. Такие деяния в случае причинения смерти или телесных повреждений потерпевшим от транспортных происшествий квалифицировались по соответствующим статьям главы 5 УК «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».

Надзор за соблюдением норм и правил, действующих в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, приобрел актуальность с начала 30-х гг., когда рост автопарка и, как следствие, интенсивности движения на автомобильных дорогах обусловил резкое увеличение количества дорожно-транспортных происшествий. В 1932 году в составе центрального управления шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта при СНК СССР была образована специальная инспекция для наблюдения за состоянием и эксплуатацией транспортных средств в автохозяйствах всех ведомств, а также за строительством и содержанием дорог (с 1934 года – Госавтоинспекция). СНК СССР постановлением № 1182 от 3 июля 1936 г. утвердил «Положение Государственной автомобильной инспекции Главного управления рабоче-крестьянской милиции СССР»².

Однако, как отмечает Б.В. Россинский, не будучи фактически наделенной юрисдикционными полномочиями, эта инспекция не могла оказывать должное влияние на положение, которое сложилось в тот период во многих автохозяйствах и других организациях, причастных к данной деятельности. Поэтому с 1936 года в качестве надведомственного надзорного органа ГАИ вошла в состав НКВД СССР.

С 30-х гг. шел процесс расширения круга задач ГАИ, что привело к сосредоточению у нее основных функций по обеспечению безопасности дорожного движения. Это фактически превратило инспекцию в орган, единолично организующий и реализующий весь комплекс профилактических мероприятий и отвечающих за аварийность на улицах и дорогах. Нередко ГАИ осуществляла внутриведомственные контрольные полномочия других субъектов управления, имеющих исключительно технический характер (например, в соответствии с постановлением Экономического совета при СНК СССР от 8 февраля 1942 г. ГАИ осуществляла надзор за внедрением газогенераторных установок в автомобили и расходом легковыми автомобилями бензина строго по лимитным книжкам).

С развитием автопарка страны, интенсификацией движения по дорогам обеспечение безопасности дорожного движения становится серьезной проблемой. Наличие законодательного пробела затрудняло борьбу с посягательствами на безопасную работу автотранспорта. В судебной практике такие деяния квалифицировались либо по статьям о преступлениях против личности, либо как нарушения обязательных постановлений об охране порядка на транспорте, либо как преступно-небрежное исполнение водителем своих служебных обязанностей. Такая практика не обеспечивала эффективного наказания за грубые нарушения правил безопасности движения. Верховный Суд СССР неоднократно давал разъяснения по транспортным преступлениям, а 15 сентября 1950 г. Пленум принял специальное постановление «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения на автотранспорте»³. Внесение изменений в законодательство продолжалось.

С 1 января 1968 г. вступили в действие единые для всей страны «Правила дорожного движения по улицам и дорогам СССР». Еще более длительное время в стране отсутствовало единое административное законодательство, устанавливающее ответственность участников дорожного движения. Только 15 мая 1983 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят Указ «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения», который с 1 сентября 1983 г. устанавливал единую административную ответственность на всей территории СССР⁴.

В конце XX в. стало ясно, что для борьбы с правовым нигилизмом водителей и пешеходов необходимо широко использовать административные санкции. К ним в России невозможно применить уголовные и дисциплинарные меры карательного воздействия. Административная ответственность, административное наказание – единственное необходимое средство карательного воздействия на лиц, не соблюдающих действующие юридические нормы.

КоАП РСФСР, принятый 20 июня 1984 г.⁵, содержал 64 нормы об административной ответственности за правонарушения, посягающие на безопасность движения (гл. 10 «Административные правонарушения на транспорте и в области дорожного хозяйства и связи»), из которых 13 посвящены ответст-

венности водителей за нарушения правил дорожного движения. Отметим, что рассматриваемая сфера административно-правового регулирования развивалась в этот период весьма динамично: только статьи 114 и 115 КоАП РСФСР изменялись по пять раз каждая.

В настоящее время административное законодательство в сфере обеспечения дорожного движения сконцентрировано в различных правовых источниках: Конституция РФ (п. «ж» ст. 72 Конституции РФ), федеральное законодательство, постановления Правительства РФ.

В сфере федерального законодательства о безопасности дорожного движения главное место принадлежит Федеральному закону от 10 декабря 1995 г. «О безопасности дорожного движения», в соответствии со ст. 24 которого права граждан на безопасные условия движения по дорогам России гарантируются государством, а положения ст. 3 Закона устанавливают приоритет ответственности государства за обеспечением дорожного движения над ответственностью граждан, участвующих в дорожном движении.

Однако основным источником административного права сейчас является Кодекс РФ об административных правонарушениях, введенный в действие с 1 июля 2002 г.

По объему регулируемых общественных отношений и по качеству их регламентации КоАП РФ превосходит своего предшественника – КоАП РСФСР 1984 года. Однако стоит отметить, что КоАП РСФСР был первым в России опытом кодификации законодательства об административной ответственности. Многие его положения учтены в КоАП РФ.

В отличие от кодексов, существующих достаточно давно, – УК РФ, УПК РФ, ГК РФ, ГПК РФ – КоАП РФ содержит две группы норм:

– материальные, которые закрепляют общие положения и принципы ответственности, составы правонарушений, перечень административных наказаний и принципы их применения (1 и 2 разделы КоАП РФ);

– процессуальные, регулирующие производство по делам об административных правонарушениях (разделы 3 – 5 КоАП РФ)⁶.

КоАП РФ сделал огромный шаг в развитии правосудия по административным делам. В КоАП РФ выделена специальная (12) глава «Административные правонарушения в области дорожного движения». В 1984 году КоАП РСФСР относил к подведомственности

судей рассмотрение дел о совершении административных правонарушений, квалифицируемых по четырем составам (четырем статьям), содержащимся в Кодексе. В соответствии со ст. 23.1 КоАП РФ судьи рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных более чем 160 нормами Кодекса. Из них к исключительной подведомственности судей отнесено более 100 составов административных правонарушений, а более 60 составов они вправе рассматривать на основе альтернативной подведомственности.

Как невозможно объять необъятное, так невозможно кодифицировать все законодательство об административных правонарушениях. Одно из достоинств КоАП РФ состоит в том, что он четко определил, за какие правонарушения законами субъектов РФ может быть установлена административная ответственность, какие санкции ими могут быть установлены за соответствующие правонарушения, кто вправе налагать административные наказания за нарушения законов субъектов РФ.

Нетрудно заметить, что роль административной ответственности в борьбе с право-

нарушениями в области безопасности дорожного движения повышалась с течением времени, развитием автомобильной промышленности и распространением автомобилей на всей территории страны.

В настоящее время административная ответственность стала основной формой применения государством карательных санкций к лицам, игнорирующим установленные в России Правила дорожного движения и тем самым подвергающим опасности не только свою жизнь, но и здоровье, и благополучие законопослушных граждан.

¹ Жулев В.Н. Транспортные преступления. – М., 2001.

² Россинский Б.В. Проблемы государственного надзора в сфере дорожного движения // Государство и право. – 1995. – № 6. – С. 68.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1977). – М., 1978. – Ч. 1 – С. 76.

⁴ Федорченко М.В. Нарушение правил движения и эксплуатации транспортных средств: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – С. 18.

⁵ Ведомости ВС РСФСР. – 1984. – № 27. – Ст. 909.

⁶ Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – М., 2007. – С. 543.

Рецензии, отзывы

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА НА ДИССЕРТАЦИЮ Н.А. ПОЛЯКОВОЙ «ПРАВОСОЗНАНИЕ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ КАК ОСНОВАНИЕ ВЫНЕСЕНИЯ ВЕРДИКТА»

А.А. Тарасов,

*доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного
процесса и криминалистики Самарского государственного
университета*

Актуальность темы диссертационного исследования определяется актуальностью любой проблемы, связанной с деятельностью суда присяжных, в которой в свою очередь получают специфическое преломление практически все проблемы уголовного судопроизводства. В проблематике суда присяжных сегодня трудно найти малоисследованный аспект: в течение нескольких столетий тема суда присяжных не сходит со страниц юридической литературы, а в период российской судебной реформы на рубеже тысячелетий к ней в том или ином варианте обращалось большинство российских и зарубежных теоретиков и практикующих юристов. Проблема правосознания присяжных сама по себе тоже не относится к числу малоисследованных, однако полагаю, что диссертанту все же удалось выработать оригинальный исследовательский подход к анализу процесса и результата формирования и корректировки группового непрофессионального правосознания коллегии присяжных заседателей. Используя сравнительно-правовые и исторические параллели, обращаясь к данным социально-психологической науки, анализируя различные процедурные детали из разных правовых систем, автор предпринял небезуспешную попытку систематизировать факторы, влияющие на формирование правосознания скамьи присяжных, через него – на существо выносимого вердикта по конкретному уголовному делу, но главное – на социальную эффективность функционирования суда присяжных. С поставленной задачей диссертант в целом справился, а саму работу можно считать личным вкладом автора в утверждение суда присяжных в современной России.

Информационная база исследования обр

разным литературным материалом по проблемам социальной психологии и уголовно-процессуального права разных государств в различные исторические эпохи. Теоретические размышления диссертанта иллюстрируются и аргументируются с привлечением оригинальных данных эмпирических и социологических исследований, яркими примерами из опубликованной и местной судебной практики. Особый интерес представляют данные опросов потенциальных кандидатов в присяжные и лиц, участвовавших в деле в качестве присяжных. Второй вариант сведений представлен в работе достаточно деликатно, с учетом правовых и этических последствий возможного разглашения тайны совещания скамьи присяжных.

Главным достоинством работы можно считать то, что автор последовательно и профессионально, с привлечением добротного исследовательского аппарата и на основе собственных мировоззренческих установок отстаивает классическую модель суда присяжных, не впадая в крайности в части его оценок как в прошлом, так и в настоящем и в будущем. Автором понята и принята главная идея суда присяжных, достаточно трудно приживающаяся в современной профессиональной юридической среде России: «Модель судопроизводства с участием присяжных заседателей необходимо рассматривать не как "суд народа", а как систему взаимодействия профессионального практического и обыденного индивидуально-группового сознания. Эти два вида правосознания, взаимодействуя и дополняя друг друга, проявляют свое новое более высокое качество» (с. 125 диссертации, с. 6, 19 автореферата). Способность суда присяжных благотворно воздействовать на всю правоохранительную и судебную систему стра-

ны, повышая ее профессиональный уровень и приближая к реальным жизненным проблемам населения и к общечеловеческим идеалам справедливости и гуманизма, предопределена тем феноменом, который автор сделал логическим стержнем всего исследования – в суде присяжных происходит столкновение двух разных систем правосознания и соответствующих им поведенческих и речевых стереотипов.

Научный и практический интерес представляет сравнительно-правовой раздел работы, в котором по сходным параметрам в конкретно-историческом контексте анализируются разные варианты процедуры деятельности суда с участием присяжных заседателей в его классической модели. Проводя четкую грань между англосаксонской и континентальной схемами организации и деятельности суда присяжных, автор правильно подчеркивает сравнимость только тех форм судопроизводства, в которых непрофессиональные судьи заседают в отдельной от профессионального судьи коллегии и самостоятельно принимают собственное немотивированное решение по вопросу о виновности либо невиновности подсудимого. Такой абсолютно верный подход позволил автору избежать очень распространенного в современной литературе заблуждения, будто бы в современных Германии и Франции есть суд присяжных, форма которого оптимизирована применительно к современным национальным условиям этих государств, хотя на самом деле эти страны давно отказались от суда присяжных как такового.

Сравнительному анализу подвергнуты суд присяжных, с одной стороны, в Англии и США с историческим анализом становления разных процедурных институтов, а с другой стороны, – суд присяжных европейских стран XIX века, завоеванных Наполеоном и воспринявших французскую модель суда присяжных, зарожденную Великой французской революцией. Эти модели суда присяжных – классические, хотя и весьма непохожие друг на друга в деталях.

В работе показано, что современная российская модель суда присяжных, сохранившая его классическое качество, является уникальной в том смысле, что она, тяготея к пореформенной русской модели суда присяжных, не скопировала ее в точности, а вобрала в себя англосаксонские и континентально-

европейские черты, взятые из разных эпох и национальных правовых систем. Притом что современные правовые конструкции функционирования российского суда присяжных не идеальны и могут совершенствоваться, в том числе и в предложенных автором направлениях, перспективность суда присяжных в России ни разу не поставлена автором под сомнение.

Анализ правовых форм деятельности суда присяжных как в зарубежных государствах так и в России, как в далеком прошлом, так и в современности подчинены одной идее: в процессе взаимодействия профессионального и обыденного правосознания в суде присяжных создаются условия для правильного по существу и справедливого разрешения уголовного дела. Процесс этого взаимодействия протекает в сложнейших социально-психологических условиях непрерывного поиска баланса между необходимостью создания возможно более полного и адекватного образа исследуемого события в сознании присяжных и опасностью вольно или невольно оказать давление на присяжных, навязать им позицию судьи-профессионала или позволить это сделать профессиональным участникам процесса со стороны обвинения или защиты. Диссертантом достаточно убедительно показано, что перед законодателями разных государств разного времени стояли весьма схожие проблемы, обусловленные поиском описанного здесь баланса. Решались эти проблемы очень по-разному, а динамика развития законодательства в этой части показывает, что такой поиск далек от завершения.

В работе выделены те моменты нормативной регламентации деятельности суда присяжных, которые всегда были наиболее спорными с точки зрения того, как они влияют на позицию присяжных заседателей по уголовному делу, а в конечном счете – на эффективность функционирования самого института. Законодательный опыт других государств важен для решения современных проблем российского суда присяжных.

В США и Великобритании вопросы перед присяжными не формулируются а, по сути, от присяжных требуется ответ лишь на один вопрос, не имеющий четко очерченного словесного оформления, – о виновности либо невиновности подсудимого; в континентальной Европе вопросы формулируются председательствующим с участием сторон. В США в

подавляющем большинстве штатов вердикты выносятся только единогласно, в Англии эволюция соответствующих правовых предписаний привела к допустимости квалифицированного большинства голосов, при этом в континентальной Европе простое большинство голосов присяжных признавалось обычным основанием для вынесения вердикта. В США и Великобритании личность подсудимого не исследуется и действует «презумпция беспорочности подсудимого», а во французском суде присяжных, когда он еще был таковым, специально вызывались и допрашивались «свидетели репутации подсудимого». Беспристрастный по определению англосаксонский председательствующий в исключительных случаях тем не менее вправе дать присяжным прямое указание о вынесении оправдательного вердикта; весьма активный и властный континентально-европейский председательствующий таких прямых указаний давать не вправе, но при произнесении напутственного слова практически не скован какими-либо ограничениями в выражении собственной позиции по делу. Выделив эти и другие процедурные особенности деятельности суда присяжных в разных странах, показав их прямую связь с проблемой взаимодействия профессионального и обыденного правосознания, диссертант показывает, что российская пореформенная (XIX века) модель суда присяжных вобрала в себя черты обеих рассмотренных моделей из других стран, восприняла многие их передовые особенности. Автор верно подчеркивает, что становление и развитие суда присяжных во всех странах всегда сопровождалось острой полемикой как по кардинальному вопросу о самой судьбе этой формы отправления правосудия (что в континентальной Европе привело к отказу крупнейших европейских государств от этого института), так и по большинству процедурных частных вопросов.

Обстоятельный анализ эволюции правовых норм о суде присяжных в разных государствах разных правовых семей в разные периоды их истории, столь же детальное рассмотрение действующих российских процедурных правил о суде присяжных позволили автору сформулировать отчасти небесспорные, но при этом – аргументированные предложения по совершенствованию современного российского законодательства и практики его применения.

Отметим те из них, которые представляют, на наш взгляд, наибольший теоретический и практический интерес.

Автор правильно предлагает определить на уровне разъяснений Верховного Суда РФ общую формулировку основания мотивированного отвода присяжного заседателя ввиду его «косвенной личной заинтересованности», связанной с предполагаемым негативным отношением к правовой системе (с. 175 диссертации). На основании социологических исследований диссертант выяснил, что это негативное отношение формируется, как правило, в связи с привлечением граждан к любому виду юридической ответственности и в связи с участием в уголовных делах в любом ином процессуальном качестве (с. 173, 215 диссертации, с. 22 автореферата). К числу кандидатов в присяжные, подлежащих мотивированному отводу, автор не без оснований относит также близких родственников некоторых категорий профессиональных юристов (с. 177, 215 диссертации, с. 23 автореферата).

Интересным и стимулирующим научную полемику представляется предложение о заимствовании зарубежного опыта в части обязательной передачи присяжным перед удалением в совещательную комнату письменного варианта напутственного слова председательствующего и некоторых исследованных в суде доказательств (с. 129 диссертации, с. 24 автореферата). Необычным, но имеющим социально-психологическое обоснование видится предложение о возложении на председательствующего процессуальной обязанности о произнесении той части напутственного слова, которая посвящена правилам оценки доказательств, презумпции невиновности и др. правовым вопросам, не связанным с обстоятельствами данного дела, до начала судебного следствия, что позволило бы присяжным более осмысленно воспринимать происходящее в судебном следствии с самого начала (с. 197, 217 диссертации, с. 24 автореферата). Ту же цель имеет сосредоточение внимания диссертанта на вступительных речах обвинителя и защитника перед началом судебного следствия (с. 179 диссертации, с. 24 автореферата), значение которых не в полной мере осознается большинством профессиональных юристов, привыкших считать сходные устные выступления в обычном порядке судопроизводства пустой формальностью, а также авторское предложение уже в этот мо-

мент передавать председательствующему предварительные формулировки вопросов для вопросного листа (с. 24 автореферата). Весьма спорным с политической точки зрения, но вполне обоснованным с юридической, видится радикальное предложение автора о введении запрета на освещение в средствах массовой информации любых уголовных и гражданских дел до вынесения по ним решения (с. 217–218 диссертации, с. 25 автореферата). В любом другом случае это предложение выглядело бы как посягательство на свободу слова и не более того, но с присяжными – ситуация иная: они не должны получать непроцессуальной информации по разрешаемому ими делу, что в условиях сегодняшних возможностей средств массовой коммуникации невозможно обеспечить обычными (не радикальными) мерами.

В диссертации имеются и иные заслуживающие внимания положения, выводы и рекомендации.

Однако работа заслуживает и критических замечаний.

1. Содержание § 1 главы 2 «Правосознание как форма общественного сознания и факторы, влияющие на его формирование» не самым удачным образом вписано в общий контекст работы. Обширные фрагменты текста здесь посвящены: а) общетеоретическим рассуждениям о правосознании вообще (с. 104–116); б) психологическим характеристикам малых групп вообще (с. 118–127). Между тем как минимум две важнейшие характеристики скамьи присяжных (ограниченное время функционирования и случайность состава) не позволяют автоматически перенести на нее большую часть этих характеристик малых групп и группового правосознания без специальных оговорок. Позднее автор эти оговорки делает, но уже вне связи с изложенным ранее материалом. Достаточный и без того объем работы позволял автору более концентрированно и структурировано изложить свои мысли, как это сделано им же в

сравнительно-правовом разделе диссертации.

2. Не украшает работу дословный дубляж в автореферате положения № 3, выносимого на защиту (с. 6), и абзаца из содержания работы (с. 19). Эта действительно важная мысль, процитированная выше и в настоящем отзыве, повторена дословно трижды и в диссертации (с. 8, 125, 212). Но ни в одном случае нет авторских пояснений, в чем именно состоит «новое более высокое качество» правосознания в суде присяжных. Понятно, что этой мысли посвящена вся работа, но в четкой словесной формуле она автором не выражена.

3. В работе имеются отдельные редакционные погрешности, заставляющие догадываться о значении написанного: начало формулировки положения 1, выносимого на защиту (с. 7 диссертации, с. 6 автореферата); многократное употребление неудачного термина «безмотивный отвод» (в отличие от немотивированного), после авторского объяснения, что мотивы для отвода в этих случаях на самом деле имеются (с. 15, 23 автореферата) и др.

Высказанные замечания не меняют общего вывода о том, что работа Натальи Анатольевны Поляковой в целом отвечает требованиям, предъявленным к кандидатским диссертациям, т.е. представляет собой завершенную научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задач, имеющих существенное значение для развития уголовного судопроизводства России. Содержание диссертации отражено в пяти публикациях автора, в том числе одна статья – в издании, включенном в перечень, рекомендованный ВАК МО РФ. Автореферат соответствует содержанию диссертации и требованиям к его оформлению. Результаты научного исследования прошли достаточную апробацию. Н.А. Полякова заслуживает присуждения исковой ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность.

*Подписной индекс Вестника ЮУрГУ, серия «Право» 29057,
объединенный каталог «Пресса России».
Периодичность выхода – 4 номера в год.*

*Информация о «Вестнике ЮУрГУ» и требования к оформлению статей
доступны в Интернет по адресу:
<http://www.susu.ac.ru/ru/science/publish/vestnik/>*

**ВЕСТНИК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

№ 8 (108) 2008

**Серия
«ПРАВО»
Выпуск 14**

Издательство Южно-Уральского государственного университета

Подписано в печать 04.04.2008. Формат 60×84 1/8. Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 13,11. Уч.-изд. л. 13,95. Тираж 500 экз. Заказ 69/135.

Отпечатано в типографии Издательства ЮУрГУ. 454007, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76.